

БОРЬБА КЛАССОВ

1

Март 1931 г.

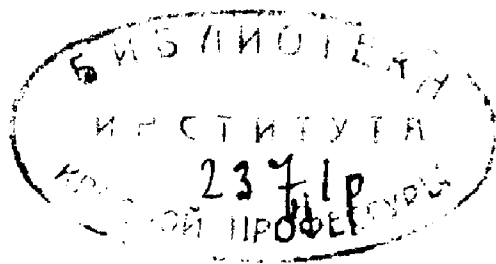
МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОМПЕТЕНТНОМ ЦИК СССР

Редакция: Страстной бульвар, 11, тел. 3-42-45.

Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК»

М. ПОКРОВСКИЙ

ЛЕНИН И ИСТОРИЯ

Зачем нужно заниматься историей? Многие думают, что совсем не нужно, — что нужно заниматься только современностью. Или что история служит только так, для развлечения, или, в лучшем случае, для «поучения». Если сказать, что без некоторого исторического образования — как и без некоторого философского образования — нельзя быть марксистом, иной широко раскроет глаза. Еще недавно спорили, учить ли в школах истории или нет, хотя Ленин требовал этого самым настойчивым, самым неукоснительным образом.

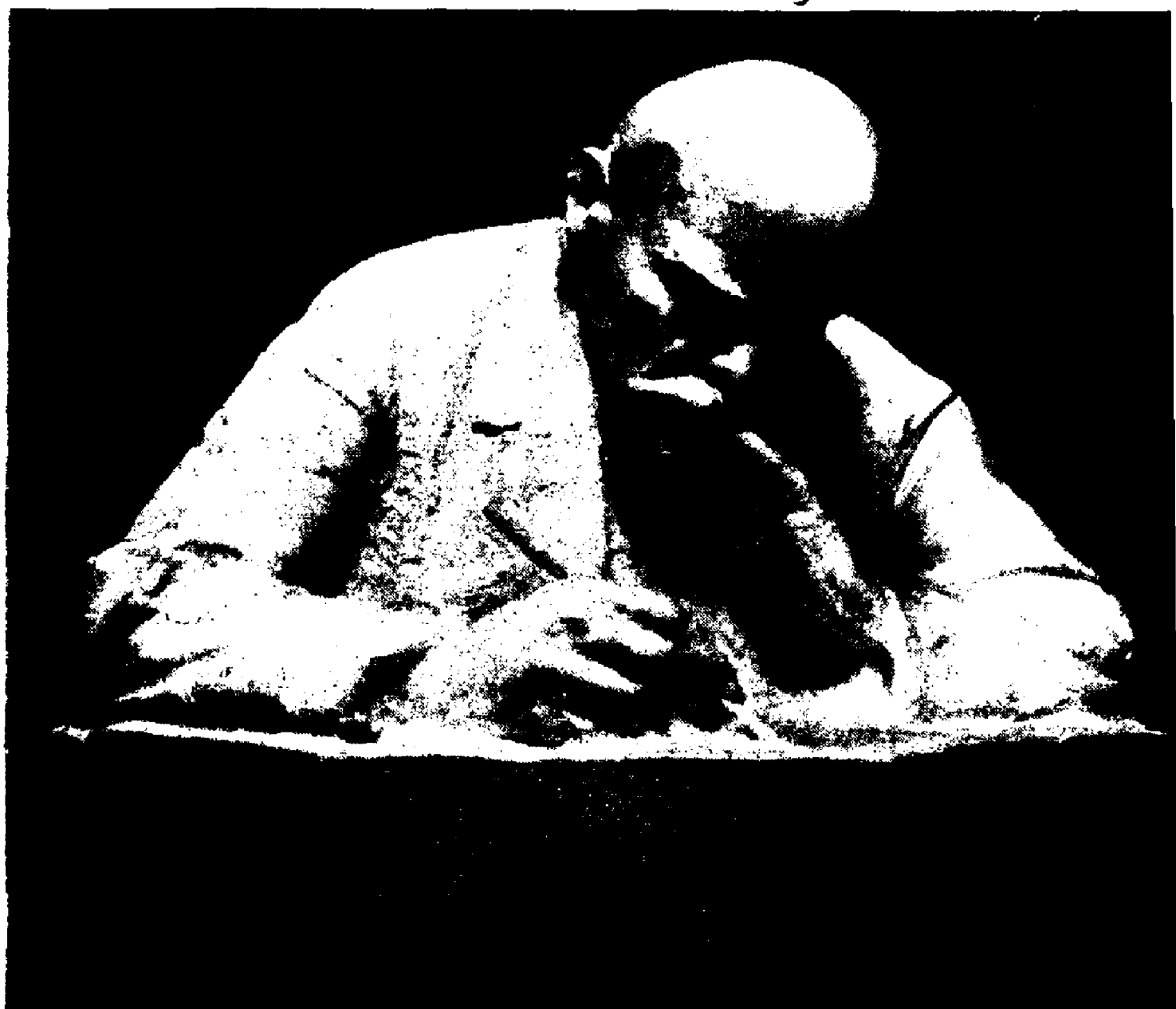
Для того чтобы избавиться от таких, совершенно праздных, споров, очень полезно вспомнить, что думал об истории Ленин. В своей лекции перед свердловцами о государстве в 1919 году Ленин говорил: «Для того чтобы наиболее научным образом подойти к этому вопросу, надо бросить хотя бы беглый исторический взгляд на то, как государство возникло и как оно развивалось. Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того чтобы действительно приобрести навык, подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, — это не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Естественно, что историческому материализму как составной части марксизма Ленин придавал огромное значение. «Величайшим завоеванием научной мысли явился исторический материализм Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается,

¹ Новые статьи и письма, вып. 1, изд. 1930 г., стр. 94.

1

вследствие роста производительных сил, другой, о крепостничества, например, вырастает капитализм. познание человека отражает независимо от него сущ- т. е. развивающуюся материю, так о б щ е с т в е н н ь человека (т. е. разные взгляды и учения философов политические и т. п.) отражает э к о н о м и ч е с к о с т в а. Политические учреждения являются надстройкой на основании. Мы видим, например, как разные политические европейских государств служат укреплению господства над пролетариатом»¹.

Тут особенно важно подчеркивание Лениным те- историей и п о л и т и к о й. В политических спорах мы не в состоянии разобраться, пока мы не знаем, как откуда они взялись, чьи интересы они отражают. и всегда будут глупенькими жертвами обмана и сам- пока они не научатся за любыми нравственными, рели- скими, социальными фразами, заявлениями, обеща- и н т е р е с ы тех или иных классов»². Если челове- ный стоит вне политики, по определению Ленина, то безграмотный стоит вне м а р к с и с т с к о й полити- сумеет разобраться, какой класс с ним борется и до- класса он сам защищает. Много добрых людей бывали- час убеждены, — что они борются за интересы пролет- самом деле они отстаивают интересы кулака и всяк- хозяйчика п р о т и в пролетариата. Потому что кл-

¹ Сочин. т. XVI, изд. 3-е, стр. 350 и 351.

² Там же, стр. 353.

вчера, они складывались десятилетиями, и иногда веками, и не разворошишь их истории до дна, мы не разглядим их настоящего лица, тем более, что лицо это обыкновенно прячется.

Великолепный образчик такого классового анализа дал сам Ленин на примере буржуазии и ее партий в эпоху III Государственной Думы (1908—1912 года). На этом анализе, между прочим, видно, что заниматься современностью вовсе не значит сидеть, уткнувшись носом в то, что происходит сегодня, иной раз и то, что происходило пятьдесят лет назад, весьма современно.

Вот что писал Ленин о III Думе весной 1912 года. «Третья Дума с новой стороны, в новой обстановке подтвердила то основное деление русских политических сил и русских политических партий, которое вполне определенно наметилось с половины XIX века, все больше оформлялось в 1861—1904 годах, вышло наружу и закрепились на открытой арене борьбы масс в 1905—07 годах, оставаясь таковым же и в 1908—12 годах. Почему это деление остается в силе и поныне? Потому что не решены еще те объективные задачи исторического развития России, которые составляют содержание демократических преобразований и демократических переворотов везде и повсюду, от Франции 1789 года до Китая 1911 года»¹.

Так глубоко надо было спуститься в историю, чтобы понять отношения, какие сложились между отдельными классами русского общества к 1912 году! Оказывается, что эти отношения начали складываться еще раньше «крестьянской реформы» 1861 года, в период борьбы за эту реформу. В одной из своих предыдущих статей, написанной в 1911 году, именно по случаю пятидесятилетнего юбилея этой самой «реформы», Ленин дает подробную, обоснованную схему, план того развития, которое привело в конце концов к III Думе. Эти пять страниц ленинской статьи² дают более глубокую и более содержательную оценку всего пятидесятилетнего периода русской истории, нежели пятьсот страниц любого профессорского курса.

Ленин отчетливо намечает два течения, идущих от тех далеких дней. Одно течение представлено крепостниками-помещиками, которых «заставила взяться за реформу», с одной стороны, «сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма», с другой — боязнь крестьянской революции. «Крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой. Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию».

«Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой внутри господствующих классов, большей частью внутри помещиков, борьбой и исключительно из-за меры и формы уступок. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти».

Крепостники и либералы в 1861 году это одно течение. Против него стояли крестьянские массы, которых «века рабства настолько забили и притупила», «что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», неосвещенных никаким политическим сознанием», да «одиночки-революционеры» с Н. Г. Чернышевским во главе. Это было другое течение.

¹ Ленин, т. XV, 3-е изд., стр. 407.

² Стр. 142—146 т. XV, по 3-му изд., все дальнейшие цитаты оттуда.

«Либералы хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам духу времени». Чернышевский был «революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры—идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей».

«Эти две исторические тенденции развивались в течение полувека, прошедшего после 19 февраля, и расходились все яснее, определеннее и решительнее. Росли силы либерально-монархической буржуазии, проповедывавшей удовлетворение «культурной» работой и чуравшейся революционного подполья. Росли силы демократии и социализма, сначала смешанных воедино в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народовольцев и революционных народников, а с 90-х годов прошлого века начавших расходиться по мере перехода от революционной борьбы террористов и одиночек-пропагандистов к борьбе самих революционных классов».

«В революции 1905 года те две тенденции, которые в 1861 году только наметились в жизни, только-только обрисовались в литературе, развились, выросли, нашли себе выражение в движении масс, в борьбе парижской на самых различных поприщах, в печати, на митингах, в союзах, в стачках, в восстании, в Государственных думах».

«1861 год породил 1905 год. Крепостнический характер первой «великой» буржуазной реформы затруднил развитие, обрек крестьян на тысячи худших и горших мучений, но не изменил направление развития, не предотвратил буржуазной революции 1905 года. Реформа 1861 года отсрочила развязку, открыв известный клапан, дав некоторый прирост капитализму, но она не устранила неизбежной развязки, которая к 1905 году разыгралась на поприще несравненно более широком, в натиске масс на самодержавие царя и крепостников-помещиков. Реформа, проведенная крепостниками в эпоху полной неразвитости угнетенных масс, породила революцию к тому времени, когда созрели революционные элементы в этих массах. Третья Дума и столыпинская аграрная политика есть вторая буржуазная реформа, проводимая крепостниками. Если 19 февраля 1861 года было первым шагом по пути превращения чисто крепостнического самодержавия в буржуазную монархию, то эпоха 1908—1910 годов показывает нам второй и более серьезный шаг по тому же пути».

В других местах Ленин, повторяя ту же мысль, предостерегает своего читателя от вывода, что если черносотенное самодержавие сделало шаг по направлению к буржуазной монархии, то эта буржуазная монархия уже налицо. Ничего подобного. «Те кто отрицает (или не понимает)..., что перед нами стоят старые проблемы, что мы идем навстречу старому их решению, те покидают на деле почву марксизма, те оказываются на деле в плену у либералов». «Мы переживаем дальнейший сдвиг всего уклада русского государства, еще один шаг по пути превращения в буржуазную монархию. Этот новый шаг, столь же неуверенный, столь же колеблющийся, столь же неудачный, столь же не состоятельный, как прежде, ставит перед нами старые вопросы». Царизм только идет к буржуазной монархии, идет ощупью и зигзагами, спотыкаясь на каждом шагу и на каждом шагу напоминая о своей черносотенной природе. Тем не менее он идет все время в одном определенном направлении. «Подчеркнуть же это направление тем более необходимо, чем чаще приходится слышать в наше время непродуманные суждения о том, будто «шаги» по пути превращения в буржуазную монархию делаются Россией чуть ли не в самые последние годы»¹.

¹ Тот же том, стр. 96, 99 и 123.

Тем более необходимо, что люди, увидавшие перед собою столь «новую» вещь, как движение царизма по пути буржуазной монархии, сразу же уверовали, что путь уже пройден, что буржуазная монархия уже пришла, и говорить о буржуазной революции в 1911 году такая же устарелая вещь, как говорить об отмене крепостного права после 1861 года. А в числе этих людей, притом в числе тех, кто с особенной наивностью высказывал подобные мысли, был ученый историк Н. А. Рожков, которого многие тогда считали — а иные, может быть, и сейчас считают — настоящим марксистом.

Из этого исторического анализа следовали практически выводы для Ленина, что нужно, не покладая рук, работать над подготовкой новой революции и для этого в неприкосновенности сохранять старую большевистскую организацию, для Рожкова, что нужно хлопотать об основании «открытого общества рабочих», так как никаких «бурь» в ближайшем будущем не предвидится, а старую организацию ликвидировать. Из исторического анализа в том и другом случае следовала определенная политическая тактика.

Эта тактика определялась, разумеется, не историческими изысканиями, а тем действительным положением вещей и действительным соотношением классов, какое существовало в России в 1911—1912 годах. Но чтобы понять это действительное положение, нужно было очень ясно видеть далеко вглубь прошлого. У не занимавшего никакой исторической кафедры Ленина было это ясное понимание прошлого, как ни у какого другого человека его времени; у профессионального историка Рожкова этого ясного понимания прошлого не оказалось.

Что Ленин, как никто, понимал сущность русского исторического процесса, притом не только с 1861 года, а с гораздо более далеких времен, что всякая будущая история России, заслуживающая имени марксистской, должна руководиться этим пониманием русской истории Лениным, об этом никто теперь не спорит. А из статей Ленина по национальному вопросу возьмет свои основные установки и создаваемая нами теперь история народов СССР, — об этом тоже никто не станет спорить. Но что у Ленина есть замечательно глубокие и меткие установки по истории вообще, в частности по истории Западной Европы, об этом не то что спорят, но многие этого как-то не замечают.

А между тем и тут у Ленина есть схемы и планы, которые должны бы лечь в основу работы целого ряда историков-марксистов. Возьмем, для примера, один отрывок. Ленин разбирает тот же вопрос, об отношении либералов и демократов, какой он разбирал выше на примере русской истории после 1861 года, но разбирает теперь на примере Франции. «Либеральная буржуазия во Франции начала обнаруживать свою вражду к последовательной демократии еще в движении 1789—1793 годов. Задачей демократии было создание вовсе не буржуазной монархии, как прекрасно знает Мартов. И демократия Франции, с рабочим классом во главе, вопреки колебаниям, изменам, контрреволюционному настроению либеральной буржуазии, создала, после долгого ряда тяжелых «кампаний», тот политический строй, который упрочился с 1871 года. В начале эпохи буржуазных революций либеральная французская буржуазия была монархической; в конце долгого периода буржуазных революций — по мере увеличивающейся решительности и самостоятельности выступлений пролетариата и демократически буржуазных («левоблокистских», не во гнев будь сказано Л. Мартову!) элементов — французская буржуазия вся была переделана в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена. В Пруссии, и в Германии вообще, помещик не выпускал из своих рук гегемонии во все время буржуазных революций и он «воспитал» буржуазию по образу и подобию своему. Во Франции геге-

монию, раза этак четыре за все восьмидесятилетие буржуазных революций, отвоёвал себе пролетариат в разных сочетаниях с «левоблокистскими» элементами мелкой буржуазии, и в результате буржуазия должна была создать такой политический строй, который более угоден ее антиподу»¹.

Такой картины воспитания класса капиталистов революционными массами, «левоблокистскими», то есть представлявшими соединение пролетарских и революционных мелкобуржуазных элементов², вы не найдете, конечно, ни у одного не только прямо буржуазного, но и по-меньшевистски «марксистского» историка Западной Европы. А между тем тут действительно водораздел между судьбами французской и прусской, например, буржуазии — объяснение того, почему вторая до 1917 года терпела полусамодержавную монархию и дворянство, тогда как первая вынуждена была ввести полное формальное равенство между гражданами и выгнать из страны всех «претендентов» на французский престол.

Человек так тонко и глубоко понимавший историю и России и Западной Европы не мог терпимо относиться к исторической безграмотности и жестоко бичевал за нее своих противников. «Мартов сравнивает Россию эпохи крестьянских восстаний против феодализма с «Западной Европой», давным давно покончившей с феодализмом. Это феноменальное извращение исторической перспективы. Есть ли «во всей Западной Европе» социалисты, у которых в программе стоит требование: «Поддержать революционные выступления крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель»? Нет. «Во всей Западной Европе» социалисты отнюдь не поддерживают мелких хозяев в их борьбе из-за землевладения против крупных хозяев. В чем разница? В том, что «во всей Западной Европе» давно сложился и окончательно определился буржуазный строй, в частности, буржуазные аграрные отношения, а в России именно теперь идет революция из-за того, как сложится этот буржуазный строй. «Как Мартов, так и Троцкий смешивают в кучу разнородные исторические периоды, противопоставляя России, совершающей свою буржуазную революцию, Европу, давно кончившую эти революции»³.

«Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенных исторических рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи». Вот почему Ленин был непримиримым противником всяких общих характеристик, не приуроченных к определенной конкретной исторической действительности. «Наши либералы вообще — а за ними и либеральные рабочие политики (ликвидаторы) — любят говорить и говорить об «европеизации» России. Малюсенькая правда служит здесь для прикрытия большой неправды. — Несомненно, что Россия, вообще говоря, европеизируется, т. е. перестраивается по образу и подобию Европы (причем к «Европе» надо теперь причислять, вопреки географии, Японию и Китай). Но эта европеизация вообще идет с Александра II, если не с Петра Великого, идет и во время подъема (1905), и во время реакции (1908—1911), идет и в полиции и у помещиков типа Маркова, которые «европеизируют» свои приемы борьбы с демократией. — Словечко «европеизация» оказывается таким общим, что оно служит для запутывания дела, для затемнения насущных вопросов политики»⁴.

¹ Т. XV, стр. 342 и 343.

² «Левым блоком» называли союз с.-д. большевиков и эсеров на выборах во II Думу в 1906 г. Меньшевики шли тогда вместе с кадетами.

³ Там же, стр. 12-13.

⁴ Т. XVII, стр. 431 и 432; т. XVI, стр. 314.

История же должна служить не для затемнения, а для разъяснения основных вопросов политики. В этом ее смысл, в этом ее значение для марксиста. История — это объяснительная глава к политике. И в этом связь в истории теории с практикой. В этой связи Ленин видел «душу живую» марксизма. «Наше учение, — говорил Энгельс про себя и про своего знаменитого друга, — не догма, а руководство для действия. В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду. А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живую, мы подрываем его коренные теоретические основания — диалектику, учение о всеобщем и полном противоречий историческом развитии, мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истины»¹.

И с этой точки зрения увязки теории с практикой проделанная марксизмом историческая работа представлялась Ленину главным делом марксизма. «Главное в учении Маркса — это выяснение всемирно исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества. Подтвердил ли ход событий во всем мире это учение после того, как оно было изложено Марксом?». «Не успели оппортунисты нахвалиться «социальным миром» и не необходимостью бурь при «демократии», как открылся новый источник величайших мировых бурь в Азии. За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская. Мы живем теперь как раз в эпоху этих бурь и их «обратного отражения» на Европе. Каковы бы ни были судьбы великой китайской республики, на которую теперь точат зубы разные «цивилизованные» гиены, но никакие силы в мире не восстановят старого крепостничества в Азии, не сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах».

«Некоторых людей, невнимательных к условиям подготовки и развития массовой борьбы, доводили до отчаяния и до анархизма долгие отсрочки решительной борьбы против капитализма в Европе. Мы видим теперь, как близоруко и малодушно анархическое отчаяние. Не отчаяние, а бодрость надо почерпать из факта вовлечения восьмисотмиллионной Азии в борьбу за те же европейские идеалы. Азиатские революции показали нам ту же бесхарактерность и подлость либерализма, то же исключительное значение самостоятельности демократических масс, то же отчетливое размежевание пролетариата от всяческой буржуазии. Кто после опыта и Европы и Азии говорит о не-классовой политике и о не-классовом социализме, того стоит просто посадить в клетку и показывать рядом с каким-нибудь австралийским кенгуру». «После появления марксизма каждая из трех великих эпох всемирной истории приносила ему новые подтверждения и новые триумфы. Но еще больший триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха»².

Этим пророческим заключением (эта статья Ленина «Исторические судьбы учения Карла Маркса» написана в 1913 году) я заканчиваю коротенький подбор высказываний Ленина об истории и ее значении. Это лишь ничтожная доля таких высказываний. Исторические наблюдения и обобщения попадают нам у Ленина почти в каждой статье. Их еще никто не подытожил как следует — по большей части ограничивались подбором цитат в роде приведенных выше. Хорошо, если бы читатели «Борьбы классов» занялись этим делом. Общими силами оно пойдет куда скорее, чем попытками отдельных марксистских литераторов.

¹ Т. XV, стр. 71. Разр. моя. М. II.

² Т. XVI, стр. 331 и 333.

„НАРОД ДОЛЖЕН ЗНАТЬ СВОЮ ИСТОРИЮ“!

Слова эти не редко повторялись либеральными «просветителями народа» задолго до Октябрьской революции: этими словами выражалось желание русской буржуазной интеллигенции вооружить трудовой народ знанием его прошлого и вызвать в нем активно отрицательное отношение к самодержавному строю царей Романовых, которые не решались разделить «полноту своей власти» с помещиками, фабрикантами и банкирами. В государствах Западной Европы капиталисты давно уже отобрали власть у королей и являлись полными хозяевами земли и жизни народа; само собою разумеется, что они захватили власть руками того же народа. Что выиграли рабочие и крестьяне от этого перехода власти из одних рук в другие, из рук королей и дворянства в руки банкиров и фабрикантов? На этот вопрос отвечает действительность наших дней: страсть к наживе превратилась у капиталистов Европы в бессмысленную, механическую привычку, жестокое выжимание трудовой энергии рабочих привело капитализм к небывалому экономическому кризису, свыше тридцати миллионов рабочих выброшены на улицу и голодают, а капиталисты, пользуясь беззащитностью людей труда, понижают заработную плату тех, которые еще имеют работу.

«Народ должен знать свою историю». До Октябрьской революции рабоче-крестьянская масса не могла знать свою историю по той простейшей причине, что рабочие и крестьяне были почти сплошь безграмотны или малограмотны. Но если б даже эта причина вдруг, каким-то чудом была уничтожена, — все-таки трудовой народ не узнал бы подлинной исторической правды о своем прошлом. Он не узнал бы ее не только потому, что знание правды было строго запрещено царской цензурой и что кроме цензуры существовал специальный Департамент полиции и охранные отделения, которые ревниво следили, чтоб правда не просачивалась в гущу класса трудящихся, но и потому еще, что знание настоящей правды было не выгодно, опасно для помещиков, фабрикантов, банкиров. Истинная, неоспоримая правда истории сводится к тому, что вся жизнь рабочих и крестьян есть не что иное, как борьба людей безоружных, малограмотных, бесправных против людей, вооруженных всеми знаниями, которые выработала наука, и обладающих всеми правами для грабежа чужого труда.

«Народ должен знать свою историю». Что рассказала бы ему правдивая история его прошлой жизни?

Он знал бы из ее рассказа, что его разум, его воля не участвовали в процессе истории, а весь он, вся его масса служила материалом для его же закрепощения своекорыстной и бесчеловечной воле капиталистов. Узнал бы, что изредка, в разных странах, у него не хватало сил терпеть каторжную жизнь бесправного раба, и тогда из среды его, из его плоти, вырастали организаторы его гнева и мести, появлялся итальянец Фра-Дольчино, немец Фома Мюнцер, чех Иван Гус, появлялись русские: Иван Болотников, Степан Разин, Емельян Пугачов. Судьба всех этих восстаний была одинакова: войска церкви, королей, царей — те же крестьяне, хорошо вооруженные холопы бояр и дворян, — гасили восстания кровью своих

братьев, вождей — убивали палачи, а те побежденные, которые оставались в живых, снова попадали во власть бояр, дворян, королей, царей.

История рассказала бы им, как полуграмотные попы обучали трудовой народ терпению и покорности «властям, поставленным от бога», как мужиков загоняли в монахи и силою их строили монастыри, увеличивая число «мирских захребетников», создавая государство, в котором мужик работал сошкой, а захребетник его — ложкой. Укрепляя силу и влияние свое на безграмотный народ, церковь создавала нехитрые фокусы, названные ею «чудесами», создавала из бояр «святых» угодников божиих. — все это делалось в угоду властям. Основная задача всех церквей была одна и та же: внушать бедным холопам, что для них — нет счастья на земле, оно уготовано для них на небесах, и что каторжный труд на чужого дядю — дело богоугодное. Мужика «во святые» не допускали, но заниматься грешным делом кулачества и мироедства не мешали ему. Большому зверю выгодно если маленький — жирен, жирного приятнее сожрать. Наиболее ловкие и хитрые единицы трудового народа, выбиваясь из темной, каторжной, нищенской жизни, присоединялись к тем, кто сидел на шее трудящихся, и тоже садились на эту выносливую шею.

Старая, тяжелая история рабочих и крестьян рассказана с предельной простотой и краткостью в книге т. М. Н. Покровского, — в книге, которую каждый грамотный человек должен прочитать не один раз. В ней он увидит подлинную и печальную правду: все эксплуататоры трудового народа, все враги его выходили из его же среды, из его плоти во всем мире вырос могучий класс богачей, капиталистов, тех, которых изгнал из России рабочий народ, и тех, кто в Западной Европе, в Америке — всюду на земле доживает свой век. В этой книге отлично рассказано, как кровавая борьба классов привела народ Союза Советов к победе, к началу новой истории, которую энергично и успешно создают у нас рабочие и крестьяне, социалисты-большевики суровой школы Владимира Ленина, вождя пролетариев всех стран.

В Октябре 1917 года у нас положено начало новой истории. Каждый грамотный рабочий и крестьянин должен знать ее, потому что она строится именно на этой извечной правде, которая, всегда привлекая к себе трудовой народ всего мира, не редко зажигала в нем огонь желания осуществить ее, построить жизнь на ее основе. Это — единственная правда, сила которой может изменить к лучшему все условия жизни рабочих и крестьян. Первый, кто неопровержимо доказал, что старая история человечества дожила до своих последних лет и что настало время для создания новой истории — истории полного освобождения трудового народа из жестокого плена богачей, — человек этот был Карл Маркс.

Он и за ним гениальный последователь его Владимир Ленин твердо и навсегда установили простую и ясную истину: до той поры, пока будут существовать условия, которые позволяют одному человеку жить за счет труда десятков, сотен тысяч людей, — жизнь трудового народа, пролетариата города и деревни, не может быть изменена к лучшему. Изменить каторжные условия труда и недостойные людей формы общественной жизни, построенной на жадности, зависти, на непрерывной борьбе, бессмысленно истощающей трудовую энергию рабочего народа, — изменить эти позорные условия может только рабочий класс. Для этого он должен взять в свои руки политическую власть, а также всю землю и все, что она производит и дает посредством приложения к ней разумного, планомерного челове-

ческого труда, — все полезное людям, что скрыто в ее недрах, все орудия производства: инструменты, машины, фабрики, пароходы, паровозы и вообще все, что создано и создается трудом рабочих, а служит для укрепления над ними бессмысленной и безответственной власти капиталистов.

Известно, что все социалисты приняли эту истину, но большинство из них утвердилось на том, что такое решительное изменение основных условий жизни трудового народа возможно только путем тихого и мирного сглаживания противоречий между капиталом и трудом, путем постепенной, медленной «эволюции».

Отсюда ясно, что большинство социалистов II Интернационала не революционеры и ничем не отличаются от просвещенных либералов, которые, соглашаясь «в принципе» с необходимостью изменения форм общественной жизни, на практике преследуют свои личные интересы, интересы людей, желающих командовать жизнью рабочего класса. Эти социалисты так часто предавали рабочий класс, что о них можно бы не говорить, если бы они не были способны на дальнейшие измены и предательства.

Владимир Ленин, человек огромного и ясного ума, решительный и строгий революционер, в 1903 году непреклонно заявил, что основная задача искреннего социалиста развивать классовое чувство пролетариата деревни и города до сознания необходимости организации вооруженного восстания против помещиков и фабрикантов в целях захвата политической власти.

Его учение привилось, организовало классовое сознание рабочих, создало партию прекрасных бойцов и обеспечило пролетариату победу над врагами. В стране Союза Социалистических Советов нет иных хозяев, кроме рабочих и крестьян, все ее богатства принадлежат только им.

В Союзе Советов начато и успешно развивается строительство первого в мире государства социалистического. Трудно выкорчевать из жизни навыки, предрассудки и суеверия, воспитанные в людях веками, но этот процесс выветривания наследий старой, мрачной истории развивается с должной быстротой, и уже мы имеем право сказать, что в Союзе Советов нет такого угла, куда бы ни проник революционный дух новой истории.

Он будет действовать еще более решительно и успешно, если перед массой рабочих и крестьян широко развернуть грандиозную и трагическую картину начала новой истории. Начало это — гражданская война 1918—1921 гг., небывалое по силе выражение воли рабочих и крестьян, историческая картина бесчисленных боев голого, голодного, почти безоружного пролетариата с армиями офицеров и буржуазной молодежи, с прекрасно вооруженными армиями, которые защищали власть помещиков, фабрикантов, банкиров. Этими армиями командовали ученые генералы, им помогали капиталисты всей Европы.

История гражданской войны — история победы великой правды, воплощенной в рабочем классе. Эту историю должен знать каждый боец на культурно-революционном фронте, каждый строитель нового мира.

Над созданием такой книги по истории гражданской войны начали работать гг. Ворошилов, Бубнов, Гамарник, Покровский и другие специалисты военного дела и, конечно, специалисты-историки. Это будет книга, доступная пониманию даже не очень грамотного человека. Чтобы сделать ее легко читаемой, к обработке военного материала будут привлечены наши лучшие художники слова, — те из них, кто побывал на фронтах гражданской войны, вооруженный винтовкой или пером.

Эта «История» необходима не только старым бойцам, которые теперь, неутомимо работая на стройке социализма, побеждают сопротивление материалов древней человеческой косности, неверие людей в свои силы, не только для того, чтобы они гордо вспомнили свои битвы и победы. Она

нужна молодежи нашей для того, чтоб молодежь узнала героизм своих отцов и умела понять, кто дрался за свою избу и корову, кто за свободу рабочего класса, за социализм. Она необходима для миллионов пролетариата всех стран, миллионов, от которых уже не далеки дни великих битв. Эта книга должна быть яркой летописью героизма и вдохновлять на героизм.

В то же время она будет действительной и правдивой историей всех зверств и разрушений, нанесенных нашей стране ее бывшими хозяевами, она должна показать всю мерзость ненависти хищников, которым сломали лапы и выбили клыки. Она покажет, как подло фабриканты и помещики разрушали хозяйство народа своей страны. Она убедит добродушных и мягкосердечных, что капиталист уже не человек, а существо, в котором безумная жажда наживы выела все мало-мальски человеческое. Эта «История» должна быть книгой итсга всей крови, пролитой паразитами ради того, чтоб только сохранить для себя привычные условия удобной, красивой и насквозь подлой жизни двуногих зверей, воспитанных на пожирании чужой силы.

Это будет книга нашей красной правды, которая явилась в старый мир, чтоб преобразить его и воскресить к новой жизни.

ИСТОРИЯ ДОЛЖНА СЛУЖИТЬ НЕ ДЛЯ ЗАТЕМНЕНИЯ, А ДЛЯ РАЗЪЯСНЕНИЯ ОСНОВНЫХ ВОПРОСОВ ПОЛИТИКИ. В ЭТОМ ЕЕ СМЫСЛ, В ЭТОМ ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ МАРКСИСТА. ИСТОРИЯ—ЭТО ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА К ПОЛИТИКЕ.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

ЛЕНИН и НЭП

Десять лет назад партия совершила в необычайно трудных условиях сложный поворот от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике. Этот поворот обусловлен был необходимостью перехода от военного союза рабочего класса и основных масс крестьянства к экономическому союзу. В чем была сущность военного союза периода гражданской войны? Ленин в своем докладе на III Конгрессе Коммунистического Интернационала 5 июля 1921 года так определил форму союза. Он говорил:

«Мы заключили союз с крестьянством. Мы понимаем этот союз так: пролетариат освобождает крестьянство от эксплуатации со стороны буржуазии, освобождает его от руководства и влияния буржуазии. Он привлекает его к себе, чтобы совместно победить эксплуататоров».

Весь опыт гражданской войны показал, что этот военный союз пролетариата и крестьянства для совместной борьбы против помещичье-генеральской контрреволюции, против попыток капиталистов вернуть себе утраченную власть, утраченное богатство «не может существовать без экономического союза» (Ленин). «Мы живем,—говорил тогда же Ленин,—не одним воздухом, наш союз с крестьянами никоим образом не мог бы продержаться в течение продолжительного времени без экономического фундамента,

явившегося основой нашей победы в войне против буржуазии»¹.

Какова же была основа этого союза в период гражданской войны? «Основа этого экономического союза,—говорил Ленин,—между нами и крестьянством была, конечно, очень простой, даже грубой. Крестьянин получил от нас всю землю и поддержку против крупного земледелия. Мы должны за это получить продовольствие. Этот союз был чем-то совершенно новым и не покоился на обычных взаимоотношениях между товаропроизводителями и потребителями». В период гражданской войны мы вынуждены были реквизировать все хлебные излишки для питания Красной армии, для питания городов. Применявшаяся тогда продразверстка была в некоторых районах необычайно тяжела для крестьянства, но выхода никакого иного не было. «Во время гражданской войны мы были отрезаны от всех хлебных местностей России. Наше положение было ужасно, и только чудом могли русский народ и рабочий класс перенести столько страданий, нужды и лишений, не имея ничего, кроме неустанного стремления к победе»².

Могли ли мы продолжать эту политику, когда гражданская война подходила к концу, когда непосредственная

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 326 и 327. Цитаты введены по первому изданию собр. соч. Ленина.

² Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 327 и 328.

опасность интервенции была ликвидирована, когда угроза возвращения помещика была в значительной степени ослаблена? А между тем тяжелое положение, созданное гражданской войной, вызвавшей разорение народного хозяйства и величайшую разруху, осложнялась еще неурожаем 1920—1921 г. Ленин докладывал конгрессу Коминтерна, что именно эти причины были главными, повлекшими за собой переход к новой экономической политике.

«Неурожай, недостаток фуража, нехватка топлива — все это имеет, разумеется, решающее влияние на хозяйство в целом, в том числе и на крестьянское. Если крестьянство забастует, то мы не получим и дров. А если мы не получим дров, то фабрики вынуждены будут стать. Экономический кризис, вследствие огромного неурожая и недостатка фуража, весной 1921 года принял, таким образом, гигантские размеры. Все это было последствием трехлетней гражданской войны. Надлежало теперь показать крестьянству, что мы можем и хотим быстро изменить нашу политику, чтобы немедленно облегчить нужду крестьянства»¹.

Через десять лет многие, вероятно, уже позабыли обстановку, в которой происходил этот поворот от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике, от продразверстки, от реквизиции всех излишков к продналогу, к попытке наладить правильный социалистический продуктообмен, для нас, большевиков, этот переход был переходом на новых рельсах к той же самой цели, которую мы ставили себе в начале пролетарской революции, — к коммунизму. Далеко не все, даже члены партии, тогда усвоили правильно, что это есть переход к социализму хотя и обходными путями, что на путях нэпа партия наша и вся страна движется к социализму, к коммунизму. Ленин в брошюре о продналоге пояснял, что:

«Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену»,

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 329.

писал Ленин. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма, с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму.

«Своеобразный «военный коммунизм» состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкокрестьянской стране мы не могли»¹.

Однако не следует забывать, что к политике «военного коммунизма» мы перешли под влиянием нужды и разорения. Если бы не было необходимости все силы сосредоточить на военной обороне страны, на военной защите революции, страна Советов могла бы перейти непосредственно к тем социалистическим мероприятиям, которыми характеризуется период социалистического наступления последних лет. Еще весной 1918 года в статье «Очередные задачи Советской власти» Ленин выдвинул ряд мероприятий, которые во многом напоминают мероприятия весны 1921 года. В основу новой экономической политики 1921 г. Ленин положил одну из важнейших идей, которую он отстаивал в 1918 г., именно — поголовное кооперирование населения, кооперативный план. Ленин никогда не отрывал этот план от наших мероприятий по социалистическому переустройству всего народного хозяйства. У Ленина не было двух планов социалистического переустройства, как пытались представить дело оппортунисты. При диктатуре пролетариата, когда земля, орудия и средства производства находятся в руках рабочего государства, поголовное кооперирование населения и есть социализм. [Оппортунисты же пытались представить дело так, что ленинский план поголовного кооперирования населения — это одно, а сплошная коллективизация, т. е. переход к одной из высочайших форм производственной кооперации, — другое. Мож-

Там же, стр. 214.

но проследить в работах Ленина и в начале периода «военного коммунизма», в 1918 году и в его основных выступлениях в 1921 году и в последних статьях Ленина, написанных в 1923 году (о кооперации), одну и ту же мысль, один и тот же гениальный план развертывания социалистического наступления на путях нэпа. Но тогда, после тяжелых годов «военного коммунизма», непосредственно мы не могли перейти к тем социалистическим мероприятиям, к каким мы могли перейти широким фронтом за последние годы в период реконструктивный. Тогда нам пришлось искать «посредствующих путей». Можно проследить, как именно тогда уже, еще в 1918 году, а особенно в 1921 году, Ленин наметил одну из основных идей, определяющих правильность этого наступления, это — «всеобщий учет и контроль над производством и распределением».

Переход к новой экономической политике, как мы говорили уже, связан был с резко изменившейся к концу 1920 года обстановкой. В своей статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде» Ленин в августе 1921 года, определяя главные этапы революции, указывал на то, что новая экономическая политика была связана с новым четвертым этапом этой революции. В чем же он состоял, этот новый этап?

«Антанта вынуждена прекратить (надолго ли?) интервенцию и блокаду. Неслыханно разоренная страна едва-едва начинает оправляться, только теперь видя всю глубину разорения, испытывая мучительнейшие бедствия, остановку промышленности, неурожай, голод, эпидемии.

Мы поднялись до самой высокой и вместе с тем до самой трудной ступени в нашей всемирно-исторической борьбе. Враг в данную минуту и на данный период времени не тот, что вчера. Враг — не полчища белогвардейцев под командой помещиков, поддерживаемых всеми меньшевиками и эсерами, всей международной буржуазией. Враг — обывденщина экономики в мелкокрестьянской стране с разоренной крупной про-

мышленностью. Враг — мелкобуржуазная стихия, которая окружает нас, как воздух, и проникает очень сильно в ряды пролетариата. А пролетариат деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи. Стоят фабрики и заводы, ослаблен, распылен, обессилен пролетариат. А мелкобуржуазную стихию внутри государства поддерживает вся международная буржуазия, все еще всемирно могущественная»¹.

Почти десять лет назад написаны эти слова, и мы можем теперь подвести некоторые общие итоги тем изменениям, которые за эти годы произошли. Можно ли говорить сейчас о СССР как о «неслыханно разоренной стране, которая едва-едва начинает оправляться», как писал о ней Ленин в 1921 году. Страна сделала за эти годы, за это десятилетие гигантский шаг вперед по направлению к социализму, она преодолела разруху, вызванную империалистической и гражданской войной, она не только восстановила разрушенное этими войнами хозяйство, она далеко шагнула за все довоенные нормы этого хозяйства. Не только нельзя говорить о нашей стране как о стране, в которой «царствует обывденщина экономики», — нет, мы третий год выполняем грандиознейший пятилетний план социалистического строительства, который означает переход к коллективным формам в большей части районов сельского хозяйства, большей части населения, который означает социалистическое переустройство всей нашей промышленности, поголовное кооперирование всего населения и овладение всей торговлей, всем товарооборотом, выполнение грандиознейшего плана электрификации, который означает переход к социализму подавляющей массы крестьянского населения, который означает выкорчевывание последних капиталистических элементов в нашей стране. Конечно, и

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 354 и 355.

сейчас еще в третьем, решающем году выполнения этого пятилетнего плана, когда мы имеем построение фундамента социалистической экономики, еще силен «враг — мелкобуржуазная стихия, которая окружает нас, как воздух, и проникает очень сильно в ряды пролетариата». Но разве можно сравнить это влияние с тем, которое мы имели в 1920—1921 году, в период перехода к новой экономической политике, когда, по выражению Ленина, «пролетариат был деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи, когда стали фабрики и заводы и пролетариат был ослаблен, распылен, обессилен»? Теперь не только восстановлены старые фабрики и заводы — тысячи новых гигантов построены руками социалистического пролетариата. Пролетариат вырос, окреп политически, он завоевал все командные высоты. Руководящая роль пролетариата неизмеримо выросла. Пролетариат уже не распылен, он является величайшей силой современности. Конечно, и теперь, и сегодня «мелкобуржуазную стихию внутри государства поддерживает вся международная буржуазия, все еще всемирно могущественная». Не следует забывать и сегодня, что «полчища белогвардейцев под командой помещиков, поддерживаемые всеми меньшевиками и эсерами, всей международной буржуазией», — и сегодня еще готовы обрушиться на Советскую страну. Но СССР уже не та страна, какой она была в 1921 году. Она не только вступила в период социализма, она построила фундамент социалистического хозяйства, а это — основное важнейшее завоевание десяти лет новой экономической политики.

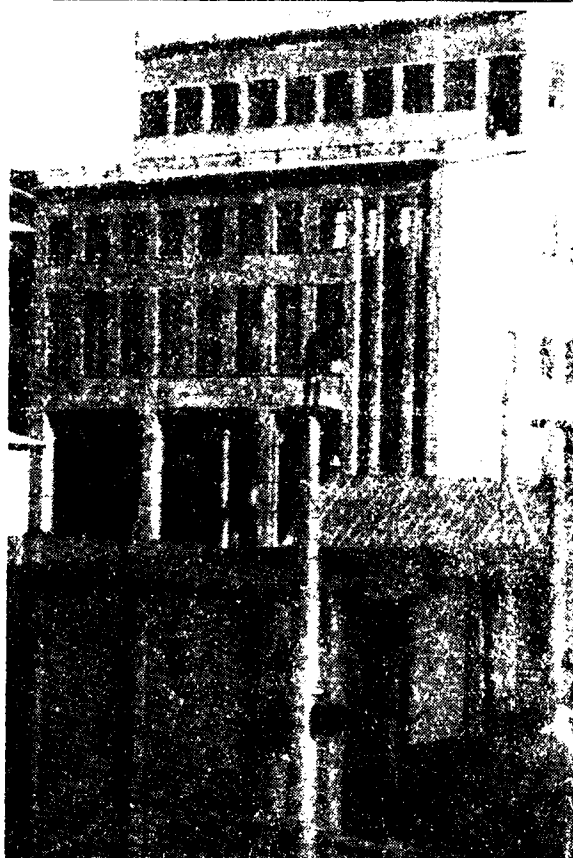
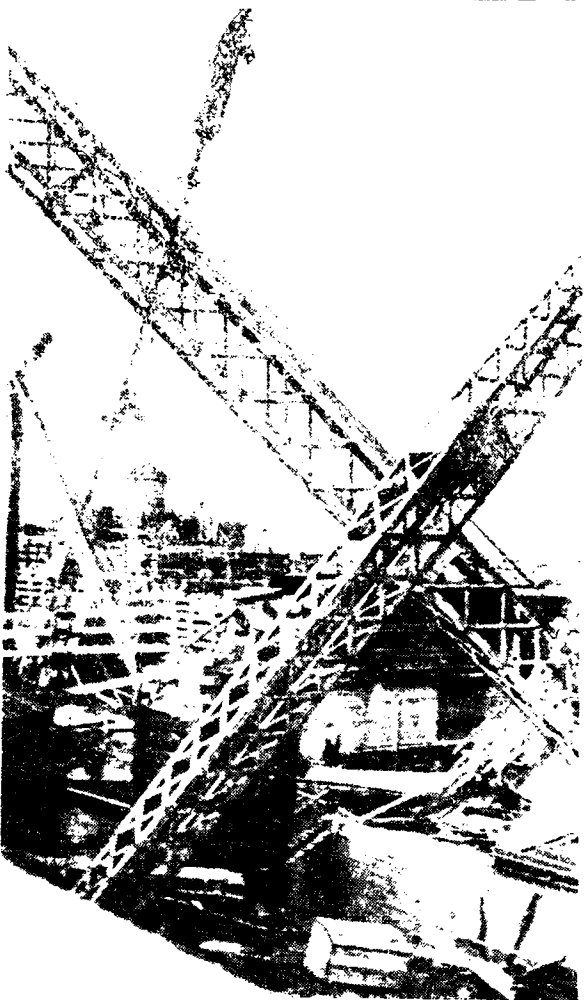
Накануне перехода к новой экономической политике страна наша пережила тяжелые месяцы колебаний и шатаний мелкобуржуазной стихии, отражавшихся и на некоторых прослойках нашей партии. В упомянутой уже статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде» Ленин писал:

«Каждый своеобразный поворот истории вызывает некоторые изменения в форме мелкобуржуазных шатаний, всегда имеющих

место рядом с пролетариатом, всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата».

Эти мелкобуржуазные шатания и лежат в основе народившихся накануне X съезда партии ряда фракционных оппозиционных группировок. Конечно, застрельщиком всякой фракционности и всякой групповщины были и тогда троцкисты во главе с Троцким, который претендовал на то, что он раньше Ленина рекомендовал переход к новой экономической политике. Но проведение новой экономической политики в начале 1920 года, когда была угроза возобновления войны с Польшей и Врангелем, конечно, только задержало бы хозяйственную революцию, развязало бы кулацкую стихию в самой опасной обстановке. Ленин имел все основания говорить, что дискуссия, которая была навязана троцкистами и другими оппозиционерами в 1920—1921 году, в значительной степени развязала мелкобуржуазную стихию. Классовый враг почувствовал, что в рядах партии нет полного единства. В нападениях на ленинскую политику партии классовый враг видел отражение своего недовольства: троцкисты (к которым в то время примыкал и Бухарин со своей «буферной позицией»); группа демократического централизма (Сапронов), которых называли впоследствии партийными либералами и которые впоследствии скатились к контрреволюционным установкам вместе с троцкистами; группа рабочей оппозиции (Шляпников, Медведев), которая начала с крайне левых революционных фраз, а скатилась к пошлейшим правооппортунистическим установкам; детище рабочей оппозиции — «мясниковцы», пошедшие впоследствии по пути образования явно контрреволюционной группировки («Рабочая группа»), и целый ряд других групп и группочек — все они выступили против политики партии в этот тяжелый момент.

Необходимо отметить, что новая экономическая политика была воспринята частью партии прямо враждебно. Меньшевики и эсеры видели в этом переходе подтверждение правильности своих взглядов: вот, дескать, партия больше-

На снимках:

сверху — новый нефтепереработочный керосино-бензиновый завод имени 28 апреля в Баку,

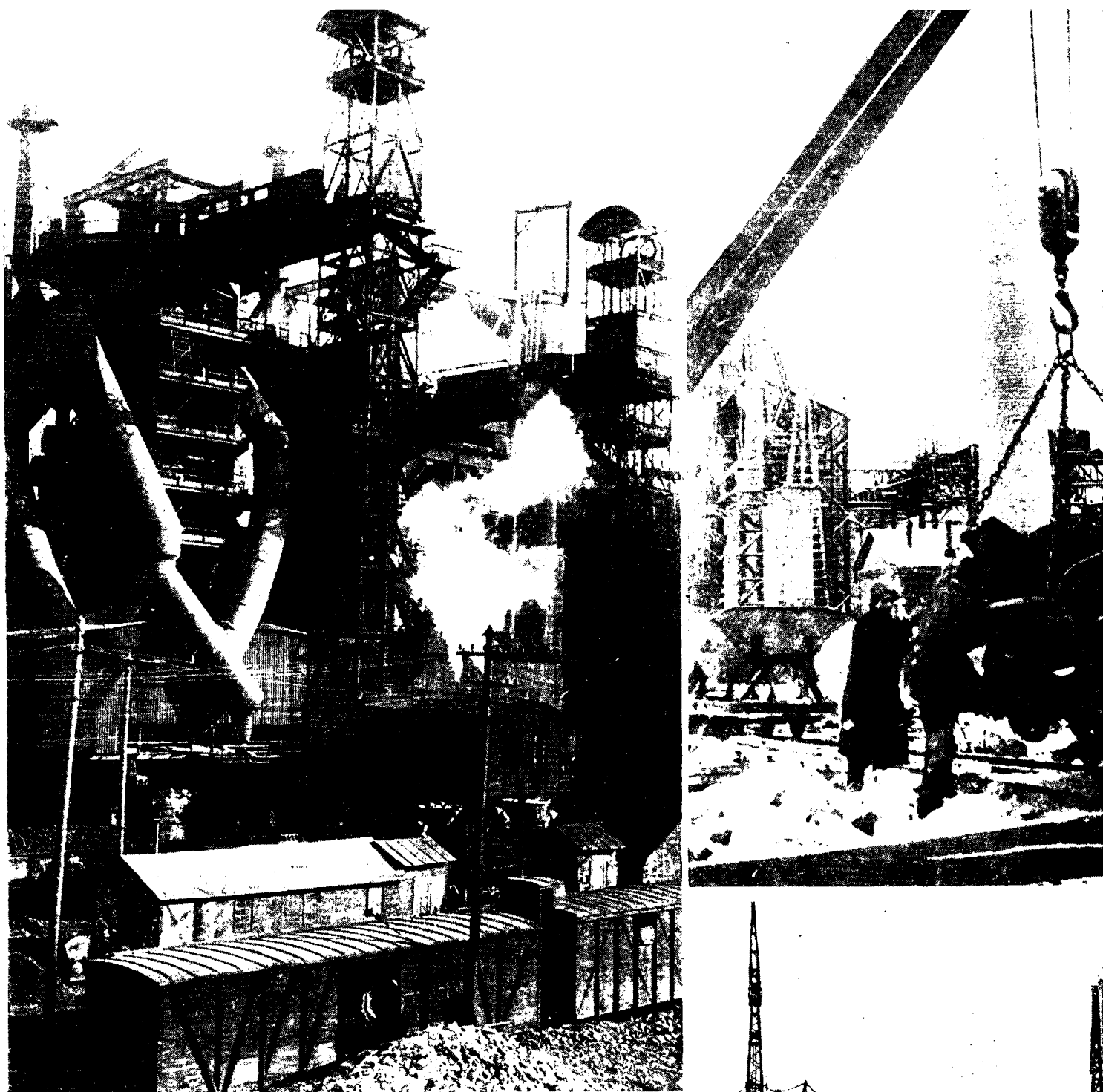
внизу слева — общий вид строительства Днепрогэста на левом берегу Днепра,

внизу справа — новая самая мощная в СССР шахта имени ОГПУ в Донбассе.

ИБО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СЕКТОР ДЕРЖИТ ТЕПЕРЬ В
ГИ ВСЕГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА...

СТАЛИН. Из доклада на XVI съезде.

ИЗ РОССИИ НЕПОВСКОЙ БУДЕТ РОССИЯ

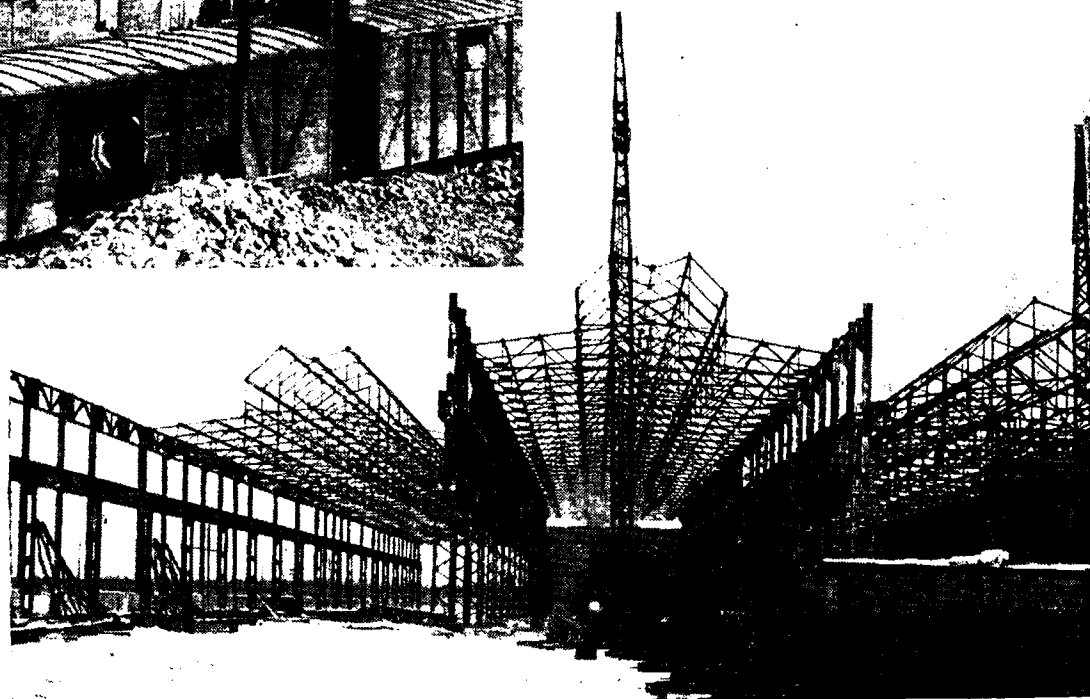

На снимках:

слева — металлургический завод имени Ворошилова в Алчевске. Домны № 6 и № 1,

справа — металлургический завод «Красный Октябрь» в Сталинграде.

внизу — Нижегородский Автострой. Прессовый цех.

ЯСНО, ЧТО МЫ УЖЕ ВСТУПИЛИ В ПЕРИОД СОЦИАЛИЗМА,
РУКАХ ВСЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РЫЧА

виков струсила. Ленин высмеивал тогда этих «героев».

«Ну, как же тут не струсить, особенно таким героям, как меньшевики и эсеры, как рыцари 2½ Интернационала, как беспомощные анархисты, как любители левой фразы? «Большевики поворачивают к капитализму, конец большевикам, революция и у них тоже не вышла за рамки буржуазной фразы». Этих воплей мы слышим довольно, но мы уже к ним привыкли».

Происходивший недавно процесс меньшевиков бросает свет и на этот, пройденный нами десять лет назад этап. Признания всех меньшевиков сводятся к тому, что переход к нэпу они восприняли как капитуляцию большевиков, как отказ от социализма, как переход к капитализму. Одни видели в этом переходе начало «термидора», другие—начало перерождения нашей партии и советской власти и по-своему они даже приветствовали этот переход в том смысле, что были уверены, будто наша партия и в самом деле пойдет по пути перерождения, а наша страна неизбежно станет на путь не только экономических уступок, но и политических уступок¹.

Именно поэтому часть белогвардейцев-эмигрантов, часть интеллигенции, до этого открыто враждебно относившиеся к советской власти, встали на путь так называемого сменовеховства. «Смена вех» произошла у них в том смысле, что так как советская власть, по их мнению, делает поворот к капитализму, то все то, что ведет к капитализму, они должны поддерживать. Поэтому сменовеховцы не должны безусловно враждебно относиться к новой экономической политике, а должны всячески помогать тому, чтобы новая экономическая политика означала еще большее расширение капиталистических отношений, чтобы она помогла укрепиться частнокапиталистическому сектору, и таким

¹ В 1926 г., когда выступила ленинградская оппозиция против ленинского понимания нэпа, меньшевики писали: «В петербургской организации РКП нашлись люди, которые впервые открыто решились сказать то о чем многие давно уже думают—«а король-то ведь олень». Нэп есть не что иное, как развитие капитализма»...

образом потихоньку да полегоньку «на тормозах» социалистическая страна спустится вновь к капиталистической реставрации. Классовый враг пытался использовать новую экономическую политику в своих интересах. Ленин предупреждал против этой правды Устряловых, правды классового врага. Ленин говорил:

«Опасности мы не преуменьшаем. Мы глядим ей прямо в лицо. Мы говорим рабочим и крестьянам—опасность велика, больше сплоченности, выдержки, хладнокровия, выкидывайте с презрением вон меньшевистствующих, эсерствующих паникеров и крикунов.

Опасность велика. Враг гораздо сильнее нас экономически, как вчера он был гораздо сильнее нас в военном отношении. Мы это знаем, и в знании наша сила».

Ленин говорил:

«Кто боится поражений перед началом великой борьбы, тот может называть себя социалистом лишь для издевательства над рабочими».

Но и в среде нашей партии были люди, для которых новая экономическая политика была неприемлема. Весной 1921 года были даже выходы из партии на почве несогласия с новой экономической политикой, а незначительная часть членов партии настолько растерялась перед этим переходом, что были даже отдельные случаи самоубийств на почве этой растерянности. Они не могли примириться с этим вынужденным отступлением, с тем, что мы потерпели поражение. Они продолжали стоять на точке зрения, которая была в начале пролетарской революции, когда «предполагалось осуществление непосредственного перехода к социализму, без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической»¹.

А между тем:

«К весне 1921 года выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом, т. е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения. Политическая

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 391.

обстановка весны 1921 года показала нам, что неизбежно в ряде хозяйственных вопросов отступить на позиции государственного капитализма, перейти от «штурма» к «осаде»¹.

Многие члены партии не могли примириться с тем, что мы должны принять временно политику отступления как маневр для перегруппировки сил, для усиления смычки с крестьянской массой, для перехода к новому наступлению на новой основе. Они проявили величайшую бесхарактерность, слабость, поддались колебаниям и шатаниям, которые в этот момент были особенно опасны, когда надо было отступать в порядке для того, чтобы перегруппировать силы и перейти в новое наступление. Ленин настойчиво подчеркивал необходимость этого отступления. Это отступление требовало величайшей организованности, выдержки, дисциплины, единодушия в рядах партии.

«Задача перехода к новой экономической политике в том и состоит, что после опыта непосредственного социалистического строительства в условиях неслыханно трудных, в условиях гражданской войны, в условиях, когда нам буржуазия навязывала формы ожесточенной борьбы, — перед нами весной 1921 года стало ясное положение: не непосредственное социалистическое строительство, а отступление в целом ряде областей экономики к государственному капитализму, не штурмовая атака, а очень тяжелая трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений. Вот что необходимо для того, чтобы подойти к решению экономического вопроса, т. е. обеспечения экономического перехода к основам социализма»².

Надолго ли было это отступление, когда перед нами, главным образом, встали экономические задачи, когда мы должны были помнить, что «ближайший

переход не может быть непосредственным переходом к социалистическому строительству».

Ленин говорил:

«Теперь мы очутились в условиях, когда должны отойти еще немного назад, не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения. Лишь таким, еще более длительным, чем предполагали, путем можем мы восстанавливать экономическую жизнь. Восстановление правильной системы экономических отношений, восстановление мелкого крестьянского хозяйства, восстановление и поднятие на своих плечах крупной промышленности. Без этого мы из кризиса не выберемся»¹.

Это была трудная задача — восстановить правильную систему экономических отношений, восстановить и организовать правильный товарооборот в стране, восстановить мелкое крестьянское хозяйство, восстановить и поднять на своих плечах крупную промышленность. Этот восстановительный период длился несколько лет. Сшибка многих товарищей заключалась в этот восстановительный период нэпа в том, что они ударились в другую крайность, что они стали рассматривать нэп только как политику отступления. А между тем Ленин рассматривал новую экономическую политику как своего рода маневр, нужный нам для нового наступления. «Если мы теперь, осенью и зимой 1921 года, совершаем еще одно отступление, то когда же эти отступления кончатся?» Такой вопрос нередко ставили Ленину в те дни. На этот вопрос Ленин ответил на XI съезде партии в своем докладе о деятельности ЦК, когда он говорил об остановке отступления.

«Теперь я перейду к вопросу об остановке отступления, о чем мне пришлось говорить в моей речи на съезде металлистов. Я не встретил с тех пор никаких возражений ни в партийной прессе, ни в частных письмах товарищей, ни в Центральном комитете. Центральный комитет мой план одобрил, а состоял этот план в том, чтобы и в докладе от

¹ Там же, стр. 395 и 396.

² Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 396 и 397 (подчеркнуто мною Е. Я.).

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 399.

имени Центрального комитета на настоящем съезде эту остановку отступления со всей энергией подчеркнуть и просить съезд дать соответствующую директиву уже от имени всей партии, уже как обязательную. Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, она достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил. Мы пришли в новое место, отступление в общем и целом мы все-таки произвели в сравнительном порядке. Правда, с разных сторон не было недостатков в голосах, которые это отступление хотели обратить в паническое. Одни с той стороны, что, дескать, вы в той или иной части неверно отступали, как, например, некоторые представители группы, которая носила название рабочей оппозиции. (Думаю, что они неправильно это название носили). Они от чрезмерного усердия шли в одну дверь, а попали в другую и теперь наглядно обнаружили это. Тогда они не видели того, что их деятельность была направлена не к тому, чтобы исправить наше движение, а на самом деле их деятельность имела одно значение — сеяла панику, мешала тому, чтобы отступление произвести дисциплинированно»¹.

На X съезде партия принимала решение о переходе к новой экономической политике в обстановке крестьянского недовольства, в обстановке кулацких восстаний, кронштадтского мятежа и ряда попыток меньшевиков и эсеров организовать забастовки рабочих. Пишущему эти строки пришлось в те дни выступать на нескольких заводах. Особенно ярко вспоминается выступление на заводе бывшем Бромлея, где подвизался левый эсер Иванов, проводивший при значительном сочувствии части рабочих в своих резолюциях кронштадтские идеи. Мы все чувствовали, как мелкобуржуазная стихия колеблет отдельные группы рабочего класса, как опасно для пролетарской диктатуры это колебание. Однако партия и вся страна вышли из этого кризиса. Окрепшая партия не только решительно осудила

анархо-синдикалистский уклон рабочей оппозиции как проявление мелкобуржуазных шатаний, но она приняла историческую резолюцию об единстве, которая легла в основу всей нашей последующей борьбы с оппозиционными и фракционными группировками в нашей партии.

На XI съезде партия прямо сказала, что отступление кончено и что теперь дело в перегруппировке сил.

«Отступление кончилось,— говорил Ленин,— дело теперь в перегруппировке сил. Вот директива, которую съезд должен вынести, которая сутолоке, суматохе должна положить конец. Успокойтесь, не мудрствуйте, это не будет зачитываться в минус. Практически нужно доказать, что ты работаешь не хуже капиталистов. Капиталисты создают смычку с крестьянской экономикой, чтобы усилить экономическую власть нашего пролетарского государства. У тебя перевес перед капиталистами, потому что государственная власть в твоих руках, целый ряд экономических средств в твоих руках, ты не умеешь только ими пользоваться, смотри на вещи трезвее, скинь с себя мишуру, торжественное коммунистическое облачение, попросту учись простому делу, и тогда мы побьем частного капиталиста. У нас государственная власть, у нас масса экономических средств; если мы капитализм побьем и смычку с крестьянской экономикой создадим, тогда будем абсолютно непобедимой силой. И тогда строительство социализма не будет делом капли в море, называющейся коммунистической партией, а всей трудящейся массы; тогда рядовой крестьянин будет видеть: они мне помогают, и он тогда пойдет за нами так, что если эта поступь и будет в сто раз медленнее, зато будет в миллион раз прочнее и крепче».¹

Другой вопрос, который был поставлен тогда же Лениным, это был вопрос о том, что такое новая экономическая политика большевиков — эволюция или тактика? Сменовеховцы уверяли, что советская власть неизбежно эволюционирует, что она «стала на дорогу, по которой катится к обычной буржуазной власти». Ленин предупреждал

¹ Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 35.

¹ Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 40 и 41.

дал против этой опасности и призывал партию внимательнее относиться к тому, что говорит о нас классовый враг. Да и вообще самым опасным было бы для нас в тот момент закрыть глаза на неизбежные опасности, вытекающие на этом пути — на пути нэпа. Эти опасности Ленин характеризовал так: «Восстановление капитализма, развитие буржуазии, развитие буржуазных отношений из области торговли и т. д., — это и есть та опасность, которая свойственна теперешнему нашему экономическому строительству, теперешнему нашему постепенному подходу к решению задачи гораздо более трудной, чем предыдущие. Ни малейшего заблуждения здесь быть не должно»¹.

Дальнейшая борьба нашей партии показала, что неправильное понимание новой экономической политики отдельными группами товарищей привело к величайшим ошибкам. Мы уже упоминали об ошибке, которой в особенности грешила «ленинградская» оппозиция (во главе с тт. Зиновьевым и Каменевым) накануне XV съезда, начавшая со сближения с троцкистами, после XV съезда объединившаяся в блок с троцкистами в так называемой новой оппозиции.

С другой стороны, этот блок обвинял партию в том, что она встала на путь расширения нэпа в то время, как отдельные представители этой оппозиции сами проповедывали необходимость расширения нэпа. Эта оппозиция рассматривала но-

вую экономическую политику только как отступление, извращала ленинскую политику смычки с середняком, забывала о необходимости этой смычки с середняком и требовала такого перехода к такому социалистическому наступлению, который в тогдашних условиях означал разрыв союза пролетариата с основными середняцкими массами крестьянства. Партия сумела дать решительнейший отпор всем этим притязаниям. Именно по поводу этого неправильного понимания нэпа только как отступления т. Сталин говорил на XVI съезде ВКП(б):

«Иные думают, что наступление несовместимо с нэпом, что нэп есть, по сути дела, отступление, что коль скоро отступление кончено, нэп должен быть отменен. Это, конечно, глупость. Глупость, исходящая либо от троцкистов, которые ничего в ленинизме не поняли и думают «отменить» нэп «в два счета», либо от правых оппортунистов, которые также ничего в ленинизме не поняли и болтовней об «угрозе отмены нэпа» думают выторговать себе отказ от наступления. Если бы нэп исчерпывался отступлением, Ленин не сказал бы на XI съезде партии, когда нэп проводился у нас со всей последовательностью, что «отступление кончено». Разве Ленин, говоря об окончании отступления, не заявлял, вместе с тем, что мы думаем проводить нэп «всерьез и надолго»? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы понять всю несообразность болтовни о несовместимости нэпа с наступлением. На самом деле нэп предполагает не только отступление и допущение оживления частной торговли.

¹ Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 432.

**ЭКОНОМИЧЕСКИ И ПОЛИТИЧЕСКИ НЭП ВПОЛНЕ
ОБЕСПЕЧИВАЕТ НАМ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОСТРОЙКИ
ФУНДАМЕНТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ.**

Ленин

допущение оживления капитализма при обеспечении регулирующей роли государства (начальная стадия нэпа). На самом деле нэп предполагает вместе с тем на известной стадии развития **н а с т у п л е н и е** социализма на капиталистические элементы, **с у ж е н и е** поля деятельности частной торговли, относительное и абсолютное **с о к р а щ е н и е** капитализма, растущий **п е р е в е с** обобществленного сектора над сектором необобществленным, победу социализма над капитализмом (нынешняя стадия нэпа). Нэп введен для победы социализма над капиталистическими элементами. Переходя в наступление по всему фронту, мы еще не отменяем нэпа, ибо частная торговля и капиталистические элементы еще остаются, товарооборот и денежное хозяйство еще остаются, — но мы наверняка отменяем начальную стадию нэпа, развертывая последующую его стадию, нынешнюю стадию нэпа, которая есть последняя стадия нэпа!

После разгрома троцкистов партия, перейдя к широкому социалистическому наступлению, должна была обратить серьезнейшее внимание на опасность правооппортунистических истолкований нэпа. Это было главной опасностью на данном этапе. Правые оппортунисты не считали, в противовес левым, что нэп есть отступление. Они считали, что нэп обеспечивает победу социализма, но они исходили из того, что это построение социализма чем дальше, тем больше пойдет по линии притупления классовой борьбы — потихоньку да полегоньку, что кулак будет вращаться в социализм, что поэтому, как говорил т. Сталин на XVI съезде партии, «можно не беспокоиться насчет темпов индустриализации, развития совхозов и колхозов и т. п., так как наступление и победа все равно обеспечены в порядке, так сказать, самотека». Конечно, как говорил Ленин, «экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики». Но правые оппортунисты при этом забывали, что партия для претворения в

жизнь этой возможности должна отбросить всякие теории о возможности построения социализма без организованных усилий, без организованного руководства всей партией, всего рабочего класса, без энергичного вмешательства социалистической экономики, без энергичной перестройки народного хозяйства, без решительного наступления на капиталистические элементы и в городе и в деревне, без неизбежного обострения при этом классовой борьбы. Правые упрекали партию в том, что партия ликвидирует нэп. Ликвидацию нэпа правые видели именно в развертывании социалистического наступления по всему фронту. Они выступили поэтому против взятых партией темпов индустриализации и коллективизации, против применения чрезвычайных мер по отношению к кулацким элементам, выступили с обвинениями, будто партия проводит политику феодальной эксплуатации крестьянства, они требовали расширения-, «развязывания» рыночной стихии, раскрепощения рынка и других мероприятий, которые ни к чему другому не могли бы привести, кроме как к усилению кулачества. Само собой разумеется, что эта точка зрения правых была на руку классовому врагу, и поэтому нет ничего удивительного в том, что «торгово-промышленная партия» и так называемая «трудовая крестьянская партия» Кондратьевых—Чаяновых и меньшевиков-интервенционистов признавала большие достоинства за этими взглядами правых, а меньшевики даже считали, что правые являются недоношенными меньшевиками и политика правых есть продолжение политики меньшевиков внутри ВКП(б). Поэтому партия должна была для преодоления этих опасных колебаний внутри партии нанести решительный удар по правой оппозиции, разгромить правую оппозицию.

Что же дала новая экономическая политика? Подводя общие итоги нашей работы к XV съезду партии, т. Сталин так характеризовал этот итог:

«1) Мы отстояли мир с окружающими государствами, несмотря на величайшие трудности, несмотря на провокационные выпады буржуазии «великих держав».

¹ Политический отчет ЦК XVI съезду, стр. 60 и 61.

2) Мы укрепили смычку рабочего класса СССР с рабочими империалистических стран и колоний, несмотря на уйму препятствий, несмотря на море клеветы подкупной стоустой буржуазной прессы.

3) Мы подняли авторитет пролетарской диктатуры среди миллионов трудящихся масс во всех частях света.

4) Мы как партия помогли Коминтерну и его секциям укрепить свое влияние во всех странах мира.

5) Мы сделали все, что только может сделать одна страна, для развития и ускорения мирового революционного движения.

6) Мы подняли нашу социалистическую индустрию, установив для ее развития рекордный темп и утвердив ее гегемонию во всем народном хозяйстве.

7) Мы установили смычку социалистической индустрии с крестьянским хозяйством.

8) Мы укрепили союз рабочего класса с середняком при опоре на бедноту.

9) Мы укрепили диктатуру пролетариата в нашей стране, несмотря на враждебное международное окружение, показав рабочим всех стран, что пролетариат умеет не только разрушать капитализм, но и строить социализм.

10) Мы укрепили партию, отстаивали ленинизм и разбили на-голову оппозицию.

Таков общий итог.

Вывод какой? Вывод один: мы стоим на правильном пути, политика нашей партии правильна

А из этого следует, что, двигаясь по этому пути, мы придем наверняка к победе социализма в нашей стране, к победе социализма во всех странах»¹.

Теперь мы все видим, что ленинская новая экономическая политика была совершенно правильна, что она дала нам возможность выполнить гигантскую работу восстановления народного хозяйства и перехода широким фронтом к социалистическому наступлению. Эти гигантские успехи, достигнутые нами на путях нэпа, дали нам возможность перейти к организации по всему фронту

социалистического наступления, о котором говорил Ленин в 1921—1922 годах. Эти десять лет дали нам возможность перейти к созданию районов сплошной коллективизации, к выкорчевыванию кулачества как класса на этой основе, к невиданному разворачиванию строительства совхозов и колхозов, к производству такого количества хлеба в совхозах и колхозах, которое полностью перекрывает товарный хлеб, производившийся в прежние годы в кулацких хозяйствах. Это наступление позволяет нам выполнить гигантский план социалистического переустройства всего народного хозяйства. Это и есть переход к последней стадии новой экономической политики, который означает полное завершение построения социалистического хозяйства в ближайшие годы, полную ликвидацию остатков капиталистического хозяйства в нашей стране.

В ноябре 1922 года на пленуме Московского совета РК и КД Ленин говорил о нашем социалистическом строительстве: «Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-нибудь отвлеченной картины, или какой-нибудь иконы. Насчет икон мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобратся. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей и как много трудностей она нам ни причиняет, — все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая»¹.

Это предсказание Ленина, что «из России нэповской будет Россия социалистическая», оправдывается, разворачивается на наших глазах. Мы действительно «социализм протащили в повседневную жизнь». Очень много труд-

¹ XV съезд, стеногр. отчет, стр. 82 и 83.

¹ Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 108.

ностей нам предстоит еще преодолеть для полного завершения социализма. Эти трудности и внутреннего порядка, они коренятся во все еще непреодоленной нашей отсталости, в технической нашей неграмотности, в недостаточном умении работать, в недостаточном использовании внутренних ресурсов, в том, что мы еще не по-настоящему научились экономить, далеко еще не усвоили ценнейшего указания Ленина о том, как надо строить социализм. Но мы идем более сомкнутыми рядами. Партия наша окрепла, гигантски выросла. Влияние нашей партии на широкие слои рабочего класса и крестьянства неизмеримо больше, чем оно было вначале этого трудного пути. Экономические достижения так громадны, что уже теперь социалистический сектор нашего хозяйства оказывает огромное, ведущее влияние не только на экономику всей нашей страны. К нашему опыту строительства присматривается весь мир трудящихся. Опыт новой экономической политики войдет неоценимым вкладом в той или иной мере, в тех или иных формах в борьбу за социализм при диктатуре пролетариата во всех странах мира. То обстоятельство, что ко времени развертывания решающих боев в капиталистических странах мы, в основном, завершим построение социалистического хозяйства, завершили построение фундамента социалистического хозяйства, гигантски облегчает в этих странах непосредственный переход к социалистическому хозяйству. Путь новой экономической политики, который был сначала вынужденным путем временного отступления, превратился в путь победного социалистического наступления десятков миллионов рабочих и крестьян, объединившихся для выполнения величайшей задачи построения социалистического общества. Какие бы ни были препятствия на этом пути, мы их преодолеем и завершим этот путь полной победой социализма.

Ленин среди делегатов X съезда РКП (б), участников подавления Кронштадтского мятежа.

Музей Революции.

ЗАМЕТКИ ДЕЛЕГАТА X СЪЕЗДА ПАРТИИ

Отшумела гражданская война. Республика Советов покончила с Врангелем. Заключен мир с Польшей. Но черные тучи продолжали нависать над страной. В условиях тяжелейшего экономического развала, «ужасного кризиса» в стране, как выразился Ленин, труден был переход от войны к мирному хозяйственному строительству. Кулак — непримиримый враг советской власти — пытался схватить за горло пролетарские столицы. Украинский куркуль и сибирский богатеи держали хлеб в закромах, не хотели дать ни фунта голодающему городу и сельской бедноте. Неурожай в центральных губерниях давал себя знать бескормицей, падежом скота в деревне. Антоновские банды срывали подвоз хлеба к рабочей Москве. В Сибири, на Украине свирепствовал бандитизм.

Многие фабрики и заводы молчали. Слабо бился пульс железных дорог. Интервенты и белые обескровили страну.

Шмелиный рой меньшевиков и эсеров лицемерно взывал «к голодающим и зябнущим рабочим» Петрограда и Москвы. Меньшевики подбивали рабочих на стачки. Виктор Чернов пророчил, что советская власть падет через неделю. Зарубежные газеты со дня на день оповещали весь мир о гибели пролетарской диктатуры. На радость врагам революции в Кронштадте вспыхнул мятеж. О нем заграничные буржуазные газеты возвестили еще за две недели до начала. Проболтались раньше времени.

В такой обстановке собирался X съезд партии. Настроение среди делегатов напряженное. Но бодрость и уверенность в силах партии и рабочего класса царили на съезде. Рабочий класс переживал состояние полного изнеможения, но он не собирался сдавать своей диктатуры, он верил прочно в свою партию. Труженики-крестьяне поддержали во время гражданской войны власть Советов не для того, чтобы теперь пойти за кулацкой контрреволюцией. Но нужно было найти выход из кризиса, перейти на новые рельсы, во что бы то ни стало

добиться смычки с многомиллионной крестьянской массой.

Съезд открылся утром 8 марта в Свердловском зале в Кремле.

Ленин...

Дрогнул зал от рукоплесканий. Около $\frac{3}{4}$ товарищей были впервые на съезде. Многие, вероятно, впервые видели Ленина. Незабываемый, счастливый день!

— Товарищи, — начал Ленин, — позвольте объявить открытым X съезд партии. Товарищи, мы пережили год очень богатый событиями и в международной и нашей внутренней истории...

Действительно, богатый событиями год. Польша. Врангель. Расцвет всенного коммунизма. Военно-политический союз пролетариата с крестьянством испытывал кризис, необходим был переход на новые рельсы.

Товарищи... мы позволили себе роскошь дискуссии и споров внутри нашей партии. Для партии, которая окружена врагами, могущественнейшими и сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир, для партии, которая несет на себе неслыханное бремя, эта роскошь была поистине удивительной.

Ерзали на месте делегаты, поглубже запикивали в карманы кипы привезенных тезисов и резолюций. Настороженно вглядывались в Ленина, как будто впервые его видели лидеры оппозиции. Чували, что придется им круто.

— Я уверен, что я выражу намерение всех вас и твердое решение, если скажу, что с еще более прочным, еще более дружным и искренним партийным единством мы должны выйти с настоящего съезда.

Бурными аплодисментами откликнулся съезд на призыв вождя. Нет таких трудностей, нет таких преград которых не одолела бы партия Ленина.

Организационный отчет по ЦК РКП делал тов. Крестинский.

И снова на трибуне Ленин. Политический отчет ЦК.

— ... Переход от войны к миру... Мы этот переход делали уже несколько раз за 3¹/₂ года и ни разу его не совершили... Нам удалось добиться, что ни одного солдата вражеских армий на территории РСФСР не осталось...

Радостно и горделиво загудел зал.

— ... При нашем наступлении, слишком быстром продвижении почти что до Варшавы, несомненно, была сделана ошибка, я сейчас не буду разбирать, была ли это ошибка стратегическая или политическая... Это должно составлять дело будущих историков...

В голосе Ленина сквозила легкая, еле уловимая горечь.

— В работе продовольственной... мы видим аналогичную ошибку... Не-что аналогичное, несомненно, было и с топливом... — разил беспощадный ленинский голос.

Жестокая ленинская самокритика.

— Мы пороскошествовали, мы отвлекли внимание от насущного и грозного... Теперь я хочу остановиться на событиях в Кронштадте... Это восстание, быстро выявившее нам знакомую фигуру белогвардейских генералов, будет ликвидировано в ближайшие дни...

Ленин перешел к вопросу о хозяйственных задачах.

— Переход этих мелких хозяев к общественному, коллективному, общинному труду... можно обеспечить, когда имеешь сильнейшую крупную промышленность, способную дать мелкому производителю такие блага, что он увидит на практике преимущества этого крупного хозяйства... Восстановление промышленности невозможно на старой базе. Это дело многих лет, не меньше, чем десятилетия.

Прошло десять лет, ровно десять лет. А как далеко шагнули мы вперед. Мы вплотную приступили к завершению фундамента социалистической экономики. Ленин ощущал почти физически это время, но тогда, в 1921 г., было трудно сказать, сколько лет пройдет, пока мы этого достигнем.

— Если мы не превратим этот съезд в поворотный пункт и в экономической политике, и в смысле максимального сплочения пролетариата, придется применить к нам печальные слова... что

ничему не научились... Я надеюсь, что этого не будет...

Минутная тишина — и всплеск рук. Зал закипел, забурлил рукоплесканиями. Заходили головы, распрямлялись спины.

— Этого не будет! Этого не будет!

Прения шли быстрым темпом. Я все время неотступно наблюдал за Владимиром Ильичем. Вот в президиуме подошла Александра Михайловна Коллонтай к Ленину. Преподнесла ему книжку. Это была, несомненно, ее брошюра «Рабочая оппозиция». Роздала ее и другим членам президиума. Владимир Ильич уткнулся в книжку, быстро перелистывая ее. Коллонтай, нагнувшись над Лениным, что-то говорила ему. Ильич сокрушенно качал головой, как бы отмахиваясь от ее слов.

Окончились речи оппонентов. На трибуну взбежал Ильич. Потрясая в воздухе брошюрой Коллонтай, он говорил, обращаясь к сторонникам Шляпникова.

— Вы на партийный съезд пришли с брошюрой т. Коллонтай, на которой написано: «Рабочая оппозиция». Вы сдавали последнюю корректуру, когда знали о кронштадских событиях и поднимавшейся мелкобуржуазной контрреволюции.

Он зачитывал выдержки из брошюры и разбирал их. Вот он прочел то место, где «рабочая оппозиция» была охарактеризована как «классово-спаянная, классово-сознательная и классово-выдержанная часть нашего промышленного пролетариата».

Ильич откинулся слегка назад и сразу отрезал, отрубил, облегченно вздохнув:

— Ну, слава богу, так и будем знать, что т. Коллонтай и т. Шляпников — «классово-спаянные, классово-сознательные».

Весь зал покатился со смеху. Смех убивает. Смех убил оппозицию на съезде.

Голос Владимира Ильича стоял строгим и серьезным.

— Не надо теперь оппозиции, товарищи. И я думаю, что партийному съезду придется этот вывод сделать, придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций.

Делегаты шумно одобрили вывод Ильича. Молчаливой, неподвижной осталась лишь небольшая кучка оппозиционеров.

Серьезный теоретический доклад крупнейшего политического значения сделал т. Сталин по национальному вопросу. Обострение отношений между рабочим классом и крестьянством сказалось и в затруднениях по линии национального вопроса. Сталин говорил об опасности уклонов к великодержавному шовинизму и в сторону местного национализма.

— Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) национальностей... чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и хозяйственном отношении, — говорил т. Сталин в докладе.

Доклад т. Бухарина о партийном строительстве отличался некоторым схематизмом и отвлеченностью. Он объяснял это тем, что тезисы успели устареть.

На закрытом заседании сообщение о положении в стране делал т. Дзержинский.

В Кронштадте колебался 560-й пехотный полк, сплошь состоявший из пленных деникинских солдат и махновцев. Кронштадтский мятеж полыхал огнем. В Питере, где в первые дни мятежа было спокойно, начался резкий перелом к лучшему. Озлобление рабочих против кронштадтских «клешников» нарастало. Позорно вели себя многие кронштадтские коммунисты. Банды Антонова в Тамбовской губернии отличались бессмысленной жестокостью. Эти банды составляли целую армию в несколько десятков тысяч человек. Антоновщина губительно отзывалась на снабжении центра продовольствием.

Строгий, хладнокровный тон Дзержинского, скупой его жест вселяли уверенность в том, что все это временные испытания.

На закрытом заседании части военных делегатов было сделано сообщение о положении в армии. Делегаты расположились кто где. Сидели на столах, мно-

гие стояли. На совещание это Троцкий, кажется, опоздал. Говорили, что это была демонстрация. Троцкий зачитывал выдержки из писем красноармейцев. Краски сильно сгущал.

Здесь-то, если не ошибаюсь, и было вынесено решение о мобилизации части делегатов против взбунтовавшегося Кронштадта. Не всем военным делегатам разрешено было пойти в части, направленные против Кронштадта. Мобилизовано было около 300 делегатов.

На закрытом пленарном заседании делал доклад о положении в армии Троцкий.

— Товарищи, — заявил Ленин перед началом. — Прошу не делать никаких записей. Все, что будет сообщать т. Троцкий, является абсолютной тайной. Бывают моменты, когда государственную тайну знает один человек.

Доклад Троцкого произвел гнетущее впечатление. Не теми фактами, которые сообщал Троцкий. Впоследствии, спустя пару лет, когда мне стало известно тогдашнее выражение Троцкого о том, что кукушка уже прокуковала, быть может, последние часы революции, стало яснее и настроение Троцкого в те дни. Но тогда армейским делегатам, знавшим Троцкого лишь «из прекрасного далека», было странно слышать его речь.

На трибуне стоял ноющий, с больным самолюбием человек, видевший все в мрачном свете, рисовавший положение темными красками.

Я помню, когда один военный делегат, кажется из Кавказской армии, бросил с места, что положение в Кавказской армии далеко не такое, как изображает докладчик, Троцкий ответил:

— Значит, до вас еще не докатилась волна. Это не более, чем политическое запоздание.

Это лжепророчество крепко врезалось в мою память.

Троцкий говорил о том, что колебания крестьянства полностью сказываются в армии. А настроения крестьянства он характеризовал неверно.

Троцкий изображал низовую армейскую партийную организацию в виде каких-то беспринципных бузотеров, голосовавших за ту или иную платформу не по убеждению, а из оппозиции «ни-

зов» и «верхам». В течение всего съезда Троцкий разыгрывал обиженного савановника.

На следующий день, 13 марта, закончилось обсуждение доклада о военном положении.

Настроение среди делегатов было нервное, напряженное, торопились на места.

Без большого интереса прошли доклады о роли профсоюзов. От сторонников «Платформы десяти» выступил с докладом тов. Зиновьев. От «рабочей оппозиции» Шляпников.

Делегаты со все растущим озлоблением слушали желчный, обиженный голос Шляпникова. Шляпников на съезде выступал все время грубо, плоско острил и раздражал делегатов.

Когда он обосновывал тезис о передаче управления промышленностью съезду производителей, кто-то со сцены крикнул:

— О каких «производителях» говорите?

Шляпников ответил:

— Ну, конечно, не о конских производителях. О производителях говорил и товарищ Энгельс.

Зал ответил единомышленнику «товарища Энгельса» смехом.

В сжатом слове Ленин дал яркий сгусток того, что составляло суть вопроса в профсоюзной дискуссии — как установить правильные взаимоотношения между авангардом и рабочим классом. В то же время Ильич дал жесткую критику оппозиции. Ленин обвинял Троцкого в срыве дисциплины ЦК.

— Была допущена политическая ошибка т. Троцким и Цектраном в том, что вопрос о «перетряхивании» (профсоюзов. Д. К.) был поставлен и поставлен в корне неправильно. Это — политическая ошибка, и она до сих пор не исправлена.

— Что касается синдикалистского уклона... В момент самой бешеной борьбы классов приходиться и говорить «всероссийский съезд производителей» — что это как не синдикалистский уклон, который надо решительно и окончательно осудить? В той чехарде платформ, которая была, мы видели, что даже Бухарин споткнулся... Товарищи, в исто-

рии партии мы таких шатаний забывать не должны.

15 марта Ленин сделал доклад о натуральной налоге.

Все три доклада Ленина были проникнуты одной мыслью, одной волей. Они составляли неразрывное целое. Воля и мысль миллионов трудящихся были перечеканены гениальным мастером в ясные стратегические формулы.

— ... Социалистическая революция в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможна лишь путем целого ряда особых переходных мер...

Только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах... Достать тракторы, машины и электрифицировать громадную страну — такое дело может, во всяком случае, исчисляться не менее чем десятилетиями...

Удовлетворить мелкого земледельца по сути дела можно двумя вещами: во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяйства, а во-вторых, нужно достать товары и продукты... Свободный местный оборот допустить, допустить, не разрушая, а укрепляя политическую диктатуру пролетариата.]

Ленин заговорил о кооперации. Вот он перешел к вопросу о меньшевиках и эсерах. Сколько беспощадной ненависти, знания врага!

— Большевики и эсеры — это люди, которые сознательно или бессознательно восстанавливают капитализм и помогают Юденичам. Это тоже закон. Мы должны с ними воевать. Коли воевать, так по-военному...

Зал слился с трибуной. Невидимые волны били туда и обратно, связывая докладчика и делегатов в единое целое. Стайки белых птиц летели из зала на сцену. Гора записок на столе президиума все росла. Сомнения и горячая надежда, возражения и согласие — больше всего согласие — все было в этих записках.

И ответной волной шли разъяснения Ильича. Волна за волной размывала все сомнения, недоумение исчезало. Как это

гениальны просто. Всерьез и надолго, но не навсегда.

Отступить, чтобы разбежаться и прыгнуть дальше, к новому наступлению, к новым победам. Нэп — путь к полному преодолению капитализма, к построению социализма. Все это не сразу было осознано многими. Особенно волновал вопрос о сдаче концессий, хотя и «свобода торговли» смущала многих.

— Если ты можешь дать государству машины... электрификацию, тогда десятки или сотни тысяч мелких кулаков будут убиты... — говорил Ленин.

Быстро мелькали остальные доклады.

Не помню уж, по чьему предложению было решено собираться для предварительного обсуждения кандидатов в центральные партийные органы «по платформам». Ушла на заседание группа «рабочей оппозиции». Группа Троцкого не собралась. То была показная демонстрация лояльности.

В Сзездловском зале собрались сторонники «платформы десяти». Это было подавляющее большинство съезда.

Собранием руководил Ильич:

— Товарищи, мы собрались для того, чтобы наметить состав наших руководящих органов. Мы не фракция, мы большинство съезда. Подавляющее большинство. В политике нередко бывает, что определяет линию хорошо организованное меньшинство. Но мы являемся большинством. Мы собрались для того, чтобы создать условия, при которых фракции будут немыслимы. Товарищи, в ходе собрания прошу не делать никаких записей.

Началось обсуждение кандидатур. Делался ряд необоснованных отводов. Ильич выступал против отвода ряда товарищей. При этом он обнаружил великолепное знание партийных кадров. Ряду товарищей он давал сжатые характеристики. Помню, когда выдвинули кандидатуру уральского рабочего Тунтула, мало известного широким кругам делегатов, Ленин попросил дополнительных сведений. Ему напомнили, и тогда он очень одобрительно отозвался о т. Тунтуле.

На пленуме съезда Ленин настаивал на введение в ЦК двух представителей

оппозиции. Особенно на введении рабочего-металлиста т. Кутузова.

— Мы должны разоружить оппозицию. Пусть скажут товарищи на деле: хотят ли они помогать партии или только критиковать.

Речь Ленина об единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне на последнем заседании съезда была выслушана съездом с огромным вниманием.

— Уклон не есть еще готовое течение. Уклон есть то, что можно исправить... Мы поставим этот вопрос и в интернациональном масштабе так, как вы слышали сейчас в докладе Коминтерна, и вы все знаете о наличии известного уклона в левизну в рядах революционного международного рабочего движения... Мы не дискуссионный клуб... Мы должны проявить сплоченность не только формальную, а идущую далеко глубже. Для создания такой сплоченности мы не можем обойтись без подобной резолюции.

Ленинская резолюция о единстве была встречена «рабочей оппозицией» в штыки, особенно последний не подлежащий оглашению пункт об исключении нарушителей единства из ЦК и из партии. Медведев от имени «рабочей оппозиции» предложил резолюцию, осуждавшую уклон ЦК в сторону недоверия к силам рабочего класса. Шляпников прочитал от имени оппозиции заявление, в котором характеризовал ленинскую резолюцию как призыв к расколу и натравливание мелкобуржуазной части партии против рабочей ее части. Оппозиция чувствовала, что несет ей резолюция Ленина. Но тем дружнее голосовали делегаты за резолюцию Ленина. «Кронштадтский уклон» получил жестокий, непоколебимый, ленинский удар.

Избраны ЦК и ЦКК.

Вдохновенно и уверенно звучали слова «Интернационала».

Через день после закрытия съезда героическим ледовым штурмом, которым руководил т. Вэршилов, прибывший во главе делегатов съезда, — Кронштадт был взят. Красноармейцы горели желанием поскорей покончить с кронштадтским позором. Атакующих не останавливали ни огромные поляны, ни вода. 13 марта после уличных боев в Кронштадте мятеж был ликвидирован.

„ИСКРА“

Я буду говорить лишь о «старой» «Искре», о той «Искре», которая выходила под фактической редакцией Ленина с декабря 1900 г. по 22 октября 1903 г., с 1-го по 51-й номер включительно, пока она не перешла в руки меньшевиков. Эта «Искра» была детищем Ильича, он обдумывал, вынашивал каждый номер, отдавал ей массу сил.

Задумал он ее еще в ссылке. На опыте знал он, как трудно издавать нелегально газету в России; вечные провалы делали невозможным регулярный выход газеты, постоянные аресты нарушали всякую преемственность. А между тем дозарезу нужна была общерусская газета. По мысли Ильича она должна была быть коллективным пропагандистом, коллективным агитатором, коллективным организатором. Она должна была освещать все события русской и международной жизни под углом зрения революционного марксизма, выковывать у рассеянных по всей стране революционеров единое понимание происходящих явлений, она должна была зажигать их чувством ненависти к существующему самодержавному строю, ко всему капиталистическому укладу, должна была учить единству действия, организовывать для борьбы. Нелегальная газета должна была подготавливать условия для создания на деле партии революционного пролетариата.

✓ Перед глазами Ильича был пример Герцена, создавшего вольную русскую прессу за границей, выпускавшего с 1857 г. по 1867 г. за границей «Колокол», имевший такое громадное влияние на русскую интеллигенцию, был пример группы «Освобождение труда».

Еще в ссылке задумал Ильич издавать за границей общерусскую газету, об этом переписывался с Мартовым, бывшим в ссылке в далеком Туруханске, и Потресовым, сосланным в Орлов Вятской губ. Как тяжела эмиграция, Ленин знал: летом 1895 г. он виделся с Плехановым и Аксельродом,

видел, как трудно им живется, как оторваны они от России. Но Ильич решил все же ехать за границу ставить общерусскую газету, только обдумывал, как бы покрепче, попрочнее наладить связь с Россией. Целый год после ссылки прожил он в России, чтобы создать прочные опорные пункты для будущей газеты, обеспечить помощь целого ряда агентов, которые организовали бы прием и распространение газеты, обеспечить целый ряд сотрудников и корреспондентов. В. И. использовал для этого все личные связи — останавливался в Москве, в Питере, ездил в Уфу, в Ригу — повидаться с Сильвиным, собирался даже съездить в Сибирь повидаться с Кржижановскими. В Пскове, где жил Владимир Ильич, жила также Л. Н. Радченко, туда приезжал и Степан Иванович Радченко. У них были большие связи. Были обширные литературные и денежные связи у Потресова, поселившегося также в Пскове. Виделся Ильич с бундовцами, с Лалаянцем, приезжавшим повидаться с ними с юга, с Мартовым, с рабочим Бабушкиным и др. За границей наладить дело было тоже не легко. Уехал Ильич за границу в июле, а первый номер «Искры» вышел лишь 24 декабря 1900 г. Трудно было наладить организационную сторону дела. Началось с тренировок с группой «Освобождения труда». Плеханов хотел властвовать безраздельно. Еле дело уладилось. Газету В. И. и Потресов решили ставить в Германии, в Мюнхене, по соображениям большей конспирации и большей свободы действий. Группа «Освобождения труда» вначале недооценивала значение газеты. «Глупая ваша «Искра», говорила в шутку Вера Ивановна Засулич, поселившаяся в Мюнхене. Плеханов интересовался вначале гораздо больше «Зарей», чем «Искрой». Он был теоретиком и только. Ленин был не только теоретиком, агитатором, но и организатором. Сохранившаяся заграничная

переписка Ленина за 1900 и 1901 годы говорит о том, какими мелочами приходилось заниматься Владимиру Ильичу. Так, в письме к Ногину он пишет о необходимости распространения в Лондоне 5 экз. «Искры», ему посылаемых. Письма заграничным товарищам полны вопросов об адресах, сборах денег, чемоданах с двойным дном и пр.

Каждый едущий в Россию товарищ использовался для связей. А транспорт! Каких громадных усилий стоило его налаживание! Помню, как однажды Владимир Ильич и Мартов убили два дня на переговоры с каким-то типом, который уверял, что, если ему купят фотографический аппарат, он поедет на границу и завяжет там транспортные связи. Это был явный проходимец. Особо трудны в организационном отношении были первые месяцы. Но потом «Искра» быстро стала обрастать связями, становится на ноги... «А «Искра»-то ваша, — говорила Засулич, — важ-

ной становится». На деле подтверждалась правильность утверждения Ильича, что газета — это коллективный организатор. Ильич делал все, чтобы усилить эту ее роль. Теперешнему поколению трудно даже себе представить, какое громадное значение в те времена, когда шли провалы за провалами, когда жившие в одном и том же городе работники сплошь и рядом ничего не знали друг о друге, имело существование заграничного центра. Однако это собрание сил не могло бы иметь места, если бы «Искра» не была идейным центром громадной значимости. Было это время, когда рабочее движение только начинало еще разворачиваться, когда еще не определился путь, по которому оно пойдет. Рабочее движение могло пойти по линии наименьшего сопротивления — пойти, на манер английского рабочего движения, по пути ограничения движения лишь областью экономической борьбы. На этот

путь усиленно тащили рабочее движение экономисты. Если бы на этот путь вступило наше рабочее движение, то естественным следствием было бы отсутствие у рабочих своей политической партии. Рабочее движение, не руководимое передовым отрядом, никогда бы не победило. «Искра» вела с экономистами самую упорную борьбу. Нет, рабочие должны вести политическую борьбу, но самодержавие можно сбросить лишь дружным натиском, говорили другие. Поэтому надо идти в ногу с либералами, не размежевываясь с ними. «Искра» вела бешеную борьбу с теми, кто предлагал рабочему идти в области политической борьбы на поводу у либералов. Она вскрывала классовую суть русского либерализма, показывала, как эта классовая суть определяет половинчатость политики либерализма в отношении самодержавия, в каком непримиримом противоречии эта либеральная политика находится с классовыми интересами пролетариата. Рабочий класс должен идти своим самостоятельным путем. За это боролась «Искра». Пролетариат борется не только за себя, он вождь всех трудящихся. Это определяет его отношение к крестьянству. Только опираясь на многомиллионные массы крестьянства, только организуя борьбу крестьян против помещиков, против царской власти, мог рабочий класс победить в нашей стране, только опираясь на сельскохозяйственных рабочих, на бедноту, мог рабочий класс повести за собой основные массы крестьянства — середнячество. «Искра» этому вопросу уделяла громадное внимание, «Искра» вела борьбу с эсерами, не понимавшими роли рабочего класса, не понимавшими роли масс в борьбе с самодержавием. Эсеры борьбу классов стремились подменить борьбой героев-одиночек. Всю несостоятельность их точки зрения выявляла «Искра».

«Искра» клеймила национальную политику царской власти и в то же время звала все народности, населявшие Россию, к интернациональному объединению, боролась со всем тем, что мешало такого рода объединению, мешало единству их действий. Старая «Искра» зафиксировала свою точку зрения в про-

грамме партии, принятой на II съезде.

Знамя «Искры» почти три года идейно спланировало самых передовых борцов, идейно выковывало линию, которая, последовательно проводимая в жизнь большевиками, впоследствии привела рабочий класс нашей страны к победе.

«Искра» была боевым идейным органом, боровшимся с оппортунизмом, который, по словам Ильича, замедляет путь к победе, боровшимся с левыми фразами эсеров, с подменой массового движения террором.

«Искра» закладывала фундамент, на котором в последующие годы зиждилась вся работа партии. И потому что линия «Искры» была верна, искра разгоралась в пламя.

«Искра» руководила революционной борьбой рабочего класса. Она учила изучать, учитывать ту обстановку, в которой происходит борьба, вглядываться в жизнь с острым вниманием, прислушиваться к голосу масс, приспособляться к конкретным условиям, ни на шаг не отступая на теоретическом фронте, при всех условиях проводя свою линию, выбирая то звено, за которое в данную минуту надо ухватиться, организуя массы для борьбы, превращая эту борьбу в школу классовой сознательности и выдержки.

Идеологическая выдержанность «Искры» выковывалась в борьбе внутри редакции «Искры». Талантливейший журналист Мартов был ужасным импрессионистом, очень легко поддавался всяким влияниям, крестьянским вопросам интересовался мало. Чрезвычайно образованный, Потресов по сути дела был избалованным баринком. «Он не может писать иначе, как в Италии, на берегу моря, сидя под пальмами», шутила Калмыкова. Он мало имел связей с рабочими, не знал крестьянства, все его связи шли по линии либеральной интеллигенции. Из группы «Освобождения труда» главной опорой Ильича был Плеханов. Плеханов имел на Владимира Ильича громадное влияние. Владимир Ильич ценил его как теоретика до чрезвычайности, готов был простить ему все его недостатки, все выходки по отношению к себе, но беда Плеханова была в том, что он плохо знал

конкретные русские условия, нарастающие силы, — давно уже жил он в эмиграции. Был Плеханов страшно избалован, не терпел никаких противоречий, и трудно было с ним работать. Аксельрод и Засулич перед ним совершенно ступшеывались. Работать в таких условиях было не легко.

Каждая поступающая в редакцию статья тщательно обсуждалась всей редакцией. Владимир Ильич особенно дорожил корреспонденциями рабочих. Перед отъездом за границу Владимир Ильич условился с Бабушкиным, рабочим, с которым он занимался когда-то в кружке, о том, что тот будет связывать рабочих с «Искрой», доставлять им «Искру». Бабушкин взялся за эту работу вплотную и добился не малых результатов. В июле 1902 г. В. И. писал Ивану Ивановичу Радченко: «Уж очень обрадовало ваше сообщение о беседе с рабочими. Нам до последней степени

редко приходится получать такие письма, которые действительно придают массу бодрости. Передайте это непременно вашим рабочим и передайте им нашу просьбу, чтобы они и сами писали нам не только для печати, а и так, для обмена мыслей, чтобы не терять связи друг с другом и взаимного понимания». Дорожил В. И. каждым письмом рабочих, каждой рабочей корреспонденцией.

Сейчас, когда читаешь «Искру», не видишь в ней ничего особенного. Масса газет выходит теперь каждый день, газет, рассчитанных на самые широкие массы. В каждой из них много информационного, делового материала, целый ряд ярких рабочих корреспонденций. По сравнению с ними язык «Искры» кажется слишком интеллигентским, корреспонденции слишком бледными. Но все наши газеты идут по пути, много лет назад проложенному «Искрой». Это горит пламя, зажженное «Искрой».

МАРКСИЗМ ТРЕБУЕТ БЕЗУСЛОВНО ИСТОРИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ ВОПРОСА О ФОРМАХ БОРЬБЫ; СТАВИТЬ ЭТОТ ВОПРОС ВНЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНКРЕТНОЙ ОБСТАНОВКИ — ЗНАЧИТ НЕ ПОНИМАТЬ АЗБУКИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА...

Ленин

ТРАНСПОРТ „ИСКРЫ“

«Весь гвоздь нашего дела теперь — перевозка, перевозка и перевозка. Кто хочет нам помочь, пусть всецело наляжет на это...» (Из письма В. И. Ленина П. Н. Лепешинскому и П. А. Красикову от 1 июня 1901 г.)¹.

Так писал Владимир Ильич своим помощникам из Мюнхена, где помещалась тогда редакция «Искры», откуда он руководил всей работой искровской подпольной организации в России. В этот момент вопрос о надлежащем транспорте «Искры» через кордон, отделявший царскую Россию от всего остального мира, стоял особенно остро...

«Транспорт — наше больное место, — писала несколько позднее Надежда Константиновна Крупская Н. Э. Бауману. — Вы сами это знаете. На устройстве его мы хотели бы сосредоточить все силы... Пока о сколько-нибудь правильной доставке не может быть речи... Гораздо больше надежды на устройство пути нашим человеком, который взялся бы за это дело...»

«У нас 18 проектов путей», сообщала в другом письме Надежда Константиновна по тому же поводу Владимир Ильич совершенно справедливо придавал транспорту «Искры» особое важное значение, убеждая Н. Э. Баумана поселиться близ Мемеля. Он, между прочим, писал: «Дело трудное и серьезное... но зато дело самое важное для нас...» В июле оно начало принимать, как сообщала в цитируемом выше письме Надежда Константиновна, более благоприятный оборот...

«Наш человек», о котором упоминалось в этом письме, был товарищ, носивший кличку «Дементьев», организатор массовой доставки «Искры» в Россию через галицийскую границу. На этом участке сделано было особенно много. Общее количество переправленной через Львов—Броды «Искры» достигало 70 тысяч экземпляров (около 1½ тонн), что в обстановке того времени составляло совершенно неслыханную величину.

Но для того чтобы читателю было ясно, в каком масштабе проводилась вся эта ответственная работа, по каким другим путям (кроме дементьевского) проникала в российское подполье искровская литература, необходимо в коротких словах остановиться на общей организации этого дела. Как видно из прилагаемой схемы, этих путей было свыше десятка. Все нити сосредоточивались в руках Владимира Ильича. Сначала центр был в Германии, в Мюнхене, где первоначально находилась редакция «Искры». Потом, когда полиция обнаружила ее, редакция переселилась в Англию, в Лондон. И наконец, незадолго до II съезда, организующий центр вместе с редакцией был перенесен в Швейцарию, в Женеву.

«Искра» доставлялась сначала (в первой половине 1901 г.) в двойных стенках чемоданов с «оказией», в конвертах — под видом писем,

шедших по почте, но такой путь не обеспечивал ей массового распространения.

Владимир Ильич неустанно работал над созданием более совершенных и регулярных способов массовой доставки искровской литературы на родину. Первый крупный транспорт (как только вышел первый номер) был, правда, доставлен в Россию в декабре 1900 г. Н. Э. Бауманом («Грач»). Но Владимир Ильич вынужден был использовать в этом случае так называемый «путь латышей», проходивший через Мемель. Неудобство его заключалось в том, что организаторы этого пути не входили в состав искровской группы и не были достаточно дисциплинированы. Переправленную этим путем «Искру» Н. Э. Бауман доставлял в Полтаву, где тогда лишь складывалась первая организация искровцев, и отсюда лично развозил ее по всей России. Таков был первый опыт...

Летом 1901 г. этот путь был утрачен. Эрн-Ролау, организатор его, был захвачен с поличным, с тюками «Искры» во время перехода границы. Пришлось искать новых путей. Таким был морской путь по Черному морю, через болгарский порт Варну — в Одессу. Он был организован под непосредственным руководством Владимира Ильича Конкордией Захаровой. На болгарской территории действовали рабочие Бакалов и Закубанский. Пароход доставлял литературу в Одессу, где одно время находился склад для всего юга. Зимой, в декабре, все они были арестованы, и путь этот также был закрыт. Одновременно действовал румынский путь, организованный А. А. Квятковским (сын члена Исп. Ком. «Народной Воли», организатора взрыва Зимнего Дворца в 1880 г.). «Искра» шла через Яссы. В то же время (летом 1901 г.) посылки с «Икрой» шли в Россию из Вены, через Малую Азию, в Персию (Тавриз), а оттуда конной почтой пересылались в Баку (на лошадях, и потому организаторы этой линии получили кличку «лошади»). Это были: Л. Е. Гальперин, А. С. Енукидзе, Лидия Книпович, Л. Б. Красин). Но персидский путь был слишком дорог и потому пришлось воспользоваться другим путем — по Средиземному и Черному морям. У редакции «Искры» были надежные связи среди матросов, служивших на пароходах, совершавших рейсы из иностранных портов (Марсель, Пирей, Александрия). Известны два таких маршрута. Первый — на французских пароходах компании «Паке», с регулярными рейсами из Марселя в Батум. Складом «Искры» в Марселе и погрузкой ее на пароход заведывал П. Г. Смидович (кличка «Матрена»), а приемкой — в Батуме — А. С. Енукидзе. Груз упаковывался в резиновые непромокаемые мешки и сбрасывался в

¹ Ленинский сборник VIII, письмо № 18.

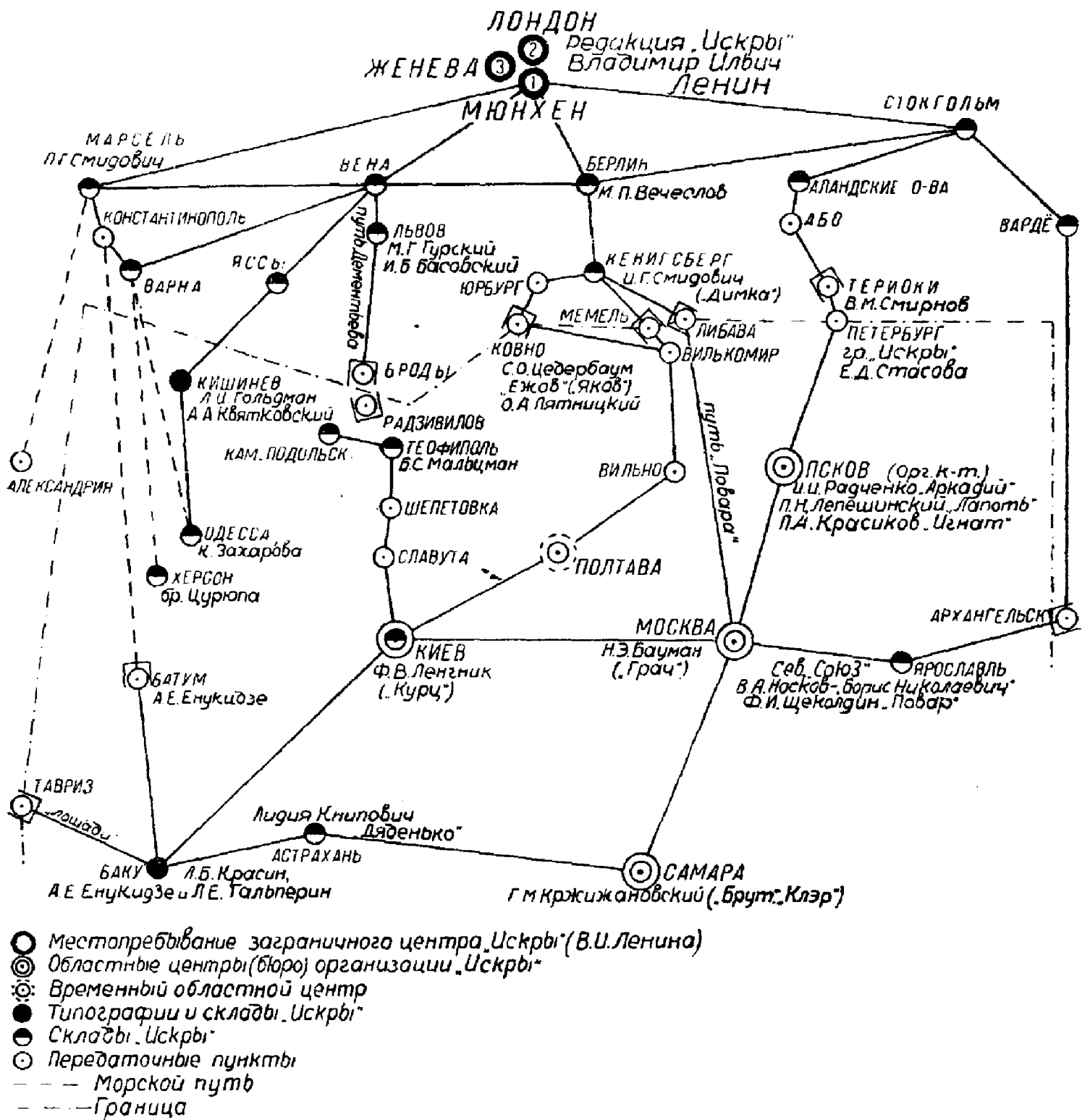

Схема транспорта „Искры“ 1901—1903 гг.

батумском порту — на рейде — прямо в море. Здесь его вылавливали и доставляли на шлюпке в Батум, минуя таможенный досмотр, и оттуда в Баку. Этот маршрут действовал очень исправно в 1901—1902 гг. Другой путь шел совсем окольным путем — через египетский порт Александрию. «Искру» получали в Херсоне братья Цурюпа Л. Д. и Н. Д. («Херсонцы»). Этот путь носил наименование «херсонского». Но он был налажен и действовал значительно позже — в 1902 и 1903 г. г.

В организации каждой из этих переправ редакция «Искры» — и больше других Владимир Ильич — принимала самое непосредственное, самое активное участие: когда ликвидировалась

та или иная переправа, опять начиналась упорная лихорадочная работа над поисками новых людей, над организацией нового маршрута.

«Вчера получили письмо из Варде, — пишут Н. К. Крупская и В. И. Ленин в мае 1902 г. — когда галицийский путь Дементьева был на время утрачен. — от тамошнего книгопродавца Бродкорба. Он берется получать литературу и передавать ее... Человек с «Николая» должен сам зайти к нему, взять литературу и заплатить деньги (по 10 р. за пуд). Пароль меняем, так как Бродкорб, вероятно, не знает русского языка...» На «Трифона» доставлять Бродкорбу поручать неудобно...» Владимир Ильич, входил во все мельчайшие подробности,

цавая инструкции своим помощникам.

«Сообщайте, — добавляет В. И., — 1) передали ли пароль, 2) высылать ли литературу и, если да, то 3) к какому сроку и сколько? Сообщайте точнее: необходимо пунктуально выполнять условия...»

Новый путь шел через Архангельск на Ярославль, где склад «Искры» находился в ведении «Северного Союза», т. е. В. А. Носкова («Борис Николаевич», потом член первого ЦК) и Ф. И. Щеколдина («Повар»), у руководителей этого союза. Они же потом, когда архангельский путь провалился, наладили другой, морской маршрут по Балтийскому морю — через Либаву. Северо-океанский путь провалился из-за нелепой случайности. «Искра» провозилась в боченках под видом селедки. Однажды при разгрузке «Св. Николая» боченок разбился, и таможенный досмотр обнаружил, таким образом, «Искру». От услуг Бродкорба пришлось, таким образом, отказаться.

Число морских дорог было, как видите, весьма значительно, но не все они действовали регулярно, и потому Владимир Ильич охотно пользовался всякой возможностью исполь-

зовать другие пути. Одним из них был путь через финляндскую границу, принадлежавшую раньше Петербургскому Союзу Борьбы. Маршрут шел через Стокгольм—Аландские острова—Або—Териоки и организован был шведским рабочим Вейделем и В. М. Смирновым. Сухопутных линий было меньше. Кроме мемельского пути «латышей» и пути Дементьева следует упомянуть границу, шедшую из Пруссии через Юрбург—Калиш—Вилькомир на Вильно. Организована она была «Яковом» (Е. О. Цедербаумом-Ежовым) и О. А. Пятницким. Она была на время потеряна (в декабре 1901 г.), после того как транспорт с «Искрой» был по роковой случайности захвачен в г. Вилькомире. Затем через некоторое время он был восстановлен (К. В. Трелина).

Таким образом, в описываемые годы, хотя не одновременно, действовало не менее десятка пограничных транспортных организаций. Благодаря им обеспечен был систематический и массовый приток искровских изданий в Россию, чему Владимир Ильич придавал особое значение. Влияние «Искры» с каждым днем укреплялось, становилось все больше и безраздельнее...

ДВА МИЛЛИОНА РАБСЕЛЬКОРОВ ПРОДОЛЖАЮТ ДЕЛО „ИСКРЫ“

Группа делегатов железнодорожников на IV Всесоюзном совещании рабселькоров в Москве

ФАКТЫ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

КАРЛ РАДЕК

СОЮЗ С ГИНДЕНБУРГОМ

История предательства II Интернационала во время войны и после войны, в период первой волны революции, еще не написана. Мы знаем, как проявилось предательство социал-демократии в ее поддержке мирового империализма, как оно вылилось после войны в прямое участие в подавлении восстания рабочего класса в целом ряде стран. Но еще закрыты государственные архивы, и поэтому мы еще полностью не знаем, в какой мере вся эта политика социал-демократии проводилась в прямом соглашении с вождями мирового империализма, в прямой сделке с ними. Только время от времени приподымается занавес, и тогда исторические документы показывают, что самые острые слова, которыми клеймил Ленин, которыми клеймили коммунисты II Интернационал, остаются далеко позади фактов, бесспорны выразить всю меру социал-демократического предательства.

Несколько лет назад на процессе, который германские социал-демократы вели против белогвардейского журнала «Южногерманское обозрение», свидетелем выступил германский военный министр генерал Гренер и показал, что во время ноябрьской революции между ним и Фридрихом Эбертом, вождем германской социал-демократии, существовала прямая сговоренность, что они держали постоянную связь при помощи тайного провода, соединявшего правительственную канцелярию со Став-

кой. Эта связь между Эбертом и генералом Гренером является теперь предметом исторического исследования Фолькмана¹, одного из руководящих работников германского государственного архива.

Монархическое крыло германских националистов обвиняет генерала Гренера в том, что он предал кайзера. Для обеления генерала Гренера Фолькман выпустил книгу под заглавием: «Революционная буря над Германией», которая ставит задачей доказать, что, как бы ни обстояло дело с предательством кайзера, генерал Гренер спас нечто большее, а именно спас германскую буржуазию. Книга нигде не называет открыто источников, на основании которых она написана, но, как известно из печати, она написана на основании архива германского командования конца 1918 г. и начала 1919 г. Так как генерал Гренер здравствует и занимает пост члена германского правительства, то Фолькман не мог бы приводить в качестве разговоров, происходивших между Гренером и Эбертом, свои выдумки. То же самое касается разговоров с другими официальными лицами. Они в большинстве случаев велись по телефону. Но в германской Ставке каждый телефонный разговор руководящих лиц записывался стенографически офицерами, пользующимися для этой цели до-

¹ Volkman, Revolution über Deutschland, 1930, Oldenburg.

Эберт

Рис. Бор. Ефимова

бавочными телефонами. Разговоры представителей Гренера с Эбертом взяты, совершенно очевидно, из служебных записок.

Германская социал-демократия пыталась замолчать книгу. Она не посмела отрицать того, что сообщает Фолькман. Мы увидим, что она имела полное основание молчать, ибо то, что сообщает Фолькман, рисует социал-демократию и ее роль в ноябрьской революции в таком ярком свете позора, в каком не представляли наиболее решительные из ее врагов.

Мы не будем воскрешать общеизвестной картины возникновения ноябрьской революции. После четырех лет народным массам было уже не под силу слушаться империалистов и слушаться социал-демократии, призывавшей их к «защите» отечества «до конца». Голод и холод оказались сильнее, чем режим террора генерала Людендорфа и настойчивые призывы социал-демократической прессы к выдержке. Революционная агитация

союза «Спартак» и пацифистская агитация независимой социал-демократии находили широкий отклик не только среди рабочих масс промышленных центров, обслуживавших армию, но и в самой армии. Берлинская забастовка рабочих военной промышленности в 1918 г., сорванная Эбертом и Шейдеманом, толкнула правительство на снятие с заводов десятков тысяч рабочих и посылку их на фронт. Эти рабочие внесли революционное настроение в армию. Войска, перебрасываемые с восточного фронта на западный, приносили сведения о пролетарской революции в России. И когда летом 1918 г. германское командование бросило войска в контрнаступление против Антанты, в первый раз случилось, что полки, идущие в атаку, были встречены отходящими в тыл полками возгласами «Штрейкбрехеры!».

После неудачи немецкого наступления и начала наступления союзников, которому германское командование не могло противопоставить достаточного количества ни новых сил, ни достаточного количества танков, аэропланов, немецкая армия начала понимать, что война проиграна. И чувство полной бессмысленности дальнейших жертв, охватившее широкие солдатские массы, было причиной того, что восстание, начавшееся в германском флоте, охватило не только всю армию, но и не нашло никакого серьезного сопротивления со стороны командного состава и буржуазии. Когда, поняв, что война проиграна, кайзер трусливо сбежал в Голландию, немецкое офицерство и немецкая буржуазия потеряли всякую способность сдерживать фронт. Они поняли, что сопротивление означает гражданскую войну, в которой они будут разгромлены наголову.

Во главе немецкого командования стояли тогда фельдмаршал Гинденбург и первый квартирмейстер, начальник штаба, генерал Гренер. Они поняли, что война проиграна и что задача теперь состоит в том, чтобы спасти «порядок», т. е. буржуазию.

Точно так же оценивали положение вожди германской социал-демократии. До последнего мо-

мента они пытались спасти гогенцоллернскую династию, добиваясь отречения кайзера Вильгельма II, чтобы спасти престол его внуку. Кайзер решил на отречение чересчур поздно, и когда рабочие Берлина захватили в свои руки город, они не встретили уже сопротивления со стороны солдат.

Когда с балкона императорского дворца Карл Либкнехт провозгласил советскую республику, Шейдеман, не спрашивая Эберта, связанного обещанием, данным принцу баденскому, спасти династию, объявил из окна рейхстага демократическую республику.

Перед лицом бушевавшей вокруг стихии вожди социал-демократии принуждены были создать объединенное правительство с вождями независимцев, которые до последнего дня клеймили их как «императорских социалистов». Эберт хотел даже, чтобы замаскировать действительный характер правительства, заставить Либкнехта принять в нем участие. Они согласились принять название правительства народных комиссаров, согласились признать, что источником власти является впредь берлинский совет солдатских и рабочих депутатов. Они в первой своей прокламации заявили, что задачей их правительства является устранение капитализма и проведение социализма. Но «в то время, когда новые правители, уставшие, истощенные неслыханным напряжением этого дня, дебатируют о проблемах революции, Эберт сидит у телефона и ведет переговоры с первым генерал-квартирмейстером в Спа об отношении офицерского корпуса и армий к революции и к рождающемуся государству» (Фолькман, стр. 56).

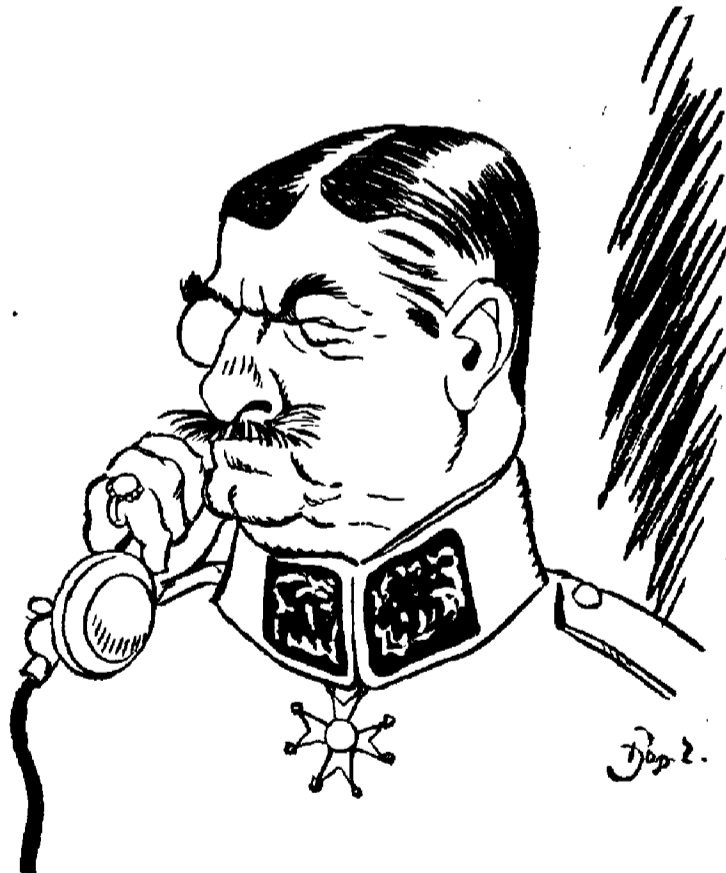
9 ноября Гренер сообщает Эберту, что Гинденбург готов руководить демобилизацией армии и что он обратится к армии с воззванием против опасностей гражданской войны. Вооруженная сила будет пущена в ход только против «преступлений». Командование хочет работать в согласии с новым правительством.

«Каково будет ваше отношение к сове-

там рабочих и солдатских депутатов?» — спрашивает Эберт. — «Командование дает указания, что с ними надо вести мирные переговоры», — отвечает милостиво Гренер. — «Чего вы ожидаете от нас?» — спрашивает Эберт. — «Генерал-фельдмаршал ожидает от правительства поддержки офицерского корпуса для сохранения дисциплины и порядка в армии. Он ожидает, что снабжение армии будет всеми средствами обеспечено и что не будет допущено никакого перерыва в железнодорожном сообщении».

«Чего еще?» — спрашивает Эберт. — «Офицерский корпус ожидает, что правительство поведет борьбу против большевизма, и предлагает для этой цели свои услуги». — Помолчав момент, Эберт ответил: «Передайте генерал-фельдмаршалу благодарность правительства».

В рецензии, посвященной книге Фолькмана, одна из руководящих газет германской буржуазии, «Кельнише Цайтунг» (от 25 января 1931 г.), говорит: «Германской революции в смысле Ленина был проломлен хребет уже

Гренер

Рис. Бор. Ефимова

9 ноября, когда офицеры императорских армий и вожди умеренных социал-демократов заключили союз против Москвы». Мы увидим, как этот союз разворачивался.

Все усилия Эберта были направлены к тому, чтобы не допустить разрушения государственного аппарата, захвата фабрик рабочими до момента, пока с фронта вернутся армии под руководством офицерского корпуса, с которым он 9 ноября заключил союз.

«Среди тяжелой повседневной работы Эберт находил ежедневно четверть часа, когда комната его во дворце рейсканцлера была тщательно закрыта для всяких посторонних лиц. От его письменного стола проведен был тайный провод непосредственно к письменному столу Гренера в Вильгельмсхее (новый центр Ставки. *К. Р.*). И в то время, когда представители исполкома рабочих и солдатских советов зря напрягали свои глаза и уши на телефонных и телеграфных станциях, усталый, придавленный заботами и нетерпением человек слушает спокойный голос Гренера. Моментами, побуждаемый внутренней необходимостью, он снимает железную маску, день и ночь скрывающую его лицо, и говорит с Гренером открыто, позволяя ему внушать себе спокойствие и слушая его указания. Эти четверть часа — удовольствие, от которого он очень редко отказывается, усиливает его мужество и дает силу вести игру до конца».

А чего же добивался генерал Гренер? Он чувствовал, что армии уже спасти нельзя. «Распухшая миллионная армия, может быть, распадется. Она не имеет теперь решающего значения, но надо спасти офицерский корпус. Будущей Германии нужна эта стальная сердцевина дисциплины и силы» (стр. 65). «Солдаты без офицеров ничего не представляют, офицеры без солдат могут представлять силу» (стр. 83). Так думал генерал Гренер и мог так

думать, ибо офицерский корпус не повис в воздухе, он опирался на мощь германской буржуазии, потрясенной войной, но не тронутой еще благодаря усилиям социал-демократии рабочим классом. И офицерский корпус имел перед собой возможность смычки с новой армией, ставшей на защиту буржуазии вместе с германской социал-демократией.

«Мысль, что социал-демократия — враг буржуазного государства — момент своей победы не только заключит мир, но даже союз с офицерским корпусом, могла казаться сумасшествием, но надо было идти на эту попытку. Эберт умен, и нужды отечества движут его сердцем» — думал Гренер (стр. 65). Один из офицеров спросил его: «Может ли главное командование отказаться от всякого контрреволюционного движения в пользу монархии, ведь союз с Эбертом этого требует?» — «Нет никакого выбора, — отвечает Гренер, — сегодняшний день требует жертв для спасения того, что можно спасти». Социал-демократ Эберт и генерал-квартирмейстер Гренер берутся за дело спасения капитализма.

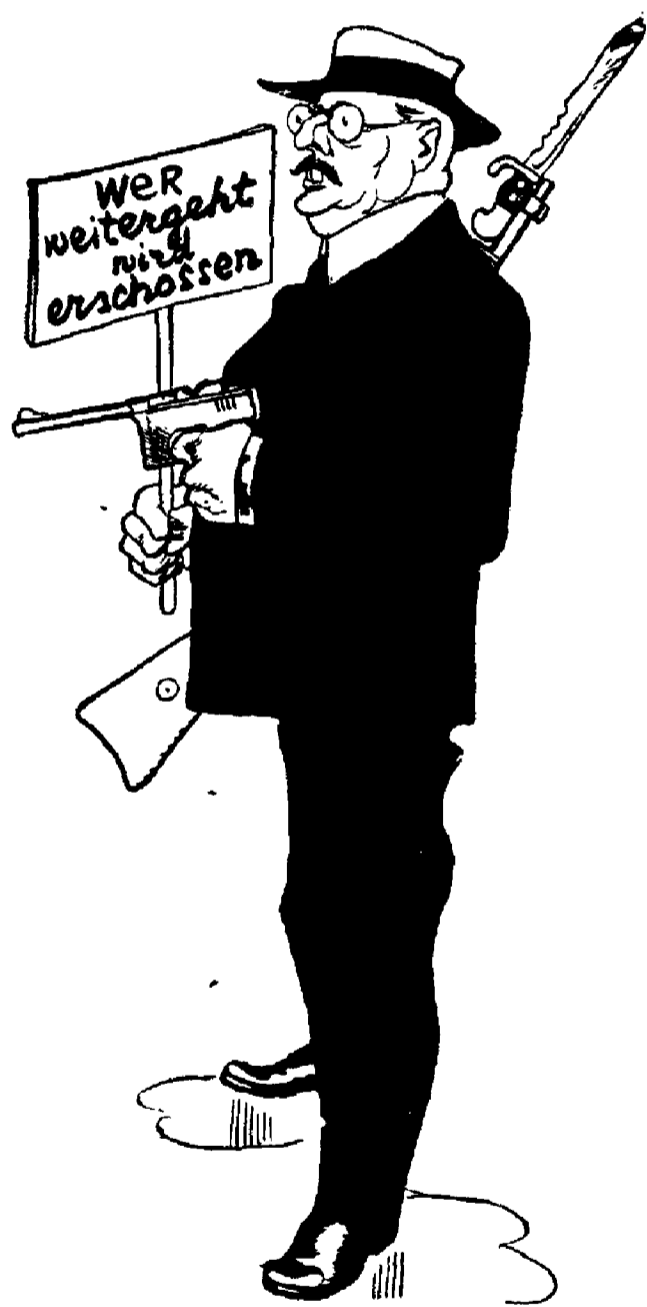
Во второй половине ноября Гренер посылает в Берлин полковника Гефтена для переговоров об использовании возвращающейся с фронта армии для наведения порядка. Представитель командования договаривается с Эбертом об уничтожении советов рабочих и солдатских депутатов и о восстановлении власти офицерства. Возвращающаяся армия должна разоружить гражданское население. В первые дни декабря, по поручению Гренера, майор Харбу извещает Эберта, что с 5 декабря девять дивизий начнут окружать Берлин. Между 10 и 24 декабря они разоружат население. Эберт допрашивает представителей Гренера, не боится ли командование исхода этих действий. «Исход, — отвечает Харбу, — зависит от скорости и решительности действий возвращающихся с фронта солдат, желающих поскорее попасть домой. К рождест-

ву большинство войска разбежится. До этого времени все должно быть сделано». «У Харбу, как пишет Фолькман, составилось впечатление, что Эберт не хочет нести ответственности за эти шаги. Он, видно, предпочитал, чтобы внешне по отношению к своим коллегам по правительству и партии он был свободен (от ответственности, К. Р.) и был поставлен перед совершившимся фактом» (стр. 125). Эберт прощается с вестником хороших сообщений, не высказавшись «против» намерений Гинденбурга и Гренера, но формально не высказавшись и «за». Харбу извещает об этом командование, и 8 декабря Гинденбург обращается к Эберту с письмом, в котором требует скорейшего созыва учредилки, оставления всей власти в руках старых государственных учреждений. Рабочие и солдатские советы должны иметь только совещательный голос. «В ваших руках, — пишет Гинденбург Эберту, — находятся судьбы германского народа. От вас зависит, сможет ли германский народ подняться. Я и стоящая за мною армия готовы оказать вам полнейшую поддержку... Мы хотим, чтобы оздоровление государства не было оттянуто на десяток лет. Мы не хотим, чтобы ослепление и глупость целиком разрушили основы нашей экономической жизни».

Задача спасения основ хозяйственной жизни была передана генералу Леки, который явился с первыми войсками 8 декабря в окрестности Берлина. Майор Харбу доносит, что Эберт пытается не сжигать мостов, и уговаривает главное командование взять руководство над «восстановлением порядка» в свои собственные руки. Гренер отклоняет это предложение, предпочитая, чтобы ответственность легла пока исключительно на генерала Леки в случае неудачи, а главное командование сохранило бы еще за собой возможность вмешательства при более серьезном положении. Он приказывает Леки действовать на собственную ответственность, посылая ему на помощь в качестве политического советника майора фон-Шлейхера, свою правую руку. В то время, как Шлейхер

и Леки ведут с Эбертом переговоры о разоружении гражданского населения, открывается первый съезд советов.

Несмотря на то, что Эберт обещал командованию восстановить власть офицеров, несмотря на то, что социал-демократы большинства имеют громадное большинство на съезде, съезд принимает так называемые семь гамбургских пунктов, которые отдают командование над армией правительству народных уполномоченных, устраняют все офицерские отличия, легализуют солдатские советы, устраняют власть офицерства вне службы и вводят выборность офицеров. Майор фон-Харбу сообщает об этом «предательстве» Эберта.

Носке]

Рис. Бор. Ефимова

генералу Гренеру; и Гинденбург и Гренер решают не подчиняться постановлениям съезда. Эберт тревожно запрашивает Гренера об их отношении к этим постановлениям. Запись разговора дает прямо потрясающую картину отношений между главой «революционного правительства» и старыми императорскими генералами. Мы не можем отказать себе в дословном переводе этого разговора.

Эберт спрашивает, как относится главное командование к решениям конгресса. Гренер отвечает: «Г. фельдмаршал считает решение конгресса нарушением обещаний, сделанных ему в первые дни революции. Он не признает этих решений законными, ибо они превосхищают решения Учредительного собрания». Ответ Эберта звучит устало: «Я усиленно прошу ваше превосходительство не спешить, пока не будут исчерпаны все возможности для улажения конфликта». — «Не мы. — отвечает Гренер. — этот конфликт начал, и не наше дело его улаживать». — «Мы должны попытаться. — отвечает Эберт, — умелым поведением устранить этот неприятный вопрос. Я надеюсь при этом на вашу поддержку, или вы считаете, что можете что-нибудь сделать силой, думаете, что у вас в руках достаточно средств насилия?» — «Мы приняли наши решения, и они окончательны», отвечает Гренер. — «Не были бы вы так благосклонны сообщить мне их», спрашивает Эберт. — «В данный момент я могу вам сказать следующее: до тех пор, пока мы считаем, что ваши намерения отвечают благу всего народа, пока нам позволяют наши убеждения, мы будем идти совместно с вами. Когда это окажется невозможным, мы заявим вам об отказе в нашей поддержке, предоставив вам соответствующий срок».

После этой угрозы Эберт приглашает Гренера приехать 20 декабря в Берлин

для дальнейших переговоров. Но раньше еще чем Гренер явился в Берлин, 19 декабря, вожди социал-демократии, с Шейдеманом во главе, проводят на съезде советов бешеное наступление против идеи советской власти, они добиваются отклонения (344 голосами против 98) предложения о том, что советы должны остаться основой оудущей конституции и иметь высшую исполнительную и законодательную власть. Они добиваются решения о том, что 19 января состоятся выборы в учредилку.

20 декабря в Берлин явился генерал Гренер в сопровождении майора Шлейхера, главного нынешнего политического руководителя рейхсвера. В полной форме, при оружии, со всеми отличиями, они отправились в военное министерство. Солдат, стоявший на посту перед министерством, увидев это олицетворение старого милитаризма, отказался впустить их. Гренер приказал его арестовать. Совершивши этот обряд восстановления генеральской власти, он на совещании заявил, что проведение решений съезда советов рабочих и солдатских депутатов об устранении и отмене старых прав офицерства угрожает полной катастрофой. Эберт поддержал его, доказывая, что без старого командования нельзя демобилизовать армию. Шейдеман заявил, что если главное командование заверяет, что ему чужды контрреволюционные намерения, то надо отказаться от проведения в жизнь решений съезда. Член правительства от «независимых» социал-демократов Дитман заявляет, что это было бы самоубийством революционного правительства. Но Эберт человек чести, он платит по векселям: самоубийство — так самоубийство! Он распускает совещание, заявляя, что конгресс рабочих и солдатских депутатов, видимо, поспешил, что провести в жизнь его решения нельзя.

Генерал Гренер и старый вильгельмовский военный штаб победили и полностью подчинили себе социал-демократическое руководство ноябрьской «революцией». Г-да Эберты осознали себя до конца. Они были противниками революционной борьбы масс, они подчиня-

Arbeiter, Bürger!

Das Vaterland ist dem Untergang nahe.

Rettet es!

Es wird nicht bedroht von außen, sondern von innen.

Von der Spartakusgruppe.

Schlagt ihre Führer tot! Tötet Liebknecht!

Dann werdet ihr Frieden, Arbeit und Brot haben!

Die Frontsoldaten

Контрреволюционный плакат, призывающий к убийству спартаковцев и Либкнехта.

лись восставшим рабочим массам, как подчинялись им генералы, не будучи в состоянии в первый момент сопротивляться. Первый момент испуга прошел. Вильгельмовский генералитет восстанавливает свою власть как стержень власти буржуазии, и Эберт помогает ему в этом деле после момента колебания, вызванного недоверием к тому, сможет ли Гренер справиться с задачей. Твердая позиция генералитета и его угрозы внушают холопу буржуазии доверие к силам старых хозяев, и он дает себя победить. Это не есть победа контрреволюции над социал-демократией, это есть соглашение носителей двух родов оружия той же самой контрреволюции о совместных действиях против революции.

Но уже ближайшие дни показали, что Гренер переоценил свои силы и силы старого милитаризма. 23 декабря по поводу невыплаты жалования начинаются волнения матросов, создавших особую дивизию в Берлине. Матросы явились к правительственному зданию, требуя от Эберта денег. Эберт обращается по телефону к заместителю Гренера, майору Шлейхеру. «Г-н майор! — кричит он в испуге, — вы мне обещали помощь в подобных случаях, как нынешний. Действуйте немедленно!» —

«Я распоряжусь, — отвечает майор, — чтобы правительственные войска генерала Леки немедленно двинулись для вашего освобождения. В данный момент ничего больше сделать не можем. Может быть, после того как мы пропустили целый ряд благоприятных случаев, удастся теперь справиться с радикалами».

Матросы, получив 80 000 марок и захватив коменданта города Вельса заложником, удаляются, оставив только стражу при здании правительства. Скоро являются войска, вооруженные пулеметами и пушками. У входа матросская стража не хочет пропустить офицеров. Еще один момент — и войска пустят в ход оружие. Эберт еще не может решиться окончательно. Он выходит из правительственного здания и из автомобиля уговаривает обе стороны отказаться от боя. Войска возвращаются в казармы.

Ночью Гренер дает урок стратегии мелкому буржуа, не сумевшему в несколько недель из зайца стать тигром. «Г-н Эберт, — говорит Гренер, — я должен у вас просить объяснения. Что означает ваша слабость по отношению к матросам? Терпение фельдмаршала и мое на исходе! Такими способами переговоров вы дезорганизуете последнюю часть войск, подчиняющихся еще офицерам. Главное командование не намерено и не в состоянии нести ответственность за подобные решения вопросов». — Эберт, извиняется: «Тут дело идет о более важных интересах, чем военные. Кровавая баня имела бы в данный момент самые нежелательные последствия для внутреннего положения страны». — Гренер не дает себя утешить: «К сожалению, я не могу с вами согласиться. Фельдмаршал и я безусловно требуем разоружения и роспуска матросской дивизии и примем меры, чтобы это решение привели к осуществлению».

Так как матросы держат в Марштале коменданта города (социал-демократа

Вельса) в плену, то Эберт имеет предлог снова «подчиниться». Совместно с Шейдеманом и Ландсбергом они дают приказ военному министру генералу Шейху освободить пленника. Генерал Леки не ожидает этого приказа, а делает приготовления к наступлению на матросскую крепость. Утром 24 декабря начинается осада Маршталля. Выстрелы поднимают на ноги рабочих Берлина. Десять тысяч рабочих окружают войска Леки. Рабочие смешиваются с войсками, начинают вести среди них агитацию. Офицеры видят, что дело может кончиться для них полным поражением. Они поэтому очень довольны, когда им удается выбраться из западни. Рождественское настроение, агитация социал-демократов, удерживающих рабочих от разгрома войск, спасают войска генерала Леки и правительство Эберта.

Первое открытое выступление контрреволюции с пушками прошло глубокой бороздой в сознании рабочих масс. Рабочие-независимцы, которые благодаря прикрытию правительства Эберта независимцами до сих пор считали это правительство своим, переходят сейчас в оппозицию к нему. Похороны жертв событий 24 декабря, состоявшиеся 29 декабря, представляют собой громадную демонстрацию против правительства Эберта. Эберт ожидает каждый момент нападения на здание правительства. Он вызывает к телефону Ставку и умоляет Гренера действовать немедленно, ибо каждый момент может явиться Либкнехт во главе с рабочими. Он напоминает офицерам, что он для них сделал все, что мог.

«Ваши напоминания приходят несвоевременно и обращены по ложному адресу,—отвечает ему Гренер.— Две недели назад, можно было действовать энергично. Тогда вы колебались. Теперь вы должны отвечать за последствия. Мы делаем последнюю попытку организации военной силы для вашего правительства, г-н Эберт. Если эта попытка не удастся, то ваша и наша судьба решена, и мы имеем победу анархии и большевизма. Это требует от нас осторожности. Ни-

Войска Носке в борьбе против спартановцев в центре Берлина на площади Бюлова. Январь 1919

«Ни шага дальше, иначе—расстрел!» — плакат на улицах Берлина в январе 1919

Пулеметные посты революционных матросов в Берлине против войск Носке

кто, даже и вы, не сможет снять с фельдмаршала и меня ответственность, которую мы несем». — «Ответственность, которую вы берете на себя, задерживая войска, не менее велика», отвечает Эберт.

Генералитет, отчаявшись в использовании старых военных частей, создавал добровольческую армию из офицерства, студенчества и не хотел пустить ее в ход, не укрепив ее заблаговременно настолько, чтобы ставка не была бита. Эберту пришлось пока что спастись тем, что он, призвав социал-демократов большинства, окружил правительственное здание их демонстрациями. Ночи он проводил на квартире у спекулянта Склярца. Гренер призывал его в случае личной опасности бежать прямо в Ставку.

4 января Эберт и Носке навещают лагерь добровольцев в Цосене, где генерал Меркер, один из самых свирепых палачей гражданской войны, показывает им свои достижения. Убедившись, что собирается сила контрреволюции, Эберт 4 января бросает берлинским рабочим вызов, снимая с поста берлинского полицей-президента независимца Эйхорна, пытавшегося создать вооруженную силу из революционных рабочих. Рабочие Берлина отвечают грандиозными демонстрациями и захватом «Форвертса».

6 января, утром, Эберт назначает Носке народным комиссаром вооруженных сил. «Пусть будет так! Один из нас должен быть кровавой собакой. Я не боюсь ответственности», — заявляет

Носке и отправляется в военное министерство, откуда едет с майором генерального штаба Экфорт фон Гаммерштейном, теперешним главнокомандующим рейхсвера, в Дале, где в школе благородных девиц находится штаб белых войск. Окончив подготовительные работы, подтянув все добровольческие войска, они через несколько дней начинают наступление на Берлин для освобождения здания социал-демократического «Форвертса» от захвативших его революционных рабочих. Когда 11 января рабочие, занявшие «Форвертс», должны были сдать под артиллерийским огнем противнику, майор Стефани спрашивает правительство Эберта, что сделать с пленными.

Ответ короткий: расстрелять на месте.

Майор Стефани указывает, что трудно сразу расстрелять 300 человек, после того как они сдались. Он получает формальный ответ: в таком случае арестовать их. Он отводит их в Александровскую казарму, где контрреволюционная свора зверски убивает часть из них.

Впродолжение нескольких дней добровольческие армии наводят порядок в Берлине. 15 января в руки их попадают Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Капитан Пабст, начальник штаба гвардейской кавалерийской дивизии, приказывает их убить.

Социал-демократы переступили Рубикон. Они попили рабочей крови и не захлебнулись. Германская социал-демократия, руководя-

...ВСЯ БУРЖУАЗИЯ ПОМОГАЕТ МЕНЬШЕВИКАМ И СОЦИАЛИСТАМ - РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ. ЭСЕРЫ И МЕНЬШЕВИКИ ЯВЛЯЮТСЯ СЕЙЧАС АВАНГАРДОМ ВСЕЙ РЕАКЦИИ.

Ленин

щая партия II Интернационала, заключила окончательный кровавый союз с буржуазией против революционного пролетариата. Ленинское предсказание, что после 4 августа 1914 г. нет больше для социал-демократии возврата на классовые позиции рабочего класса, оправдалось полностью.

Книга Фолькмана и опубликованные в ней документы освещают только одну сторону союза, заключенного социал-демократией с буржуазией, а именно, союза с военщиной. Другая сторона этого союза, непосредственный союз, заключенный вождем профсоюзов Легиеном со Стинесом, будет подробно освещена, когда откроются архивы династии Стине-

сов и генеральной комиссии немецких профсоюзов.

Об этих переговорах вспоминал с восторгом Стинес, который в честь своего партнера даже назвал один из своих первых больших торговых кораблей построенных им после войны. Генерал Гренер и его помощники чтят не менее нежно память Эберта. Надо надеяться, что пролетариат не менее твердо запомнит жизнь и дела Фридриха Эберта за н я в ш е г о место председателя германской социал-демократии после смерти Бебеля и вступившего через трупы 30 000 германских рабочих на пост первого президента буржуазной германской республики.

Выплата пособия забастовщикам. — «А наш товарищ министр нам ничего не прислал?» — «Как же, 3000 солдат.

Рис. Стейнлена

КОНЕЦ МЕНЬШЕВИЗМА

Жутью веет от обвинительного заключения по делу меньшевиков. Партия, продолжающая хотя бы только формально именоваться Российской социал-демократической рабочей партией, дошла до такого падения, что сознательно приняла на себя роль шпионов и вредителей, сознательно шла на то, чтобы голодом морить рабочих, чтобы парализовать усилия пролетариата в великом деле строительства социализма.

Дело не в том, что эта кучка, именующая себя «партией», напоминает священную римскую Империю, которая не была ни священной, ни римской, ни империей. «Партия» меньшевиков — не партия, не социал-демократическая и не рабочая. Это лишь жалкое охвостье бывшей оппортунистической фракции РСДРП и для этого охвостья весьма характерно, что из 14 подсудимых — руководителей меньшевистских вредителей только один Волков — бывший рабочий (ныне, впрочем, как и другие, специалист-экономист).

Это свидетельствует о том, что то падение, до которого меньшевизм дошел, совершенно не случайное, но что оно полностью могло выявиться лишь теперь, когда от меньшевиков в первую очередь отхлынули рабочие, а затем и ранее заблуждавшиеся, но в действительности преданные делу рабочего класса интеллигенты. Недаром Ленин уже на II съезде РСДРП вел решительную борьбу с теми, кто хотел широко открыть двери партии для всех стремившихся в нее проникнуть. В то время партия только оформлялась, была подпольной. За принадлежность к партии грозили всевозможные кары. Казалось бы, что одно это должно было ограждать партию от примазывающихся, но Ильич уже тогда предвидел, что в партию могут проникнуть элементы, которым нужна не пролетарская революция, которым рабочие массы нужны для того, чтобы по их спинам добраться до власти.

С момента II съезда РСДРП прошло 30 лет и за эти 30 лет не было ни одного момента, когда бы не выявлялся социальный облик меньшевизма как мелкобуржуазной партии. Не говоря уже об «экономизме», этом предшественнике меньшевизма, отвлекавшем пролетариат от политической борьбы, даже в 1905 г., когда рабочий класс уже оформился как класс и выступил на борьбу — меньшевики отводили буржуазии роль гегемона в борьбе... После подавления революции 1905 г. меньшевики призывали к ликвидации подполья, к переходу исключительно на путь легальности, во время империалистической войны к оборончеству, фактическому союзу с самодержавием. Когда самодержавие под ударами пролетариата рухнуло, меньшевики защищали союз с контрреволюционной либеральной буржуазией и с империалистическими правительствами Антанты. Ленин подвел итоги истории меньшевизма за весь этот период, когда писал: «Вся история пятнадцатилетней борьбы большевиков с меньшевиками (1903—1917 гг.) доказывает, как доказывают это и три русских революции, что меньшевики в общем были безусловно неправы и что они были на деле агентами буржуазии в рабочем движении». Одновременно и соответственно этой исторической проверке происходил процесс, имевший огромное значение: отход от меньшевизма пролетарских масс, изменение состава социальной базы, на которую меньшевики раньше опирались. Это освобождало меньшевизм от рабочего контроля, предоставляло ему возможность действовать в открытую, слиться воедино в борьбе против Октября с контрреволюционной буржуазией. Во всех возникавших тогда контрреволюционных организациях: «Союзе возрождения», «Национальном центре», «Народном союзе родины и свободы» меньшевики принимают активное участие вместе с кадетами и эсе-

рами Тяжелую, Упорную, кровавую борьбу вел в то время пролетариат на всех фронтах с интервентами, Колчаком, Деникиным, Петлюрой, Пилсудским, Врангелем, Юденичем. Большевики были с ними. Ленин тогда указывал, что «меньшевики и эсеры — это люди, которые сознательно или бессознательно восстанавливают капитализм и помогают Юденичам». Тогда еще можно было говорить о «сознательности и бессознательности». Тогда была еще часть меньшевиков, которые якобы на поддержку интервенции не соглашались, но не соглашались лишь для того, чтобы не сжигать за собою мостов, чтобы при изменившихся к худшему для них условиях вновь пролезть к пролетариату. Выдали меньшевики себя головой, когда вместе с Милюковым приняли активное участие в Кронштадтском восстании, но после этого приумолкли, прикурнули. Вместе со всем буржуаз-

ным миром начал являть на изл. на победу капиталистических элементов над социалистическими. Но по мере того как обнаружился подлинный характер дела, когда становилось все яснее и яснее, что новая экономическая политика, как формулировал т. Сталин, явилась политикой, рассчитанной на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанной на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики, бывшие орудием в руках сознательных восстановителей капитализма, меньшевики изменили свою платформу и превратились в контрреволюционную партию без всякой примеси и прикрасы, лишившуюся даже тени какой-либо связи с рабочим классом.

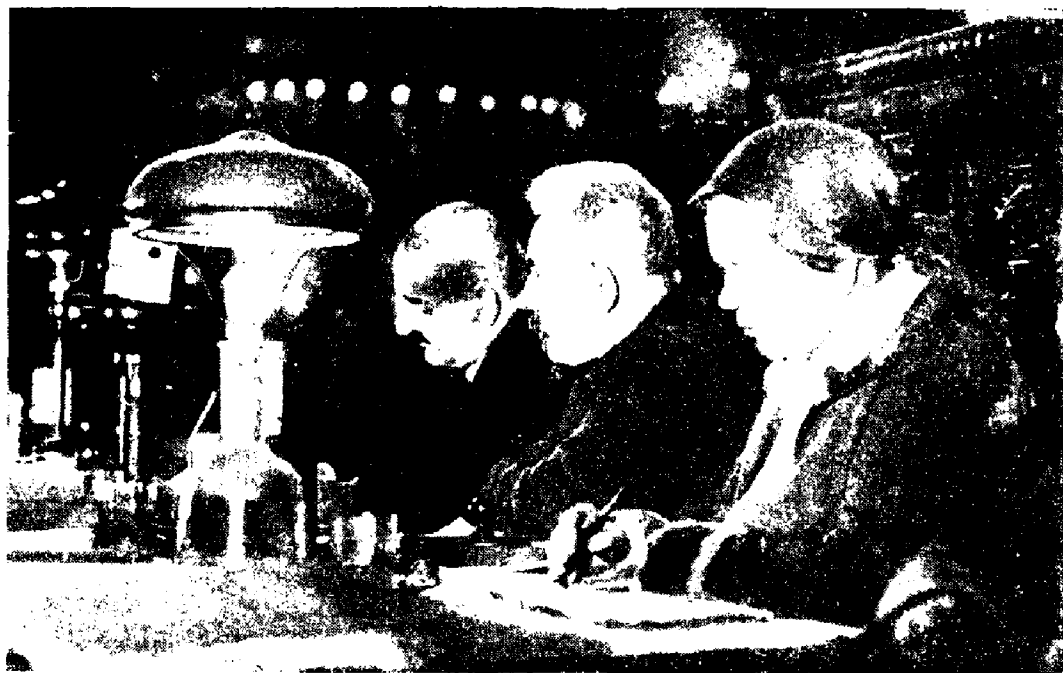
В своем социальном характере они отдавали себе полный отчет, недаром они обсуждали вопрос о том, не сбросить ли окончательно маску и не перестать ли называть себя социал-демократической партией. Они сохранили прежнее название. Это было для них необходимо. Для покупающих их услуги империалистов они имеют ценность только до тех пор, пока они хотя бы только по названию рабочая, а не буржуазная партия. Но от сохранения названия суть их деятельности не изменилась. Они вместе, и плечо к плечу с Рамзиными и Кондратьевыми, по указанию империалистов и на шпионско-вредительской службе у них, всеми способами пытались сорвать социалистическое строительство, ориентировались на интервенцию, готовили рабочему классу восстановление ярма капитала со всеми капиталистическими ужасами диктатуры буржуазии, диктатуры военщины с виселицами, карательными судами, пытками, тюрьмой, глумлениями и издевательствами. Они сознательно шли на это. Подсудимый Сухомов на следствии показал, что они обсуждали вопрос о том, что их превращают в шпионов империалистических интервентов, и пошли на это.

В настоящее время, когда они держат ответ перед пролетарским судом за все эти гнуснейшие преступления, повторяется то же, что происходило во время суда над «промпартией». Тог-

Государственный обвинитель Н. Крыленко

Специальное присутствие Верховного суда по делу контрреволюционной организации меньшевиков

да господа Брианы и Пуанкаре, вдохновители, организаторы и руководители всей вредительской и шпионской деятельности Рамзинных и Ларичевых, выведенные на чистую воду и избежавшие заслуженной кары лишь только потому, что находились за пределами досягаемости, всеми способами и средствами пытались выгородить себя, доказать, что они в этом грязном деле не принимали никакого участия. Теперь, в самом неслучайном положении оказался II Интернационал. Как тогда Пуанкаре, так теперь Вандервельде заявляет с тем, что II Интернационал никогда не думал ни о какой интервенции. Как тогда буржуазная пресса, так и теперь «Форвертс» направляет усилия, чтобы доказать, что он не замаран в этом грязном деле. Как тогда участники «промпартии» так теперь господа меньшевики на следствии и на суде прямо пальцами указывают на отвергивающихся от них вдохновителей этого дела — тогда на Пуанкаре и Рябушинских, теперь на Каутских,

Гильфердингов, Вандервельде: они вдохновляли, они посщряли, они посредничали, они давали материальные средства. Но положение лидеров II Интернационала тяжелее и хуже положения Пуанкаре, Бриана, Рябушинского. Последние заматали следы в интересах того класса, к которому принадлежали, которому явно служили. И этот класс, понимая, что это в его интересах, охотно притворяется, что он им верит. Каутские, Гильфердинги и Вандервельде ложью должны защищаться перед рабочим классом. Неоспоримые факты, обнаруженные следствием и процессом, их изобличают и пригвоздят к позорному столбу. Эти факты должны стать достоянием пролетарских масс всего мира и под ударами этих разоблачений II Интернационал, с 1914 г. гниющий и разлагающийся труп, должен быть свален в ту же смрадную яму, в какую уже свалилась его секция — партия российских меньшевиков.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЙ МЕНЬШЕВИЗМ В БОРЬБЕ С ПРОЛЕТАРИАТОМ

Публикуемые ниже документы из архива Московской городской думы за 1917 г. служат лучшим доказательством того факта, что российские меньшевики в союзе с партиями буржуазии—кадетами и эсерами — непосредственно после Февральской революции уже целиком и полностью разделяли политику буржуазного правительства и оказывали всемерную поддержку министрам-капиталистам в их контрреволюционной борьбе с рабочим классом. Большевики от сотрудничества с правительством крупной буржуазии в период Октябрьской революции переходят к вооруженной борьбе с пролетарской революцией. Документ от 18 августа 1917 г.—наиболее красноречивый из всех приводимых. Он рассказывает о том, как меньшевик гласный думы социал-вредитель Шер был вождем и организатором белогвардейской армии и руководил ею в Октябрьские дни в Москве. Другой социал-предатель Залкинд с трибуны Московской городской думы десятки раз выступал с погромными речами, призывавшими все «живые» силы к борьбе с большевизмом. Наряду с подготовкой интервенции, вредительства и открытого нападения на СССР пускается в ход грубая провокация, клевета и т. п. Представители партии меньшевиков, иллюстрируя убожество своего политического багажа, распространяют белогвардейские «утки» о том, что «большевики живых людей на костре сжигают», что «большевики идола» и т. п.

Московские меньшевики, объединившись с партиями кадетов и эсеров для борьбы с Октябрьской революцией, сохранили этот боевой союз до наших дней, осуществляя его с вредителями из «промпартии» и ТПК. Под империалистическим знаменем II Интернационала, за деньги из Торгпрома, эти господа выполняют дело неслыханного в истории предательства рабочего класса. Если Шер, организовав белые банды на борьбу с пролетариатом, в 1917 г. получал звонкую монету, по его словам, от организаций и отдельных лиц, то не приходится удивляться тому, что эти же организации в 1930 г. щедро оплачивают вредительскую работу меньшевиков и их с ними.

Публикуемые документы приобретают особую ценность еще и потому, что некоторые из творцов этих документов ныне держат ответ перед судом пролетарской диктатуры. К другим из них историей будет предъявлен еще соответствующий счет.

Г. Костомаров

РЕЧЬ МЕНЬШЕВИКА Л. Б. ЗАЛКИНДА, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ЗАСЕДАНИИ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ¹

6 ноября 1917 г.

Залкинд Л. Б. — Мы вполне присоединяемся к той точке зрения, которую нам изложил наш товарищ городской голова. Мы считаем, что то, что предложено городским головой, и та форма, в которой это предложено, не есть результат усталости, а есть результат впечатления огромности и важности только что пережитого момента и тех принесенных жертв и еще, может быть, результат предвидения того, что нам еще предстоит пережить. Мы думаем, что поэтому наш товарищ городской голова сегодня иначе говорить и не мог.

Каждое лишнее слово, даже лишнее

¹ Подлинные документы хранятся в Центральном архиве, в Московском областном архивном бюро, в фонде Московской городской думы 1917 г.

слово негодования и гнева уменьшают нашу внутреннюю силу, а эта внутренняя, твердая, непоколебимая сила в данный момент нам нужна для борьбы. Я не могу не коснуться того, что было только что пережито благодаря кровавой аванюре большевиков. Мы же не могли исходить из той точки зрения, из которой исходил Н. И. Астров, расценивая положение событий и тактику большевиков, — мы, переживая революцию, должны переходить из одной ее фазы в другую; для нас дело не в том, что большевики подняли восстание, что они отняли власть, для нас важно то, что их преступлением идея демократизма, идея социализма дискредитирована, их преступлением нанесен удар социализму, и еще никто и никогда не наносил такого удара. Большевики смеют заявлять, что это воля и диктатура пролетариата. Вы видите, что это ни диктатура народа, ни диктатура про-

летариата. Но даже если говорить о том, что данное настроение сторон не является существенным моментом в ходе даже жестоких событий, если принять все совершившееся как жестокую войну, то и здесь мы должны указать, что во всякой войне есть определенные грани, дальше которых нельзя идти. В данной борьбе мы перешли все грани.

Я не могу не указать на ряд бессмысленных, чудовищных жестокостей и насилий, которые были допущены в этой борьбе. Я не могу не напомнить отвратительной истории с обысками у Плеханова, сопровождавшиеся такими истязаниями, которые довели старого, больного человека до того, что у него началось кровохаркание. Я не могу не упомянуть о том, что сделано со Смирновым, которого тоже довели до кровоизлияния. Но этим еще не исчерпывается вся бессмысленность разнуздавшейся толпы. То, что я прочел вчера, превосходит все грани безумия и жестокости: я вчера взял газету «Труд» и прочел напечатанное мелким шрифтом, что во время восстания в Казани военный чиновник был сожжен на костре за то, что он не разделял настроение большевиков. Против таких ужасающих злодейств и такого насилия, даже стоя на той точке зрения, которой я коснулся, мы не можем не выразить своего презрения, негодования и возмущения преступникам, позволившим производить такое злодейство и жестокость. Что касается вопроса тех конкретных случаев, то мы считаем, что они не имеют за собой никакого оправдания. Что же касается Городской Думы, то она, избранная населением, не считает себя распущенной и считает себя правомерной исполнять волю населения, но отсюда еще не ясно, в какие конкретные рамки мы можем влить свое существование. Ведь то, что нам предлагал Н. И. Астров, правильно по идее, но практически совершенно не выполнимо, а нам нужно защищать то положение, которое является наиболее выполнимым. Исходя из настроений московского населения, мы должны помнить, что эта авантюра большевиков скоро кончится, и наша фракция полагает, что та резолюция, которую нам изложил наш товарищ город-

ской голова, является наиболее правильной и приемлемой, к которой мы и присоединяемся.

РЕЧЬ А. Б. РОМАНОВА, ПРОИЗ- НЕСЕННАЯ ОТ ИМЕНИ ФРАКЦИИ МЕНЬШЕВИКОВ В МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЕ

22 ноября 1917 г.

Романов А. Б. Мы целиком присоединяемся к этой резолюции и только констатируем, что тот план, который был намечен с самого начала и на котором мы настаивали, — что нельзя складывать руки перед идолом, воздвигнутым народной темнотой, что нужно этому идолу противопоставлять все то живое, творческое, что есть в русской революции, — этот метод борьбы политической, несомненно, принесет свои плоды. Я надеюсь, что как бы ни было тяжело тем, как в данном случае, проводить линию Городской Думы, — я говорю о Городской Управе, — как бы ни было им тяжело проводить эту линию, я надеюсь, что и в будущем члены Управы будут готовы проводить ее, хотя вместе с ними Городская Дума, фигурально выражаясь, и упадет, быть может, под штыками насильников. Эта линия будет вестись, я надеюсь, и впредь, и мы надеемся, что она принесет свои плоды.

Та сила, на которую опираются идо-лы народной тьмы, несомненно с каждым днем все-таки разрушается, разрушается в силу естественного хода вещей. Гни-лостный процесс, который начался не сегодня, продолжается, и если мы на-ходили до сих пор необходимым не скла-дывать оружия и продолжать политиче-скую борьбу, то я утверждаю, что тот план, который намечен, мы будем про-водить в жизнь.

Я бы хотел обратить внимание Думы на то, что нам, может быть, нужно будет быть готовыми к еще большей активности в том смысле, что, взяв на себя инициативу разгона городских об-щественных самоуправлений, насиль-ники в силу логики, которая имеется в конце концов и у них, вынуждены будут делать дальнейшие акты насилия. Пока что мы знаем, что они проводят

В жизнь разгон Думы, не давая возможности работать Городской Управе, не давая ей возможности исполнять возложенные на нее обязанности. Они свою декларацию о необходимости окончательного персонального уничтожения данного состава Городской Думы постараются исполнить, и то, что уже перед Петроградской Думой стало в порядок дня, в недалеком будущем станет и перед Московской Думой.

Те самые выборы, которые должны быть назначены в Москве, если не завтра, то через неделю будут произведены. Попытка в этом отношении будет сделана. Необходимо всем нам, всей Городской Думе, к этому моменту приготовиться, чтобы мы не только сказали, что мы игнорируем их решение, но чтобы своевременно мы могли призвать население к активному бойкоту этого так называемого нового избирательного закона, который в Москве издан. Я думаю, что в этом отношении все те поручения, которые мы давали Городской Управе, правильны и своевременны. В тот момент, когда это будет, Городская Управа нас осведомит об этом, чтобы мы успели за несколько дней призвать население к бойкоту этого свержения, которое они хотят совершить в городе Москве. (Аплодисменты).

РЕЧЬ МЕНЬШЕВИКА Л. Г. ГРАНОВСКОГО, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ЗАСЕДАНИИ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

15 ноября 1917 г.

Грановский Л. Б.—Граждане и товарищи. От имени группы с.-д. меньшевиков, примыкающей к оборонческому течению, я заявляю, что мы присоединяемся в общем к тем идеям, которые развиты в резолюции фракции с.-р., и только жаль, что внешние обстоятельства, при которых протекает наше собрание, не позволяют нам придать этой резолюции более законченный, выдержанный и соответствующий вид.

Во всяком случае, позвольте мне заявить, что мы признаем необходимым и единственно возможным способ создания авторитетной власти, которая вывела бы страну из того состояния безначалия и анархии, в которое ее ввела

вооруженная попытка большевиков, создание власти, в которую вошли бы все элементы, стоящие на почве государственного социализма, стало быть, без большевиков. Поэтому мы резко отказываемся от той позиции, которую заявил здесь официальный представитель меньшевистских течений. Мы заявляем, что большевизм и возглавляемое им большевистское движение не есть движение сознательное и планомерное, не есть выражение планомерного рабочего движения. Мы заявляем, что это есть бунт, возглавляемый и вызванный коммунистом Лениным, который развивает идеи, повторяющие старые идеи ткачевского «Набата» и Бакунина, но не идеи, которые являются развитием социализма государственного и социализма приемлемого для всех течений социалистических, марксистских, народнических и иных, остающихся и стоящих на почве государственности. Поэтому мы заявляем, что для нас немыслимо создание власти, в которую входили бы представители большевиков. Такая власть вела бы к дальнейшей разрухе страны.

Мы повторяем, что большевизм не есть политическая партия, ибо для всякой политической партии, во всяком случае, есть возможности и есть невозможности, на которые она не идет, перед которыми она останавливается. Мы заявляем, что большевистское восстание показало, что они идут на невозможности. Развал и уничтожение армии, разрыв России со всеми демократиями мира, доведение страны до невозможного положения создает абсолютную невозможность собирания власти, собирания демократии на почве единения с этими элементами.

Мы протестуем против всяких попыток государственно-мыслящих социалистических течений затушевать эти преступные элементы в большевистском движении и продолжать дальше невозможную, губительную для самого существования Российской республики политику каких-то колебаний, каких-то компромиссов, каких-то уступок, каких-то соглашений с той кликой, которая сейчас нанесла, быть может, последний удар завоеваниям великой российской революции и рабочего класса.

ДЕКЛАРАЦИЯ ФРАКЦИИ МЕНЬШЕВИКОВ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

6 ноября 1917 г.

Фракция с.-д. меньшевиков Московской Городской Думы, выражает свой решительный протест против насильственного разгона большевистской властью Московской Городской Думы, избранной на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

Фракция видит в этом грубом акте насилия воскрешение самых мрачных времен царского режима, разгонявшего негодные ему органы самоуправления и заменявшего их чиновниками, и считает необходимым, чтобы Городская Дума, в сознании своей ответственности перед избравшим ее населением, продолжала свою работу, которая может быть прервана только под непосредственным давлением грубой силы.

В случае, если Дума будет поставлена в невозможность продолжать свою деятельность, фракция меньшевиков заявляет, что вся ответственность за неизбежную в таком случае разруху хозяйственную она возлагает на Военно-революционный комитет.

Вместе с тем полагая, что вина за гражданскую войну, вызванную в Москве большевиками, падает в известной степени и на поддержанный большинством Городской Думы Комитет общественной безопасности, ввиду занятой им в начале борьбы непримиримой позиции, фракция меньшевиков считает, что Городская Дума должна сама поставить вопрос о ее перевыборах, чтобы тем самым дать населению возможность голосованием выразить свое отношение к происшедшим событиям. Но при этом фракция полагает, что необходимым предварительным условием перевыборов является как нормальное условие для существования Думы впредь до перевыборов, так и полное восстановление грубо нарушенных большевистской властью гражданских свобод, гарантирующих правильность выборов.

РЕЗОЛЮЦИЯ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ (ПРИНЯТА ЕДИНОГЛАСНО)¹

15 ноября 1917 г.

Московская Городская Дума, не допущенная силой штыков собраться в зале своих заседаний и открывшая заседание в помещении университета Шанявского, обсудив политическую обстановку, созданную произведенным партией большевиков захватом власти, и с презрением отвергая постановление о ее роспуске, провозглашает:

1. Заседание Московской Городской Думы происходит там, где собираются гласные Думы, избранные всем населением г. Москвы, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

2. Насильственный захват власти, произведенный партией большевиков, зажег в стране пожар гражданской войны, разрушил государственный аппарат, подорвал хозяйственные силы, обессилил фронт, сорвал Учредительное Собрание и грозит полной гибелью стране и революции, гибелью дела трудящихся масс.

3. Попрана идея социализма, попорана идея народоправства. Захват власти знаменует такое же посягательство на волю и бытие Всенародного Учредительного Собрания, как постановление узурпаторов о роспуске Думы означает насилие над волей московского населения.

4. Отняты у народа все завоевания революции, отменена свобода слова, печати, собраний и все другие гражданские свободы, нет неприкосновенности личности и жилища, нет элементарной безопасности, воскресли худшие времена царского самодержавия, возобновлены обыски, аресты и насилия, водворен режим безудержного партийного произвола, ложно выдаваемого за волю пролетариата.

5. Большевизм, использовавший ослепление усталых и измученных масс, увлекший массы лживыми, неосуществимыми в настоящее время обещаниями немедленного мира, обречен на внутреннее разложение. Обман неминуемо

¹ Принята фракциями всех антисоветских партий, включая меньшевиков и явилась общей платформой объединенных контрреволюционных сил. Г. К.

будет раскрыт, массы прозреют, велик будет их гнев, но во гневе своем массы могут извериться в благах революции и стать легкой добычей контрреволюционных сил. Большевицкая анархия и контрреволюция протягивают друг другу руки на гибель родины.

6. Россия должна быть спасена, анархии должен быть положен предел. Московская Городская Дума обращается с призывом ко всем силам великой демократии России не признавать власти захватчиков, организоваться и быть на страже, дабы в тот грозный час, когда преступный, обманутый и прозревший народ потребует предателей к ответу, не дать восторжествовать контрреволюции, взять судьбы страны в свои руки и, создав авторитетную, всей страной признаваемую революционно-демократическую власть, оградить многострадальную родину от внешнего разгрома, добиться всеобщего демократического мира, довести страну до взлелеянной народной мечтой Учредительного Собрания. Спасти великую Российскую Республику и дать трудовому народу землю и волю.

Да здравствует всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право!

Да здравствует орган народоправства!

Да здравствует Учредительное Собрание!

МЕНЬШЕВИК ШЕР—ОРГАНИЗАТОР БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

Выписка из постановления Военного Совета о формировании добровольческой армии от 18 августа 1917 г.¹

Военный Совет, заслушав доклад товарища Шера по формированию московской областной организации Добровольческой армии, постановил:

1) вопрос об организации добровольческой армии считать открытым впредь до обсуждения его принципиально в С.Р.Д., С.С.Д., С.К.Д. и в Военном Совете; 2) что же касается вышеозна-

ченной организации, то в виду уже самого факта ее существования, наличности известного количества добровольцев, ежедневного их поступления и денежных сумм, Военный Совет находит, что она как таковая должна быть ликвидирована с переходом всех дел в ведение Штаба Московского Военного Округа.

Председатель Военного
Совета (Подпись).

Секретарь (Подпись).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О СФОРМИРОВАНИИ БЕЛОЙ АРМИИ ДЛЯ БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИКАМИ ОТ 27 ОКТЯБ- БРЯ 1917 г.

ПРОТОКОЛ

общего собрания членов Московского Областного Комитета по организации добровольческой армии, 27 октября 1917 г. Председатель штабс-капитан Бригер. Секретарь чин. воен. врем. Соловьев.

Присутствовали: ротмистр Желтухин, подпоручик Кулагин, главный комиссар добровольческой армии прапорщик Иткин, прапорщики: Самойлов, Халафов и Малышев.

СЛУШАЛИ:

Доклад главного комиссара добровольческой армии прапорщика Иткина и предложение его немедленно приступить к организации добровольческих отрядов из граждан г. Москвы для поддержки Временного правительства и охраны порядка в г. Москве.

Согласно переговорам с командующим войсками Московского военного округа.

ПОСТАНОВИЛИ:

Немедленно приступить к таковой организации, для чего открыть пункт формирования, выпустить воззвания, предварительно сообщив об этом комитету общественной безопасности г. Москвы и командующему войсками округа. На необходимые расходы по формированию, в виду того что комитет в настоящее время не обладает достаточными средствами, просить комитет общественной безопасности, общественные организации и частных лиц о выдаче необходимых средств.

Подлинный подписал председатель штабс-капитан Бригер.

¹ Моск. обл. арх. бюро. Дело «Протокол о формировании Белой Армии» 1917 г.

Скрепил и копия с подлинным верна — секретарь, чиновник военного времени
С о л о в ь е в.
(М. П.)

Командующий войсками полковник Рябцов действует в полном согласии с Комитетом общественной безопасности, который принимает на себя всю ответственность за политическую сторону действия полковника Рябцова.

Председатель Комитета
Секретарь

КОНТРЕВОЛЮЦИОННОЕ ОБРАЩЕНИЕ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА ПО ОРГАНИЗАЦИИ БЕЛОЙ АРМИИ, ОКТЯБРЬ 1917 г.

ГРАЖДАНЕ гор. МОСКВЫ!

В страшные дни, когда страна на краю гибели, большевики в г. Петрограде захватили власть и, подняв мятеж против Временного Правительства, нанесли смертельный удар в спину революции. Никто не имеет права оставаться безучастным. Центральный Комитет Всероссийских Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, все социалистические партии, все общественные организации осуждают мя-

теж большевиков и призывают к спасению страны. Мы обязаны противопоставить мятежникам организационную, истинно революционную силу.

Солдаты, рабочие, крестьяне, офицеры, студенты и граждане гор. Москвы все обязаны взяться за оружие и защитить страну и революцию.

Москва — сердце России — должна быть сильной, мощной, истинно революционной и своею организованностью поддержать Временное Правительство.

Московский областной комитет по организации добровольческой армии (Петровка, 7) открыл запись желающих защитить с оружием в руках страну от анархии, революцию от гибели, честь и достоинство великой Российской республики от немецких полчищ, которые, несомненно, придут, если большевикам удастся их безумная затея начать гражданскую войну в минуты величайшей опасности, когда на фронте наши братья, сыновья и отцы, страдая от холода и голода, в сырых окопах защищают нас.

Центральный пункт записи (Петровка, 7) — Московский областной комитет по организации добровольческой армии.

Являться с документами на руках.

Московский Областной Комитет по организации добровольческой армии.

И КОГДА МЕНЬШЕВИК ГОВОРИТ: „ВЫ ТЕПЕРЬ ОТСТУПАЕТЕ, А Я ВСЕГДА БЫЛ ЗА ОТСТУПЛЕНИЕ, Я С ВАМИ СОГЛАСЕН, Я ВАШ ЧЕЛОВЕК, ДАВАЙТЕ ОТСТУПАТЬ ВМЕСТЕ“, — ТО МЫ ЕМУ НА ЭТО ГОВОРИМ: „ЗА ПУБЛИЧНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО МЕНЬШЕВИЗМА НАШИ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СУДЫ ДОЛЖНЫ РАССТРЕЛИВАТЬ, А ИНАЧЕ ЭТО НЕ НАШИ СУДЫ, А БОГ ЗНАЕТ ЧТО ТАКОЕ“

Ленин

Е. ДРАБКИНА

ГРУЗИНСКИЕ МЕНЬШЕВИКИ И ИНТЕРВЕНЦИЯ

Десять лет прошло с тех пор, как победоносным восстанием грузинских рабочих и крестьян была свергнута меньшевистская диктатура в Грузии и установлена советская власть. За эти десять лет страна, которую меньшевики сделали оплотом международного империализма и контрреволюции, в которой на протяжении четырех лет меньшевистского господства сохранилось помещичье землевладение и неприкосновенность капиталистического порядка и беспощадно подавлялось рабочее и крестьянское движение, эта страна превратилась в социалистическую советскую республику, заканчивающую в наступающем третьем году пятилетки построение фундамента социалистической экономики.

Грузинская социал-демократия пришла к власти как партия контрреволюции. В те дни, когда в России произошла Октябрьская революция, в Закавказьи победил буржуазно-помещичий блок, во главе которого стояла грузинская социал-демократия. Социал-демократия сыграла в Грузии и в Закавказьи ту же роль, которую играла социал-демократия во всем мире, — роль тормоза пролетарской революции и спасителя буржуазного порядка. На протяжении двадцати лет, предшествовавших Февральской революции, грузинская социал-демократия боролась против революционного большевизма, стремясь выхолостить из грузинского рабочего движения революционное содержание, сблизить грузинский пролетариат с буржуазией и сделать из него безропотного соратника буржуазии. После Февральской революции грузинская социал-демократия выступила как яростная защитница политики временного правительства. Своей основной целью она считала борьбу с большевизмом. «Свою тактику сейчас меньшевики должны построить так, чтобы отвлечь рабочих от их большевистского настроения, — заявлял в эти дни вождь грузинской социал-демократии Ной Жордания. — Настроение рабочих

масс во всех революциях было большевистским, тактика меньшевиков должна ставить своей задачей удержание максималистических стремлений рабочих».

Тогда же, когда грузинские меньшевики убедились, что предотвратить социалистическую революцию невозможно, что Временное правительство неизбежно погибнет, они не сложили оружия и решили встать во главе контрреволюционных классов Закавказья, чтобы объединенными усилиями подавить революцию в пределах Закавказья, а затем притти на помощь российской контрреволюции. С этой целью под руководством меньшевиков был создан в Тифлисе Закавказский комиссариат (преобразованный впоследствии в Закавказский сейм). Закавказский комиссариат сделался штабом контрреволюции. Он организовал расстрел тифлисских рабочих, собравшихся 10/II—1918 г. на митинге, выставившем требование советской власти. Он разослал во все концы Закавказья карательные отряды, подавлявшие крестьянские восстания. Им было подготовлено и проведено разоружение и истребление большевистски настроенных частей старой армии, возвращавшихся с Кавказского фронта. Он формировал воинские силы для нападения на советский Баку — цитадель революции в Закавказьи.

Однако руководители закавказской контрреволюции чувствовали, что им самим не справиться с революционным движением. Поэтому они решили прибегнуть к помощи интервенции и обратились к Германии с просьбой прислать войска для подавления большевистского движения. «Анархия душит нас, — писала меньшевистская газета, объясняя, почему меньшевики пригласили немецких интервентов. — Большевики то там, то здесь устраивают нам восстания... Поэтому наш народ легко примирится с влиянием чужого господства, если оно водворит у нас порядок».

Немцы охотно согласились на предло-

жение представителей Закавказского сейма. Они получили его в тот момент, когда Германия одержала успехи на всех фронтах и думала, что ей удастся победить в мировой войне. Немцы хотели овладеть кавказской нефтью, поэтому предложение ввести на Кавказ свои войска оказалось для них как нельзя более подходящим.

Во время переговоров с немцами произошел распад Закавказского сейма. Входившие в сейм буржуазно-помещичьи партии были объединены ненавистью к революции, но одновременно с этим они вели отчаянную борьбу между собой, стремясь получить как можно больше выгод для буржуазии и помещиков собственной нации. Поэтому каждая из них вела за спиной сейма тайные переговоры с немцами, каждая из них стремилась порвать с сеймом и создать собственное буржуазное государство. Наибольшую активность в этом деле проявляли грузинские меньшевики, и 26 мая 1918 г. «Национальный Совет Грузии», возглавлявшийся меньшевиками и объединявший все буржуазные и помещичьи партии Грузии, провозгласил Грузию «самостоятельной» и «независимой» республикой, а через 3 недели в пределы этой самой «самостоятельной» и «независимой» республики вступили германские войска, которые, как говорит правительственная прокламация, были «приглашены самим правительством Грузинской республики».

Тотчас же после своего прибытия германские войска приступили к подавлению крестьянского движения, охватившего летом 1918 г. всю Грузию. Эти восстания были вызваны аграрной политикой меньшевистского правительства, которое встало на защиту помещичьей земельной собственности. Оно издало закон, по которому у помещиков отбирались лишь «излишки» сверх семи десятин на каждую дворянскую душу. Этот закон оставлял помещичьи земли почти неприкосновенными, а то небольшое количество земли, которое все же было у помещиков отобрано, было продано меньшевистским правительством по высоким ценам и целиком досталось кулакам. Поэтому вся история Закавказского сейма и меньшевистской Гру-

зии представляет собою историю крестьянских восстаний. «Всоставала везде исключительно беднота. Против восстания шли деревенские кулаки, попы, городские и сельские торговцы, дворяне и другие паразиты», — пишет один из руководителей движения т. Махарадзе.

Меньшевистское правительство беспощадно подавляло крестьянские восстания. Повстанцы расстреливались на месте. Женщины, старики и дети избивались. При подавлении восстания в южной Осетии семьи восставших крестьян запирались в избы и там сжигались.

«Теперь ночь, всюду видны огни, — пишет в своем дневнике начальник карательных отрядов меньшевик Валико Джугели. — Это горят дома повстанцев. Но я уже привык и смотрю на это почти спокойно». «Всюду вокруг нас горят осетинские деревни, — записывал он на следующий день. — В интересах рабочего класса и грядущего социализма мы будем жестоки. Да, будем. Я спокойной душой и чистой совестью смотрю на пепелища дыма. Я совершенно спокоен, да, спокоен».

На следующий день:

«Горят огни.. Дома горят... С огнем и мечом».

Через несколько часов новая запись: «А огни горят, горят...»

Вечером того же дня:

«Теперь всюду огни... Горят и горят... Зловещие огни... Какая-то страшная и феерическая красота... И, озираясь на эти ночные яркие огни, один старый товарищ сказал мне: «Я начинаю понимать Нерона и пожар Рима».

На следующий день вечером:

«Ночь ясная, тихая. А вдали зарево пожара».

Для того чтобы уменьшить угрозу крестьянских восстаний, правительство занялось обезоружением населения. У крестьян было отобрано все оружие, даже охотничье. Тогда повстанцы начали вооружаться кольями с насаженными на них штыками. «... Но банды эти так многочисленны, что представляют серьезную угрозу правительственным войскам», — добавляет к этому сообщению меньшевистская газета.

Вся государственная машина была

Германские десантные войска в Тифлисе
д. зои Революции

приведена в движение для защиты священной частной собственности. Летом 1918 г. меньшевистское правительство издало закон о смертной казни для каждого участника в вооруженном восстании, причем приговоры выносились военно-полевыми судами, назначавшимися начальниками отрядов, действовавших против повстанцев.

Всех этих мер оказалось, однако, недостаточно для подавления крестьянских восстаний, поднявшихся летом 1918 г. по всей Грузии. Эти восстания были подавлены только благодаря помощи германских штыков.

Германские оккупанты пришли в Грузию как хозяева страны. Генерал Отто фон Кресс диктовал грузинскому правительству свою волю, и оно беспрекословно выполняло все его приказания.

Во все важнейшие министерства Грузинской республики были назначены германские «советники», распоряжавшиеся там, как у себя дома. Фактическое управление социал-демократической республикой оказалось в руках генералов германской императорской армии. Все крупнейшие промышленные предприятия Грузии, в частности, Чиатурские марганцевые месторождения, были отданы в концессию немецким банкам. Немцы совершенно открыто говорили

о том, что хотят присоединить Грузию к германской империи, установить там монархический образ правления и посадить на грузинский престол какого-нибудь из германских принцев.

Грузинские меньшевики видели в немцах единственную опору против большевизма. Поэтому известие о поражении Германии в мировой войне и об эвакуации германских войск из Грузии было встречено грузинской социал-демократией с чувством глубочайшей тревоги и огорчения. «Уходят из Грузии германские войска, — писала меньшевистская газета, — они пришли к нам не как победители, не как завоеватели. Они пришли сюда по зову грузинской демократии... С тревогой взираем мы на наше будущее, обнаглевшая анархия вновь поднимает голову».

Но через несколько дней меньшевики успокоились: они получили известия, что на место германских оккупантов в Закавказье придут войска английских интервентов. В Тифлисе страшно обрадовались. Единственно, что внушало меньшевикам некоторые опасения, был страх, что англичане раздумают и не оккупируют Закавказье. Тогда меньшевистское правительство начало всячески звать к себе «представителей британской демократии», обещая отдать им все

природные богатства Грузии и доказывая, «на основании марксистского анализа», что обладание Закавказьем для Англии жизненно необходимо. Англо-американской миссии, приехавшей в начале декабря 1918 г. обследовать Грузию, меньшевистское правительство сообщило, что «революция в Грузии... уже кончилась... кабинет министров не социалистический... Принцип частной собственности охранен... иметь соседями ценную и цивилизованную нацию, как английская, выгодно и приятно... Всеми силами, всеми средствами наша республика будет содействовать державам Согласия в борьбе с большевиками». Относительно своего желания участвовать в активной борьбе с большевиками грузинское правительство подало союзникам специальный доклад, в котором оно предлагало «использование сил и средств республики для общих с союзниками целей борьбы с большевиками».

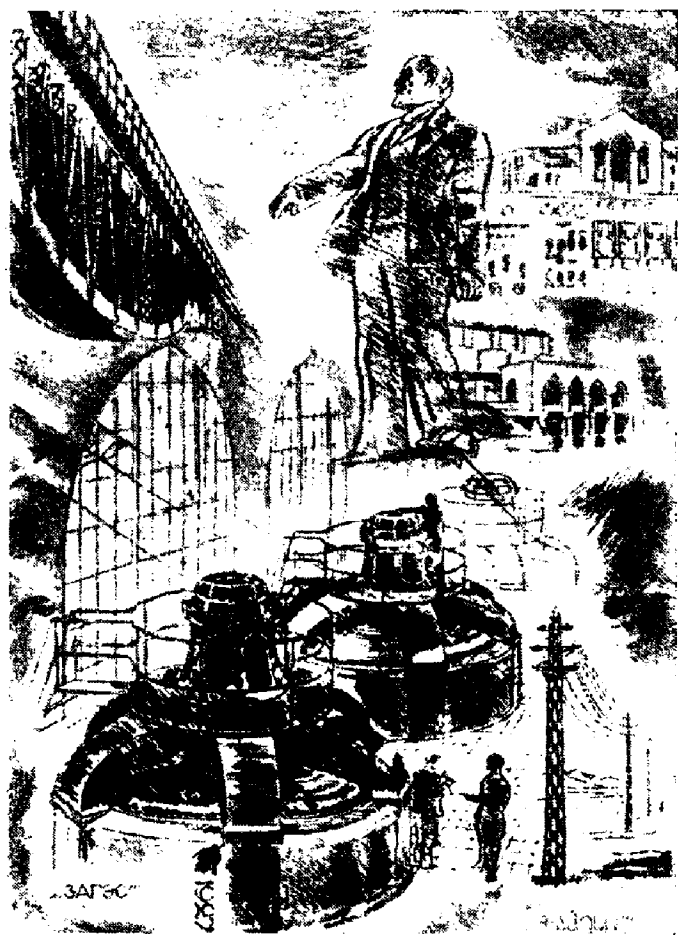
Планы грузинского правительства вполне совпадали с планами британского

военного командования. Английские интервенты ставили перед собой двойную цель: они хотели подавить в России большевизм и одновременно с этим овладеть целым рядом окраин б. царской России. Особенно привлекали их богатства Кавказа. Призыв грузинской «нефтепроводной» республики о вооруженной интервенции шел навстречу намерениям британского командования. В конце 1918 г. английские войска оккупировали Грузию.

Отныне все усилия грузинской дипломатии сводились лишь к тому, чтобы убедить Великобританию в том, что ей безмерно выгодно обладать Грузией и что меньшевистское правительство готово выполнять все приказания британского командования. В то же самое время меньшевики мечтали о том, чтоб установить дружеские отношения с Деникиным, и летом 1919 г. оно пало согласие вступить в союз с Деникиным.

После поражения Деникина осталось только два уголка, в которых не утвердилась советская власть,—это были Грузия и Крым. Франция, которая активно поддерживала Врангеля, решила использовать для борьбы против большевизма Грузию. На протяжении 1920 г. в Грузии производилось формирование врангелевских войск. С этого же времени возросла роль Франции в интервенции на Кавказе. Франция стремится захватить Закавказье в свои руки, чтобы овладеть этим путем на Ближний Восток и приобрести богатые нефтяные месторождения, марганцевые копи и хлопковые плантации. К концу 1920 г. Франция превратилась в руководителя союзнической интервенции в Грузии. Одновременно с ней продолжали активно действовать и Англия, и Италия, посылавшие в Грузию свои войска и выкачивавшие из Грузии все ее ценное сырье.

Меньшевистское правительство было глубоко удовлетворено этим режимом союзнической интервенции. Еще в январе 1920 г., когда перспектива широкой союзной интервенции только намечалась, Акакий Чхенкели с удовлетворением заявил, что «значение Закавказья как преддверия в Азию, в Индию, в Персию ставит его сейчас в плоскость вопроса международного, и это положение

„Загэс“

П. Невинский

ние разделяется уже и Англией, и Америкой, и Италией, и Францией, рассматриваемыми Закавказье, как объект восточной политики»¹. А несколько времени спустя, когда интервенция нескольких союзных держав стала уже совершившимся фактом, когда Грузия превратилась в колонию всей Антанты, меньшевистская «Борьба» заявляла, что «мы добились, наконец, установления дружественных отношений со всеми европейскими державами»².

Вся деятельность грузинского меньшевистского правительства была посвящена борьбе против революции и заботам о спасении капиталистического строя. Большевики утверждали, что рост хозяйства возможен только на путях капитализма, что пролетариат не способен организовать хозяйство. Поэтому они всячески покровительствовали буржуазии, давая ей субсидии и поощряя частную собственность и частную инициативу.

Большевики требовали от грузинских рабочих отказаться от каких бы то ни было форм экономической и политической борьбы и посвятить себя служению капитализму. Рабочий класс должен был преданно работать на капиталистов, получая ничтожную заработную плату.

В результате этой буржуазной политики рабочие оказались в ужасающем экономическом положении. К концу 1920 г. зарплата грузинских рабочих составляла 20% довоенной. Даже меньшевики не могли не признать неслыханного ухудшения положения рабочего класса. «Экономическое положение рабочих становится с каждым днем все более и более тяжелым, — докладывал меньшевистский министр труда, — реальная заработная плата рабочих продолжает падать. Получаемого жалованья не хватает рабочему для прокормления себя и своей семьи, и это вызывает среди рабочих страшное недовольство».

Но недовольство рабочего класса вызывалось не одним только ухудшением его экономического положения, но и всей контрреволюционной политикой грузинского меньшевизма. Грузинская республика превратилась в оплот междуна-

¹ «Борьба», 10. I—1920 г.

² «Борьба», 30. V—1920.

ВОЗЗВАНИЕ.

Братья трудящиеся! Мы крестьянство нейтральной зоны Лори подняли знамя восстания и провозгласили Советскую Власть.

Ероуавый прозвон „демократической“ Грузии об'единил в борьбе тружеников крестьян без различия веры и наций.

Этот братский союз армянских, татарских, грузинских и молдавских крестьян дал быстро победу в наши руки, прошло два дня дружной борьбы в провинция Лори—свободная Советская крестьянская земля.

Обричники меньшевистской Грузии, уходя сжигая и разграбили наши лучшие села: Воронцовку, Привольное и др. Но таких негодяев была кучка. Честные же солдаты грузины, забывший совести рабочего и крестьянина, сдались нам без борьбы—они наши почетные гости. Привет Вам грузинские рабочие и крестьяне от освободившегося крестьянина Лори. Мы знаем никто не сможет заставить вас пойти войной на нашу свободу, отнимать нашу землю.

А сами мы будем защищать свою Советскую Власть до конца. Мы знаем, что наши свободные окрепшие братья Советской России, Армении и Азербайджана не вернут нас в руки насильников. Под покровительство братских Сов. республик мы себя отдаем.

Да здравствует победа рабочих и крестьян во всем мире!

„Повстанческий штаб, Лорийский ревком“.

**Воззвание повстанческого Лорийского ревкома
Музей революции**

родной и российской реакции. Когда денкинское движение было разбито Красной армией, Грузия сделалась убежищем для белогвардейцев, формировавших на ее территории армию для нового нападения на Страну Советов.

Эта контрреволюционная деятельность меньшевистского правительства вызвала величайшее негодование грузинских рабочих и крестьян. На протяжении четырех лет меньшевистского господства происходил ряд забастовок и демонстраций, требовавших установления советской власти. Деревенская беднота неоднократно восставала против меньшевистского правительства. Большевикам удавалось подавлять эти выступления только благодаря поддержке иностранных интервентов.

В ночь с 11 на 12 февраля 1921 г. началось восстание в Борчанинском уезде западной Грузии. Против восставших были брошены регулярные воинские части. Но меньшевистская армия не могла справиться с восстанием, которое быстро перекидывалось из одного района в другой, охватывая всю страну. Меньшевики призвали на помощь французскую военную эскадру, которая должна была высадиться на территории Грузии десант. Тогда революционный комитет, созданный коммунистической партией для руководства восстанием и возглавлявшийся т. Орджоникидзе, решил обратиться к помощи Красной армии. Если бы восставшие дрались против меньшевистского правительства один на один, они, без сомнения, победили бы. Но на помощь меньшевистскому правительству пришли вооруженные силы международного империализма, поэтому трудящиеся Грузии обратились за помощью Красной армии. Красная армия пришла в Грузию исключительно с целью поддержки восставших. В телеграмме, посланной т. Лениным командованию XI Красной армии, говорилось, что «в виду того, что части XI армии находятся на территории Грузии, вам предлагается установить полный контакт с ревкомом Грузии и строго собразоваться с директивами ревкома, не предпринимать никаких мер, могущих затронуть интересы населения, без согласования с грузинским ревкомом, относиться с особым уважением к суверенным правам Грузии, особое внимание и осторожность проявлять в отношении грузинского населения» (Ленин, т. XXVI, стр. 188).

Соединенными усилиями трудящихся масс Грузии и Красной армии меньшевистское правительство было свергнуто.

25 февраля 1921 г. в Тифлисе была установлена советская власть. Меньшевики бежали за границу и превратились там в самых активных, самых яростных агентов союзнической интервенции. В 1924 г. они попробовали поднять вооруженное восстание, надеясь овладеть вновь Грузией и открыть пути для интервенции и международной борьбы против Советского Союза. Меньшевистское восстание встретило единодушный отпор со стороны трудящихся Грузии.

Успешное социалистическое строительство в Грузинской советской республике возможно только при условии беспощадной борьбы против меньшевизма и меньшевистских влияний на рабочий класс. Поэтому коммунистическая партия Грузии ведет последовательную большевистскую борьбу против уклонов от генеральной линии партии. Одним из таких уклонов была позиция группы грузинских «уклонистов», стремившихся отделить Грузию от Советского Союза. Грузинские уклонисты представляли собою меньшевистскую националистическую группу, которая не случайно присоединилась к контрреволюционной троцкистской оппозиции.

Коммунистическая партия Грузии разбила оппозицию «уклонистов». Советская Грузия и компартия Грузии закалились и окрепли в борьбе с уклонизмом, в борьбе за создание Закавказской федерации как единственной формы национального содружества народов Закавказья. Сейчас, борясь против всех уклонов от большевистской линии партии, компартия Грузии возглавляет борьбу трудящихся масс Грузии за построение социализма в нашей стране и за революцию во всем мире.

Н. ЛУКИН

НОВОЕ О КОММУНЕ

18 марта исполняется 60-летие первой пролетарской революции. Ни в одной стране марксистское изучение истории Коммуны, да и вообще изучение этой эпохи, не велось столь интенсивно, как в нашем Советском Союзе. Хорошо известно, как опыт Коммуны был гениально использован В. И. Лениным в его классической работе «Государство и революция», вышедшей еще в конце 1917 г. За последние 5-6 лет наши историки-марксисты дали ряд общих работ по истории Коммуны как исследовательского характера (книга Лукина), так и популярного (книга Степанова, брошюры Слуцкого, Молока, Браславского, Гамбарова, Фриче). Кроме того, появились сборники материалов (под редакцией Молока, Гамбарова и др.), а также ряд работ, посвященных отдельным сторонам деятельности Коммуны: ее социально-экономической политике¹, ее военной организации², партиям³, культурному строительству или отдельным его участникам⁴.

¹ В а й н ш т е й н. «Парижская Коммуна и пролетариат в революции 1871 г.». «Известия А. Н. СССР», 1930 г., № 6-7. Его же. «Коммуна и французский банк» («Историк-марксист», 1926 г., т. I).

² М о л о к. «Парижская Коммуна и крестьянство». Его же, «Военный трибунал Парижской Коммуны» («Под знаменем марксизма», 1927 г., № 6). Его же «Военная организация Парижской Коммуны и делегат Россель» («Историк-марксист», т. VII, 1928 г.). Его же, «Россель и патристическое течение Парижской Коммуны» («Труды педагогического ин-та Герцена», № 1, 1928 г.). Я с и н с к и й, «Ярослав Дембровский» (Коммуна-академия, секция по изучению проблем войны, «Записки», т. I).

³ К а н. «Якобинская пресса перед 18 марта 1871 г.» («Историк-марксист», т. VI). Ф р и д л я н д. «Бакунин о Коммуне» («Под знаменем марксизма», 1926 г., т. VI).

⁴ М о л о к. «Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 г.». Его же, «Андрэ Лео» («Под знаменем марксизма», 1927 г., т. VI). Его же, «Варлен» (Б. С. Э.), «Вермюгель» (Б. С. Э.).

Заслуги советских историков в деле изучения этой героической эпохи в истории пролетариата вынуждены признать даже наши враги. «Только за три года—с 1924 по 1926 г.,—пишет белоэмигрант Востоков,—в Союзе Социалистических Советских Республик появилось более дюжины оригинальных и переводных работ по Коммуне.. Русские марксисты изучают революционную топографию Парижа с таким же неослабевающим вниманием, с каким русские византологи изучили историческую топографию Царьграда». Тот же автор утверждает, что в советской России создали своего рода культ Парижской Коммуны, и в качестве иллюстрации приводит почти целиком описание организованной ин-том Маркса и Энгельса выставки по Парижской Коммуне, помещенное в свое время в «Историке-марксисте»¹.

Нужно, однако, сказать, что научная, марксистско-ленинская разработка истории Коммуны еще только начинается. В ближайшее время она должна будет идти не по линии создания новых монографий, а по линии детальной разработки отдельных проблем на основе еще мало и совсем неиспользованных источников. Только таким путем можно подвести действительно прочную базу под будущие работы общего характера.

Расширение и углубление наших исследований по истории Парижской Коммуны наталкиваются сейчас на весьма существенные препятствия: часть важнейших еще неопубликованных материалов хранится в Парижской Националь-

¹ П. В о с т о к о в. «Историческая наука в России», «Славянский мир», т. IV, № 1, сентябрь 1930 г.

рабочий Коммуны.

П. Соколов-Сказля.

в библиотеке¹, во французском Национальном и провинциальных архивах, в Исторической библиотеке Парижа и др. местах. В некоторые из архивных зданий, где имеется обширный и ценный материал по Коммуне, доступ советских историков-марксистов закрыт почти безнадежно. Я имею в виду архивы парижской префектуры полиции, особенно — военного министерства, которые упорно не сдаются в общий (национальный) фонд, хотя 50-летний срок, установленный для передачи ведомственных архивных материалов в общее архивохранилище, давно истек: мы празднуем уже 60-летие Парижской Коммуны²! К этому надо прибавить, что

нынешнее реакционное правительство Франции делает все, чтобы затруднить советским историкам-марксистам доступ даже к тем архивным и печатным материалам, которые имеются в Национальной библиотеке и в Национальном архиве.

Но этого мало. Научные учреждения Франции сознательно тормозят издание такого ценнейшего источника, как «Протоколы Коммуны». Первый том их, охватывающий период до 1 мая, вышел еще в 1924 г. Второй давно уже подготовлен к печати Жоржем Бурженом, но не может появиться в свет, так как не находит издателя: Исторический институт Парижа, субсидировавший издание первого тома, не желает давать на второй ни копейки! Этот саботаж с стороны научных учреждений вполне понятен: французская буржуазия отнюдь не заинтересована в дальнейшей разработке

¹ Например, переписка и бумаги Тьера за 1870-1871 г.
² Иное дело, конечно, реакционные французские историки, например Ларонза (Laronze), который, пользуясь протекцией Луи XV, получил свободный доступ ко всем архивам (см. нашу статью на эту работу — «Историк-марксист», т. X).

истории столь неприятного для нее происшествия, как появление у власти Хюга (и в частности) парижского пролетариата.

Но это, конечно, не делает неспадными требования для дальнейших работ по изучению и разработке истории Парижской Коммуны. Но отсюда вовсе не следует, что мы использовали уже все, что имеется по Коммуне в пределах нашего Союза.

В Ленинградской публичной библиотеке, в фондах Веронской библиотеки в Одессе, особенно же в Институте Маркса и Энгельса в Москве, имеется весьма значительное количество еще не изученных как печатных, так и архивных материалов по истории Коммуны. Институту Маркса и Энгельса удалось за последние годы сконцентрировать у себя исключительно интересные, новые, еще нигде не опубликованные материалы по данной эпохе. Об этих последних материалах нам и хочется рассказать нашим читателям. Разумеется, мы не ставим своей задачей сколько-нибудь полное описание всех тех коллекций, которые были за последние годы приобретены Институтом, в данной статье мы постараемся отметить лишь наиболее существенное и актуальное.

Совсем недавно Институту удалось приобрести рукописи «Гражданской войны во Франции». Анализ этих рукописей¹ показал, что известная нам до сих пор классическая работа Маркса содержит лишь один из вариантов так называемого «Третьего воззвания Международного товарищества рабочих», написанного Марксом по поручению Генерального Совета Интернационала.

Два другие варианта (один из них дает более, другой — менее пространное изложение, чем известный нам до сих пор) впервые становятся достоянием исследователя и, будем надеяться, широкой читательской публики как у нас, так и за границей. В то же время Институту посчастливилось приобрести собственноручные выписки из газет, производившиеся Марксом, когда он собирал материал для этой работы. Эти выписки вскрывают нам те источники, которые были в свое время использо-

ваны Марксом, вводя нас, так сказать, в его научную лабораторию.

Вторым важнейшим, но еще неиспользованным источником по истории Коммуны является «Протоколы Генерального Совета I Интернационала», фотокопии которых имеются в Институте Маркса и Энгельса². В рамках данной статьи мы не можем останавливаться подробно на всем том новом по истории Парижской Коммуны, что дают нам эти протоколы; приходится охарактеризовать этот важный источник лишь в самых общих чертах³.

Сентябрьские заседания Генерального Совета⁴ дают интересный добавочный материал к тому, что мы знаем из переписки между Марксом и Энгельсом об их отношении к французской республике и тактике французских социалистов в вопросе о войне. По настоянию Маркса Генеральный Совет провел в Англии большую митинговую кампанию за признание французской республики английским правительством. Маркс считал, что это признание значительно поднимает шансы Парижской революционной демократии в ее борьбе с крупной буржуазией, готовой скорее примириться с победой пруссаков, чем с упрочением республики. Протоколы показывают, далее, с каким неслабевающим вниманием следил Маркс за известиями о демонстративных выступлениях немецких рабочих против аннексии Эльзаса и Лотарингии или о случаях братания их с французскими военнопленными.

До сих пор мы очень мало знали, в какой степени можно говорить о руководстве со стороны Маркса парижским революционным движением. Теперь картина в значительной степени выясняется. Вскоре по получении известия о революции 4 сентября Генеральный Совет командировал в Париж Серайе, который должен был служить связующим звеном между лондонским и парижским руководством и исправлять ошибки последнего. Однако уже с 18 сентября,

¹ Minutes of the Meetings of the general Council of the International Workingmen's Association (up to the month of September). Перевод «Протоколов» имеет Институтом. Подлинник протоколов хранится в Британском музее в Лондоне.

² Специальная статья по этому вопросу будет подготовлена автором этих строк для журнала «Летний марксизм».

³ Заседания Ген. Совет. Интернационала происходили раз в неделю.

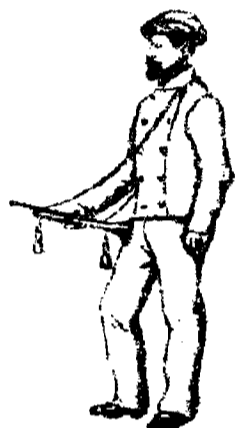
⁴ Институт подготавливает их перевод и опубликование.

Когда началась осада Парижа пруссаками, всякая связь между Серайе и Генеральным Советом оборвалась. О том, что происходило в осажденном городе, Маркс узнавал лишь из отрывочных и часто несоответствующих действительности известий немецких и английских газет. Правильную информацию о положении дел в Париже и настроении тамешней организации Интернационала Генеральный Совет получил лишь в конце февраля, когда Серайе вернулся в Лондон и сделал доклад о своей командировке.

Но и в марте связь между Лондоном и Парижем была слабо налажена; неудивительно поэтому, что новая революционная волна застает как парижский Федеральный Совет, так и лондонское руководство врасплох.

Уже упомянутый доклад Серайе, сделанный им в заседании Генерального Совета 28 февраля, дает чрезвычайно любопытный материал, характеризующий положение и настроение парижских секций Интернационала во время осады. Серайе очень красочно рисует развал парижской организации, наступивший в результате безработицы и массового вступления рабочих в Национальную Гвардию: по приезде в Париж Серайе едва разыскал Федеральный Совет. Затем ему пришлось воочию убедиться, до какой степени шовинистический угар овладел верхами парижской организации; когда Серайе попробовал заговорить с одним из руководящих работников об Интернационале, то тот заявил, что не может быть и речи о немецких рабочих как о товарищах: о них можно говорить лишь как о врагах, полирающих французскую почву!

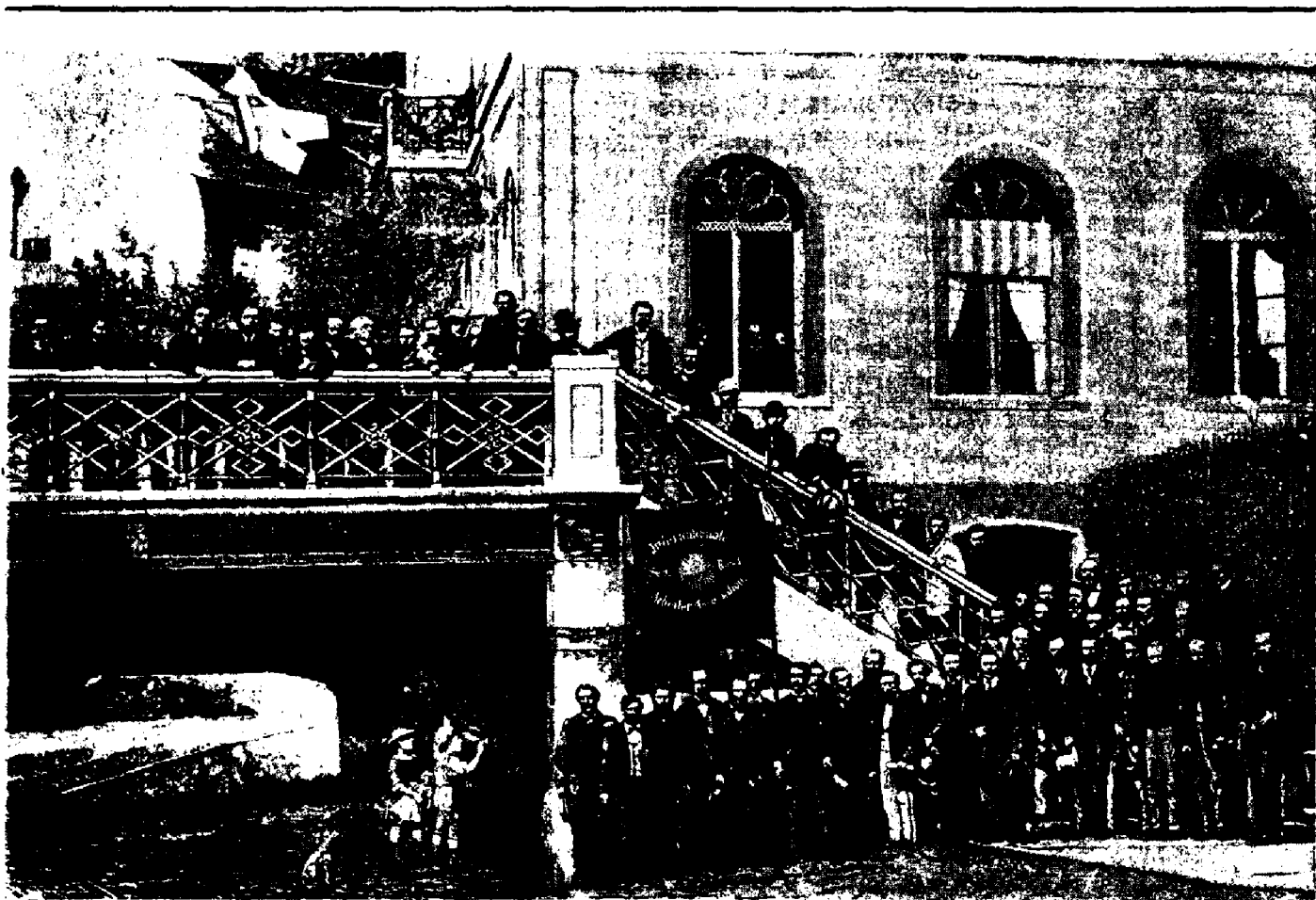

Составленный Марксом второй «Адрес Международного товарищества рабочих» оказался для патриотически настроенного парижского руководства «слишком немецким», а потому не было ничего сделано, чтобы перевести его на французский язык и поместить в газетах.

Иначе говоря, парижские социал-патриоты попросту скрыли от рабочих обращение Генерального Совета.

Социал-патриотические настроения верхушки парижской организации не были изжиты и после снятия осады.

IV конгресс I Интернационала (В Базеле. 1869 г.)

Музей им. Кралоткина

В то же время, находясь под влиянием бакунистски-прудонистских идей, она упорно отрещивалась от политической борьбы. Организация, как целое, прозевала выступления парижского пролетариата, предшествовавшие революции 18 марта: демонстрацию 8 октября, попытки захвата Гор. Думы 31 октября и 22 января 1871 г.

Зато, когда началась подготовка к выборам в Национальное собрание, оппортунистическое парижское руководство поспешило заключить избирательный блок со всеми буржуазно-демократическими организациями. В результате имена членов Интернационала фигурировали в общем списке с ренегатом от социализма Луи Бланом и радикалами — Рошфором, Клемансо и т. п.

Убедившись в безнадежности своих попыток выправить политическую линию парижского руководства, Серайе пошел на раскол и организовал второй Федеральный Совет, вокруг которого удалось сплотить 11 секций (первичные ячейки Интернационала). Эта левая оп-

позиция протестовала против избирательного соглашения с буржуазной демократией и выступила с особым манифестом и с собственным списком. Раскол был ликвидирован только во второй половине февраля, когда оба Федеральные Совета слились.

Заслуживает также внимания имеющаяся в Институте Маркса и Энгельса коллекция архивных материалов по почти неисследованному движению 31 октября 1870 г. (протоколы допроса свидетелей по делу, рисующие роль в этом движении отдельных обвиняемых)¹.

Среди вновь приобретенных Институтом печатных материалов следует особенно отметить комплект органа романской федерации Интернационала — «Равенства» (за 1869—1871 г.), который даст массу ценных сведений по истории рабочего и социалистического движения во Франции накануне и во время Коммуны.

¹ Статья о восстании 31 октября готовится к печати автором этих строк.

В специальном сборнике, посвященном 60-летию Парижской Коммуны, Институт истории Коммунистической Академии предполагает напечатать хранящиеся в Централхиве и относящиеся ко времени Коммуны донесения царского посла в Париже — г. Окунева государственному канцлеру кн. Горчакову.

Донесения Окунева дают несколько ярких штрихов, дополняющих то, что нам было известно о разложении регулярных войск после победы революции 18 марта. Даже накануне апрельских боев у Тьера еще не было уверенности, что при встрече с инсургентами его солдаты не поднимут ружья прикладами вверх. В свете этих новых фактов ошибка Центр. К-та, не преследовавшего отступавших из Парижа правительственных войск и не начавшего немедленного похода на Версаль, становится особенно очевидной. Даже в конце апреля, когда версальская армия была реорганизована и дисциплина восстановлена, Тьер колебался начать решительное наступление на Париж и все еще надеялся взять город измором. Окунев сообщал своему шефу, что есть некоторые основания опасаться, что во время баррикадных боев в самом Париже солдаты могут оказаться ненадежными (донесение от 10 и 23 апр.).

В донесениях содержится, кроме того, ценный материал, вскрывающий пружины внешней политики Александра II после разгрома Франции, беспокойство русского правительства по поводу медлительности Тьера с подавлением Коммуны.

Уже 26 марта царский посол доносил Горчакову: «Не веря в возможность восстановления порядка в Париже совместными действиями Национального Собрания и правительства, некоторые пессимисты не без удовольствия думают об иностранной оккупации столицы¹. Если бы немецкие войска вошли в Париж и разоружили бы там национальную гвардию, они были бы в глазах тех, кто отчаялся в спасении Франции, признанными спасителями страны...» На полях этого донесения имеется собственноручная лицемерная пометка Александра II: «Это было бы верхом унижения для несчастной Франции!» Царю очень хотелось, чтобы ненавистная Коммуна была скорее раздавлена, но и дальнейшее усиление влияния Германии ему не улыбалось. Французское правительство, как известно, не решилось обратиться к немецкому командованию за содействием для подавления парижского

¹ Согласно мирному договору немецкие войска оставались на французской территории впредь до выплаты контрибуции; часть их стояла под Парижем.

18 марта на холмах
Монмартра

Институт Маркса и Энгельса

«мятежа»: оно рассчитывало само вскоре собраться с силами и взять город измором. Этому мешало то досадное обстоятельство, что еще согласно заключенному в январе перемирию немцы обязались свободно пропускать через свои позиции в Париж всякого рода продовольствие.

23 апреля Окунев сообщает своему правительству, что по всем данным версальское правительство располагает уже достаточными силами, чтобы установить блокаду Парижа. Но чтобы эта блокада была полной, необходимо, по его мнению, содействие расположенных по другую сторону города немецких войск. Однако, к большому огорчению царского посла, соглашение по этому вопросу между французским правительством и немецкими военными властями не состоялось, так как даже Тьер опасался, что сделка с вчерашним врагом для удушения Парижа может произвести слишком неблагоприятное впечатление на остальную Францию.

Особое внимание царский посол уделяет участию в войсках Коммуны мно-

Коммуна

гих польских эмигрантов, во главе с Домбровским. Список их Окунев препровождает своему правительству.

Наконец, в сообщениях Окунева разбросаны интересные детали, относящиеся к антирелигиозной политике Коммуны, положению парижской печати, восстанию в Лионе, попытке вмешательства иностранных держав с целью добиться освобождения арестованного Коммунсй, в качестве заложника, парижского архиепископа и т. п.

Очень любопытны сообщаемые Окуневым факты и документы, освещающие позицию, занятую в отношении Коммуны представителями различных держав. 10 апреля посол сообщил Горчакову, что Делегация по внешним сношениям, образованная при Парижской Коммуне, обратилась к дипломатическому корпусу с циркуляром, в котором сообщала об образовании новой власти в городе. «Считаюсь с интересами своих соотечественников, проживающих в Париже, послы и главы миссий решили не отсылать обратно этого циркуляра его авторам, чтобы не вызывать этой слишком подчеркнутой демонстрацией враждебного настроения со стороны ни перед чем не останавливающихся властей, жертвою коих могли бы в этом случае стать находящиеся в Париже иностранцы. Представители (держав) решили оставить этот циркуляр без ответа и признать его недействительным. Так же поступил и я,— добавляет Окунев:—один только английский посол разрешил своему первому секретарю, оставшемуся в Париже¹, подтвердить получение этого... циркуляра в случае, если бы Коммуна на этом настаивала».

¹ Дипломатический корпус переехал в Версаль вслед за бегущим из столицы правительством.

Однако в связи с попыткой парижского духовенства добиться иностранного вмешательства в целях освобождения парижского архиепископа, арестованного Коммуной в качестве заложника, Окунев осмелился предложить своему правительству не отказываться от участия в совместном представлении держав Коммуне по этому вопросу. «Я хорошо понимаю,— писал он в донесении от 23 апреля,— что собрание членов Парижской Коммуны отнюдь не является ни правительством, ни подобием правительства и что в подобных условиях дипломатия, собственно говоря, не может вести никаких переговоров... Я, как и многие другие, убежден в том, что эти низкие люди, минутные хозяева, захватившие власть путем преступлений и убийств, будут крайне польщены обращением вашего превосходительства и очень призадумаются, прежде чем отказать трем виднейшим европейским державам в их твердом и категорическом требовании...»

Но уже через месяц Окунев мог с удовлетворением сообщить своему правительству, что Коммуны уже больше не существует. «В сражениях,— доносит он 25 мая,— повстанцы понесли большие потери убитыми и ранеными; возбужденные происшедшим сражением солдаты расстреляли на месте огромную часть попавших им в руки федератов»¹. «Жаль только,— пишет он 30 мая,— что до сих пор не удалось изловить всех главарей Коммуны». Мог ли предполагать г. Окунев, что через каких-нибудь 46 лет на месте царской России водворится победоносная всероссийская Коммуна — государство Советов!

¹ Так назывались национальные гвардейцы, солдаты Коммуны.

Печати Коммуны

БИСМАРК и ИНТЕРВЕНЦИЯ

Революция 18 марта 1871 г., отдавшая столицу Франции во власть восставших рабочих, была встречена международной реакцией вполне понятным взрывом ненависти и страха. «Старый мир скорчило от бешенства при виде красного знамени — символа республики труда — над городской ратушей Парижа» (Маркс). Немедленно начались поиски силы, способной положить конец «анархии», которая, как выражался «Правительственный вестник» царской России, «не только в самой Франции, но и во всем свете приводит в трепет и негодование всех сколько-нибудь порядочных людей». Поиски этой силы продолжались недолго, и уже 25 марта российская реакция — устами газеты «Сын отечества» — объявила, что восстановление «порядка» во Франции не обойдется без интервенции. Что в роли интервента должна выступить Германия, войска которой в результате войны еще стояли на французской территории, это разумелось само собой: «В Париже к р а с н а я республика торжествует над с и н е й, т.-е. коммунисты и социалисты над умеренными республиканцами. Красные, повидимому, забывают, что немецкие войска еще занимают северные и восточные форты города и что орудия этих фортов по-прежнему господствуют над Парижем, который они могут в продолжение одних суток превратить в развалины».

Сторонники германской интервенции против Коммуны знали, на кого рассчитывать. Уже 21 марта германский поверенный в делах в Брюсселе сообщил французскому представителю текст полученной им от Бисмарка депеши, из которой явствовало, что последний готов оказать «законному» правительству Франции полную поддержку для ликвидации «парижского мятежа». Правящие классы Германии, от имени которых выступал Бисмарк, обнаруживали самое серьезное беспокойство за судьбу «порядка» у себя дома. «Пусть

не думают, что парижские события ограничатся одной Францией», писал 27 марта парижский корреспондент аугсбургской «Всеобщей газеты». Парижские инсургенты рассчитывают на поддержку в Германии, в Австрии, в Люксембурге, в Швейцарии, где существуют «коммунистические общества» с общим числом членов в 1 200 000 человек и с ежегодным приростом в 80 000 человек.

Как бы фантастична ни была эта «статистика» членов Интернационала, самый факт острой тревоги, охватившей в этот момент буржуазно-юнкерскую Германию, не подлежит, конечно, сомнению. Тревога усугублялась страхом за судьбу грабительского мира, боязнью потерять обусловленные им пять миллиардов контрибуции. «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы свободно избранное Францией Собрание — для нас официальная Франция — и правительство, с которым мы заключили предварительный договор о мире, остались у власти и не были сброшены каким-нибудь другим правительством, которое может снова все поставить под вопрос», — писал одному из своих генералов фельдмаршал Мольтке. «Возобновления войны из-за денег мы, конечно, желать не можем. Занятые нами области уже более или менее истощены. Оккупация новых департаментов или длительное удержание одной из провинций в качестве залога, как это делалось в прежние времена, также не дадут нам удовлетворения наших требований. Перевороты, сделавшиеся во Франции хроническими, заставят нас и далее оставаться под ружьем, пройдет длинный ряд лет, а мы так и не вытянем своих миллиардов... До тех пор, пока французское правительство не подчинит себе Парижа, оно не сможет восстановить свой авторитет в стране и приобрести финансовый кредит, без которого невозможны предстоящие ему колоссальные платежи».

Конкретный план интервенции был тогда же разработан не кем иным, как тем же Мольтке. Этот план предусматривал строжайшую блокаду Парижа и открытие артиллерийского огня с занятых немцами фортов. Под ударом оказывалась при этом вся северо-восточная окраина города. Достаточно бросить беглый взгляд на карту тогдашнего Парижа, чтобы убедиться, что прусской бомбардировке были бы подвергнуты в первую очередь такие районы, как Монмартр, Ля-Виллетт, Бельвилль, Менильмонтан, т.е. рабочие кварталы, бывшие подлинными очагами восстания. Но именно это и входило в расчеты немецких генералов.

Интервенция была предложена Бисмарком, но не была принята Тьером, выдвинувшим тот принцип, что «французский бунт должен быть подавлен французскими силами». Что побудило Тьера выдвинуть этот принцип? На этот вопрос давал ответ — и ответ, надо сказать, близкий к истине — официоз царского правительства: «Если вспомнить, какое бедственное влияние подобное вмешательство (иностранных держав) имело впоследствии на судьбу Бурбонов, реставрация которых совершилась при сходных обстоятельствах, то нельзя не признать в этом отношении и основательности опасений г-на Тьера».

Что версальское правительство, отказываясь пока от интервенции, не отказывалось от помощи немцев для усмирения восстания, это, конечно, умалчивалось. Между тем, эта помощь была весьма и весьма существенной. 28 марта в оккупированном немцами Руане была подписана конвенция, по которой «временно, до полного восстановления в Париже порядка и власти, установленных Национальным собранием правительства», численность версальской армии могла быть удвоена и доведена до 80 000 человек. Несколько дней спустя Бисмарк пошел на дальнейшее отступление от условий мирного договора, разрешив Тьеру увеличить свою армию еще на 20 000 человек национальных гвардейцев, присутствие которых на фронте должно было показать регулярным войскам, что «нация с ними».

Прерванная было репатриация французских военнопленных теперь возобновляется. По сведениям газет, через один только Страсбург ежедневно прибывают эшелоны военнопленных численностью от 5 000 до 6 000 человек, которые немедленно направляются в Версаль или на пополнение провинциальных гарнизонов. Число военнопленных, доставленных в морской порт Шербург, уже к 8 апреля достигло цифры в 9 192 солдата и унтер-офицера при 307 офицерах. Две недели спустя общее число отпущенных Германией военнопленных составило, по словам самого Тьера, 40 000 человек, из коих «25 тысяч великолепных солдат» поступили в распоряжение версальского командования. Так продолжалось во все время существования Коммуны, к концу которой армия «порядка» насчитывала около 150 000 человек.

Несмотря на растущий численный перевес версальцев над коммунарами, не получившими никаких подкреплений извне, осада Парижа затягивалась, что вызывало сильнейшее негодование Бисмарка и его генералов. В середине апреля в Берлине стала укрепляться мысль, что Тьеру и Мак-Магону не справиться с восстанием, будь у них даже 200 000 штыков. Предложения интервенции возобновились. Фактически она уже имела место если не в Париже, то в отдельных пунктах провинции. Случай с фабрикантом города Труа, который для ликвидации стачки на своем предприятии обратился к прусским оккупационным властям, поспешившим выслать воинскую часть, расстрелявшую двух рабочих, не был единичным. Не стеснялись обращаться к немецким офицерам с просьбой защитить их от местных «анархистов» и кулацкие элементы французской деревни. Никогда еще «патриотизм» буржуазии не выступал в своем подлинном свете так цинично откровенно, как в период Коммуны! Достаточно вспомнить радость будущего создателя «Кармен» Жоржа Бизе, испытанную им при виде остроконечных касок, под защиту которых он бежал из «зачумленной» столицы. Что прусские лейтенанты не

Бисмарк самодозвольно смотрит на развалины Парижа и, вероятно видит в них «первый шаг» ко всеобщему разрушению больших городов.. Он самодозвольно любит трупы парижского пролетариата... Разве видели до сих пор в истории победителя который решился бы увенчать свою победу ролью жандарма и наемного убийцы в руках побежденного правительства?

К. Маркс, (Гражданская война во Франции)

заставляли себя просить, грубейшим образом нарушая официально декларированный «нейтралитет», это было, конечно, в порядке вещей. Удивительно лишь то, как упорно игнорировало эти факты правительство Коммуны. Строго соблюдая условия не ею заключенного мира, она наивно воображала, что сумеет нейтрализовать этим Германию.

Бисмарк искусно вел двойную по внешности игру. Всячески афишируя свой принцип невмешательства во внутренние дела Франции, не отказываясь даже от закулисных переговоров с Коммуной (по вопросу об уплате части контрибуции), он энергично насаждает на Тьера, требуя от него скорейшего подавления революции и предлагая ему помощь прусских штыков. Переговоры между Бисмарком и Фавром, которые привели 10 мая к подписанию во Франкфурте-на-Майне окончательного договора о мире, были в такой же мере переговорами об интервенции, как и пере-

говорами о мире. Что этот договор, ухудшавший для Франции условия мира, всем сстрием своим направлен против Коммуны, это стало ясно еще до его подписания. 7 мая, уверенный в поддержке Бисмарка, Тьер обращается к парижскому населению с предложением открыть ему ворота города, угрожая в противном случае штурмом, соединенным с интервенцией. «Смысл поездки Жюля Фавра во Франкфурт раскрывается теперь полностью, — писала по этому поводу одна буржуазная газета. — Если Версаль потерпит неудачу, через неделю мы будем иметь прусские посты на улицах Парижа. Если наши войска будут отброшены, завтра мы будем осаждены и бомбардированы немцами». Нужно ли говорить, что буржуазный Париж с нетерпением ждет окончания переговоров о мире в надежде на то, что спасение «общества» придет из Франкфурта? В письме из Парижа от 10 мая читаем: «Наши лавочники, которых разоряет восстание, громко призывают пруссаков, видя, что Версаль остается бессилем. Они больше не могут ждать, они жаждут немедленной развязки... Могу вас уверить, что если бы Бисмарк откровенно заявил Версалю: «К 20 мая Париж должен быть освобожден вами или нами», то это заявление вызвало бы в городе всеобщий вздох облегчения». И корреспондент наставительно добавляет: «Нечего заниматься ложным патриотизмом».

Маркс, еще 17 апреля отмечавший то, что «решающий неблагоприятный «случай» на этот раз следует искать не в общих условиях французского общества, а в присутствии пруссаков под стенами Парижа», предостерегал членов Коммуны совершенно конкретными указаниями. 11 мая он переслал им все подробности дополнительного тайного соглашения об интервенции, заключенного одновременно с официальным договором о мире. Содержание этого соглашения сводилось к следующему: пропуск версальских войск через немецкие линии, предъявление Коммуне ультимативного требования о разоружении парижской крепостной стены, прекращение подвоза в Париж про-

довольствия. Не довольствуясь этими тремя пунктами, немецкие генералы готовы были на большее: на поддержку версальского натиска артиллерийским обстрелом северо-восточной окраины Парижа.

18 мая на совещании с представителем германского командования, генералом фон-Шлотгейм, начальник версальского главного штаба генерал Борель изложил план предстоящей «генеральной атаки» на Париж одновременно с запада, северо-запада и севера. Он заявил, что для того чтобы эта операция удалась, окружающий Париж прусский кордон должен стать еще теснее. Необходимо, чтобы немецкие войска организовали такую блокаду, чтобы ни один участок Коммуны не мог ускользнуть от суда.

Бисмарк не заставил себя дважды просить. Концентрация немецких войск под Парижем пошла теперь ускоренным темпом. Вот как описывает ее одна парижская газета буржуазного направления: «Помимо транспорта войск, продолжается транспорт материалов. Мы видели несколько поездов, груженных габионами, земляными мешками, снарядами и прочим, которые направлялись в сторону фортов; последние в изобилии снабжены припасами. Внутри фортов идет работа по расширению линии траншей и вооружению всех апрошей. Говорят о том, что германская армия готовится начать осаду Парижа». На вопрос о цели всех этих военных приготовлений один немецкий офицер ответил: «Мы готовим ловушку». «Вчера, — читаем в другой буржуазной газете за 19 мая, — все батареи фортов Роменвилль и Нуази были приведены в готовность начать обстрел Бельвилля и Ля-Виллетт». Сохранившееся в бумагах Коммуны донесение от 21 мая отмечает значительное усиление прусских гарнизонов в районе форта Шарантон, куда ожидается прибытие 50 000 человек. Другое донесение констатирует, что численность гарнизона Сен-Дени увеличена на 30 000 штыков.

Комментируя создавшееся под Парижем положение, главный орган английской буржуазной прессы «Таймс» приходит 19 мая к следующему выводу:

«Исход борьбы не вызывает сомнений, поскольку две великие державы вооружились против Коммуны и готовятся раздавить ее. С одной стороны, мы имеем французскую армию, с другой — огромные силы пруссаков, которые заняли новые позиции и кажутся готовыми к решающему вмешательству... Если Версаль окажется бессилён взять Париж, пруссаки придут ему на помощь. А раз так, то судьба Коммуны решена».

Если Бисмарк нажимал на Тьера, то на Бисмарка нажимала вся европейская реакция во главе с римским папой и русским царем. Есть основание полагать, что именно русский посол явился инициатором коллективного обращения дипломатических представителей европейских держав в Версале к германскому правительству с просьбой взять на себя защиту интересов своих граждан в Париже. Это обращение (от 17 мая) было прямым подстрекательством к интервенции. Бисмарк рад был стараться. Ведь он давно ждал, чтобы его попросили взять на себя миссию восстановления «порядка» в столице мира. Придравшись к нападению группы национальных гвардейцев на дом посла Соединенных Штатов в Париже, он предъявляет Коммуне резкий ультиматум, рассчитанный на то, чтобы спровоцировать ее на разрыв. Он хочет замаскировать свою подлую роль жандарма и наемного убийцы в руках побежденного правительства игрою в «бескорыстного» стража международного права.

Насколько у Бисмарка чесались руки, показывает его телеграмма из Франкфурта-на-Майне, отправленная Мольтке 22 мая в 8 часов утра: «Если взятие Парижа правительственными войсками не подтвердится или окажется неполным, то, на мой взгляд, разграбление дома Уошберна и наглосе расхищение хранящихся в нем наших архивов дают нам полное право открыть огонь по Парижу, если нам не будут немедленно выданы виновники этого дела, а равно и наши архивы». (Заметим от себя, что на деле, благодаря принятым Коммуной мерам, дом американского дипло-

Бисмарк

Английская карикатура

мата не был разграблен и немецкий дипломатический архив не был тронут). Мольтке отвечал: «Военные действия против Парижа подготовлены так, что могут быть начаты в любой момент».

Как ни рвался Бисмарк в бой против Коммуны, выступить ему пришлось не в качестве солдата, а в качестве жандарма, не в открытой схватке с вооруженными защитниками баррикад, а в вероломном нападении из-за угла на безоружных людей, лишенных возможности сопротивляться. Зато в роли организатора этой полицейской интервенции он оказался на высоте положения. 27 мая бывший военный делегат Коммуны Россель заносит в свой дневник: «Пруссаки перерезали железнодорожное сообщение и разобрали рельсы на протяжении ста метров, они передают в руки победителей всех федератов, пытающихся спастись бегством, и, как говорят, расстреливают тех, кому удалось проникнуть через их линии». 30 мая коммунар Реклю отмечает в своей поденной записи: «Сотни национальных гвардейцев бежали к пруссакам. Бедняги серьезно думали, что внешний враг, согласно данному им обязательству, не вмешается в наши внутренние раздоры. Пруссаки действительно опустили для них подъемный мост, так что всякий, кто хотел, входил; когда же все прошли таким образом, их методически разоружили, им крепко связали руки, а затем направили в Версаль».

Некоторые из этих несчастных, испуганные таким приемом, вздумали протестовать: «Но ведь мы эльзасцы, мы больше не французы, мы немцы». — Последовал ответ: «Выходите из рядов!» — Эльзасцы и лотарингцы выходят из рядов. — «Прекрасно, пусть отведут этих каналий в район расположения баварцев и немедленно же расстреляют. Остальные пусть отправляются в Версаль».

Так Бисмарк понимал нейтралитет... И уж, конечно, не его вина, если на некоторых немецких линиях, особенно там, где стояли саксонские части (в которых было немало рабочих), многие явные бойцы Коммуны были пропущены солдатами.

Интервенция Бисмарка в майские дни 1871 г. не ограничилась полицейской травлей побежденных коммунаров. 23 мая немцы пропустили через нейтральную зону бригаду версальского генерала Монтодона, которая повела наступление на Монмартр с севера, откуда никто из руководителей Коммуны не ожидал атаки. Это обстоятельство, о котором своевременно предостерегал Коммуну Маркс, ускорило падение важнейшей стратегической позиции, возвышающейся над Парижем.

Аналогичную услугу оказало германское командование версальцам при ликвидации последнего оплота Коммуны вне Парижа — форта Венсен. 28 мая, убедившись в полной невозможности сопротивления, командующий этим фортом обратился к немецким военным властям с предложением сдать его на условиях свободного выхода гарнизона и предоставления всем желающим иностранных паспортов. Так сильны были еще у части коммунаров иллюзии в вопросе о германском «нейтралитете». Кронпринц саксонский Альберт ответил на это предложение тем, что предоставил версальскому командованию полную свободу действий в этом оккупированном немцами районе. Им разрешено было занять здесь любые позиции и стянуть сюда любое количество войск. 29 мая форт сдался версальцам без всяких условий, на «милость» победителя, который поспешил увенчать свою

«победу» расстрелами пленных инсургентов.

«Бисмарк самодовольно любит труппами парижского пролетариата» (Маркс). Послушная ему пресса не находит слов, чтобы выразить свое ликование по поводу подавления Коммуны. Еще бы ей не ликовать! «Интернациональная социалистическая сволочь, как талантливо выражаются господа прусские юнкера, уготовила себе в Париже давно заслуженное поражение, от которого она так скоро не оправится». Что это поражение куплено ценою интервенции «глубоко нравственной и набожной Германии», совершившей «небывалое нарушение международного права даже с точки зрения юристов старого мира», этого факта не в состоянии будет замолчать даже самый циничный буржуазный фальсификатор истории.

Генеральный Совет Интернационала в манифесте, принадлежащем перу Маркса, заклеил контрреволюционный союз Бисмарка с Тьером в 1871 г. словами, которые всегда будут звучать

как приговор истории над палачами Коммуны и их соучастниками интервентами:

«После самой ужасной войны новейшего времени победившая и побежденная армии соединяются, чтобы совместно сокрушить пролетариат. Такое неслыханное событие доказывает не то, что новое, пробивающее себе дорогу общество окончательно поражено, как думает Бисмарк, — нет, оно доказывает полнейшее разложение старого буржуазного общества. Величайший героический подвиг, на который старый мир еще был способен, — это национальная война. Однако и она теперь оказывается только чистойшей мошеннической проделкой правительства; эта проделка имеет целью лишь устранение классовой борьбы, но она сразу отбрасывается в сторону, как только классовая борьба вспыхивает пожаром гражданской войны. Классовое господство не может больше прикрываться национальным мундиром: против пролетариата национальные правительства всегда вместе».

Последний плакат Коммуны

ПИСЬМО В. И. ЛЕНИНА

Дорогой товарищ!
Получил Ваше письмо от 15/10. Очень благодарен Вам за
то, что вы обратили внимание на мои
книжки. Вы же, в свою очередь, при
кажете внимание и на мои статьи
и журналы. Буду очень рад, если
вы обратитесь ко мне по адресу:
Москва, ул. Мясницкая, д. 15, кв. 15.
С уважением,
В. И. Ленин

Воспроизводится впервые. Подлинник хранится в Институте Ленина

ТОВ. М. Н. ПОКРОВСКОМУ

Тов. М. Н.! Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга: „Рус [ская] И [стория] в сам [ом] сж [атом] оч [ерке]“. Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, помемму, перевести на евр [опейские] языки.

Позволяю себе одно маленькое замечание. Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо дополнить ее хронологич [еским] указателем. Поясню свою мысль примерно так: 1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки Вашей, марксистской; с указан [ием] страниц Вашей книги.

Учащиеся должны знать и Вашу книгу и указатель, чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую. Ваше мнение об этом дополнении?¹.

5/XII

С ком. прив. Ваш Ленин

Ленин читал две первые части «Русской истории в самом сжатом очерке». История возникновения этой работы такова. М. Н. Покровским в 1910—1914 г., т. е. еще до революции, написана в нескольких томах «История России с древнейших времен» — первая крупная марксистская история. Но во время революции, особенно в первые годы, необходимо было дать курс истории, которую мог бы одолеть рабочий, не прошедший систематической подготовки, к тому же не располагающий длительным сроком учебы. Вот что пишет о возникновении этой книжки сам автор: «Две первые части этой книжки возникли из лекций, которые автор читал в Москве, в университете Свердлова, во время гражданской войны, в 1919—1920 г. Некоторые главы представляют собой стенограмму лекций. Слушателями были рабочие, пришедшие с фабрик и заводов, от станка, и отправлявшиеся на фронт в качестве политических руководителей, пропагандистов и агитаторов в рядах красной армии. Для революционного рабочего нужно было все это пересказать другим языком, называя все вещи не по-ученому, а своими настоящими именами, не тратя времени на полемику с буржуазными авторами, о которых мои слушатели не имели никакого понятия, не пускаясь в историческую критику по поводу документов, которых эти слушатели никогда не видели и никогда не увидят» (из предисловия к чешскому переводу «Русской истории в самом сжатом очерке»).

Ленин с исключительным вниманием следил за такими книжками, которые могли быть доступны самым широким массам. К истории это относится в частности. Общеизвестно, как часто Ленин подтверждал свою мысль теми фактами и выводами, которым «учит история». На уроки Великой французской революции, революции 1848 г., Парижской Коммуны, революции 1905 г., мировой войны и т. д., — Ленин неустанно ссылается в любой своей статье и речи. Естественно, что «Сжатый очерк» М. Н. Покровского вызвал живейший интерес В. И. и послужил поводом для публикуемого нами (с разрешения института Ленина) письма от 5 декабря 1921 г.

¹ Совет Ленина был выполнен М. Н. Покровским, приложившим к книге «синхронистическую таблицу».

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ ЦАРСКОГО ПОСЛА О КОММУНЕ

Печатаемые ниже документы взяты нами из подготавливаемого Централхивом сборника «Парижская Коммуна по донесениям русского посла»¹. Историческая ценность этих документов в большинстве своем не велика. Они представляют, однако, большой интерес для выяснения той позиции, которую заняло русское правительство в отношении Коммуны; они показывают солидарность всех европейских правительств, — либеральных и монархических, — в деле подавления пролетарского восстания. Русский посланник во Франции Окунев, пославший свои донесения министру иностранных дел Горчакову и Александру II, черпал свои сведения о Коммуне из белых газет, из донесений агентов, из версальских источников; все события ему представлялись поэтому в кривом зеркале карательной экспедиции...

Мы выбрали следующие четыре документа: описание восстания («мятежа» — на русско-французском полицейском языке) в Лионе 30 апреля, сообщение Окунева Горчакову о последних боях Коммуны, его же сообщение о кровавом подавлении восставших и, наконец, письмо Александру II о поимке членов Интернационала, согласно просьбе французского министра иностранных дел Жюль Фавра. Первое письмо о восстании в Лионе дает нам возможность судить о последней вспышке революционного движения в городе, где рабочее население в продолжение нескольких месяцев делало неоднократные попытки помочь Парижу. Здесь и обнаружилась основная беда Коммуны: отсутствие политической партии пролетариата, руководящей боями. Второе и третье донесения сообщают подробности боев рабочих и армии Версаля. Царский дипломат вынужден подтвердить геройскую защиту революции коммунарами и беспощадную жестокость версальских палачей. Третье письмо сопровождается пометкой царя: «Очень, очень рад!» В последнем письме Александр II сопровождает пометкой: «Конечно!» просьбу Ж. Фавра «помочь осветить деятельность Интернационала». Иначе отнеслись к Коммуне рабочие всех стран. На трехтысячном рабочем митинге в Ганновере пролетарии заявили: «Коммунары являются авангардом армии, которая поднимается на освобождение всего мира»... Им вторили рабочие Англии, Италии и революционеры далекой России.

К фактической стороне, изложенной в документах, следует относиться критически, как «документы реакции» они представляют безусловный интерес.

Ц. Ф.

I. ВОССТАНИЕ В ЛИОНЕ ²

Версаль, 26 апреля (8 мая) 1871

К нам дошли лионские газеты, и теперь мы можем составить себе точное представление о происшедших в этом городе волнениях.

Еще с субботы можно было предвидеть, что завтра произойдут беспорядки. На публичных собраниях в Круа-Русс открыто пропагандировалась гражданская война. Кроме того, в пятницу газета парижских коммунаров, несомненно осведомленная обо всем, подготавливавшемся в Лионе, сообщала о предстоящем мятеже и даже точно указывала, что целью его будет — силой оружия воспрепятствовать голосованию. И действительно, в воскресенье, утром,

вооруженные люди расположились в различных пунктах голосования в Ла Гилотьер, захватили урны и мешали производству выборов, задерживая мужественных граждан, хотевших положить свои бюллетени; всюду они водружали красные знамена. По приказу вожаков ударили сбор, и часть национальных гвардейцев, впрочем немногочисленная, присоединилась к восставшим. В то же время была вывешена прокламация без подписи, без указания типографии, под названием «Лионская Коммуна». В ней заявлялось, что Лион «не может допустить, чтобы был удушен его родной брат, героический город Париж». При этом добавлялось следующее:

«Лионские революционеры, собравшись по взаимному между собой согласию, избрали временную Коммуну, облеченную всем полномочием власти.

Эта Коммуна, не объявляя о своем существовании, подготовила совершаю-

¹ Документы хранятся в архиве внешней политики Централхива в фонде б. Министерства Иностр. Дел, отдел канцелярии министра.

² Приложение к донесениям Окунева от 26 апреля (8 мая) 71 г. (выдержка из версальской газеты).

щуюся сегодня революцию; она оставит за собой всю власть до тех пор, пока в ближайшее время не будут произведены правильные и надлежащие выборы.

В настоящее время мы, граждане, находимся в трудном положении и мы рассчитываем на ваше энергичное содействие нам; однако, члены, составляющие временную Коммуну, решили для достижения победы использовать все имеющиеся в их распоряжении средства и скорее не оставить камня на камне от города, который оказался бы настолько подлым, чтобы дать задущить Париж и Республику, чем уступить победу врагу».

Между тем предупрежденные власти решились действовать. В четыре часа вечера с фортов раздались три пушечных залпа. Это был условный сигнал для выступления войск. Две колонны двинулись в различных направлениях. Когда первая колонна, составленная из солдат 38-го линейного полка, начала подходить к площади, часть населения, симпатизирующая Коммуне, устроила ей чрезвычайно ловко подстроенную встречу, оборониться от которой не было возможности. Сто с лишним национальных гвардейцев-коммунаров, несших караульную службу перед зданием мэрии, вместо того чтобы принять воинственное положение, сложили оружие в козлы. В то же время многочисленная толпа безоружных людей, в особенности женщины и дети, бросились вперед и во фланг колонны с криками: «Да здравствуют линейцы! Да здравствует армия! Разве вы не наши братья, не станете же в нас стрелять?» Женщины выказали себя наиболее смелыми и назойливыми; они вешались на седельные луки, хватили за руки солдат; они их даже целовали.

Сбитые с толку подобным приемом, явившимся следствием прекрасно изученной и дружно осуществленной тактики, солдаты, всегда испытывающие отвращение к гражданской войне, начинают колебаться и, не слушая приказаний своих офицеров, они останавливаются, затем мало-по-малу отступают

под натиском все возрастающей с виду столь безобидной толпы.

Никто из них, однако, не поднимал ружей прикладами вверх, как об этом ошибочно сообщалось. Но начальники их, видя всю невозможность открыть действия, увели войско; покинув площадь, оно направилось по дороге к Перрошу через мост Гиллотьер и через набережную Милосердия.

Другая колонна тем временем продвигалась через весь мост на левый берег. Тут она тоже остановилась. Между солдатами и толпой завязались разговоры, женщины даже начали фамильярно рассаживаться на пушках. Это своего рода полубратанье или, вернее, эта полная инертность продолжалась в течение, приблизительно, получаса, после чего вся колонна получила приказ отступить, и Коммуна осталась хозяином положения.

События эти происходили вечером, между четырьмя и половиной седьмого.

Площадь Гиллотьер принимала с минуты на минуту все более возбужденный вид. Начали сооружаться баррикады.

Самых мятежников было не очень много. Но тут же при производимых ими работах присутствовала толпа, которая не отдавала себе ясного отчета о преследуемой ими цели, но все же относилась к ним скорее сочувственно, чем враждебно.

Тем временем со стороны войска подготавливалась новая атака. К 7 часам вечера из главного квартала, с площади Наполеона, двинулась новая наступательная колонна, иначе построенная. охраняемая спереди, сзади и с обоих флангов несколькими эскадронами конных стрелков, с генералом Круза, генералом Валентом, префектом Роны и еще несколькими другими чиновниками. Вскоре она перешла через мост и спустилась на левый берег, к началу улицы, ведущей к Кур де Бросс. Там она была остановлена препятствием того же характера, как и те, вследствие коих потерпела неудачу первая попытка, а именно — наступлением безоружной толпы с преобладанием в ней женщин: последние рассыпались в уверениях своей симпатии к солдатам и умоляли их не стрелять в народ, ссылаясь на то,

что таким образом каждый из них рисковал бы убить своего друга, родственника, брата. Пройти через эту баррикаду из людей не было почти никакой возможности.

Тогда один из артиллерийских офицеров крикнул: «Канониры к орудиям», и в то же самое время отряду пехоты, находившемуся во главе колонны и прикрывавшему собой пушки и митральезы, было приказано расступиться по сторонам. Артиллерия открыла огонь. Раздалось несколько залпов, один за другим, и хотя пушки были заряжены одним лишь порохом, этого оказалось достаточно, чтобы расчистить все пространство вплоть до здания мерии. Несколько ружейных залпов, произведенных с той же целью, завершили это дело, заставив разбежаться по сторонам теснившую солдат толпу.

Тогда колонна вновь получила возможность двинуться дальше и подойти ближе к зданию мерии, расположенной сбоку в глубине площади так, что ее нельзя было видеть с моста. Теперь же увидели, как открылись окна в одной из комнат первого этажа, и оттуда последовало несколько выстрелов. В ответ на это нападение был дан картечный залп, которым было убито и ранено несколько защитников Коммуны.

Необходимо было овладеть этим зданием, ворота коего были заперты. При втором картечном залпе они разлетелись вдребезги. Тогда войска ворвались внутрь, захватили в плен всех находившихся там при оружии и сорвали красное знамя, которое так долго развевалось над гиллотьерской мерией.

При помощи штыков войска завладели также и двумя другими домами, в которых укрепились повстанцы...

В виду того, что из четвертого этажа одного дома с левой стороны Кур де Брюсс последовал ружейный выстрел и жандармы это заметили, саперы вырубали входную дверь ударами топора и обыскали все четыре этажа этого дома. В одной из передних комнат находилось трое людей; они были вооружены горячими еще ружьями. Они были арестованы, выведены перед войском и тут же расстреляны.

Сражение на Гиллотьер продолжалось в течение всей ночи.

II ПОСЛЕДНИЕ БОИ КОММУНЫ

РУССКИЙ ПОСЛАННИК ВО ФРАНЦИИ
ОКУНЕВ — МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
ГОРЧАКОВУ

Версаль, 13(25) мая 1871

Господин канцлер.

Последовательными телеграммами я имел честь доводить до сведения императорского министерства главные военные события, которые привели к сдаче Парижа и закончились потрясающими бедствиями.

Спешу сегодня представить вашей светлости краткий отчет об этих событиях, известных здесь еще далеко не во всей своей полноте.

Установленные в Булонском лесу батареи, под прикрытием атак с Монтрету, Белльвю и Мулен-Саке, только успели открыть огонь против окружного городского вала со стороны Пуэн-де-Жур, когда произошел совершенно неожиданный случай, облегчивший вступление войск в Париж.

В послеполуденное время 9/21 мая капитан фрегата Тревес, командовавший траншеей против ворот Сен-Клу в Пуэн-де-Жур, приблизился к окружному валу, чтобы ознакомиться с состоянием этих ворот: они обрушились под артиллерийским обстрелом. В это время один национальный гвардеец-повстанец сообщил ему, что эта позиция федератами оставлена. Капитан Тревес не побоялся войти туда с несколькими моряками и выкинул белый флаг, чтобы тем заставить осаждающих прекратить огонь. За ним немедленно последовали четыре саперные роты, и вскоре после этого армейский корпус генерала Донея, находившийся в Булонском лесу, также вступил туда и занял пространство между окружным валом и виадуком д'Отей, а также и самый виадук, представлявший собой вторую оборонительную позицию, покинутую инсургентами.

В ночь с 9/21 на 10/22 мая корпус генерала Ладмиро также вступил через ворота Пасси и д'Оттей, и поутру его войска в количестве 30 000 человек заняли почти без всякого сопротивления кварталы того же названия и получили господство над Трокадеро, где находились лишь слабо защищаемые баррикады. Генерал Винуа также вступил в город во главе резервного корпуса, перешел по Гренелльскому мосту через Сену и присоединился к генералу Сиссей, командующему 2-м корпусом, который тем временем собирался брать приступом часть вала между фортами Ванв и Исси...

Тогда маршал Мак-Магон, находившийся в Елисейских полях, приказал войскам остановиться. Остальная часть дня и наступившая затем ночь были посвящены отдыху. При этом ограничили лишь охраной завоеванных позиций.

Вот каким образом 90 000 человек были введены в Париж почти без боя, и к большому удовлетворению г-на Тьера, более всего стремившегося предотвратить слишком сильное кровопролитие, удалось избежать штурма, к которому все уже было подготовлено и который должен был начаться к концу недели.

Инсургенты, видимо захваченные врасплох этим стратегическим приемом, неожиданностью атак и протяженностью той линии, на которой они происходили, оказали лишь слабое сопротивление. В виду этого можно было надеяться на то, что столица будет сдана в ближайшее время без нанесения армии каких-нибудь чувствительных потерь.

11/23 мая генерал Кленшан, овладев Новой Оперой и пристанью Сен-Лазар, отправился к Батиньоль, разрушил баррикады в Клиши и расположился у подножья укрепленной на Монмартре позиции. Генерал Ладмиро обошел, со своей стороны, эту важную в стратегическом отношении позицию; оба объединенные корпуса мужественным и решительным штурмом овладели Монмартром, штыковой атакой сломив защиту. Со своей стороны, генерал Монтодон взял Нейи, Левалуа-Перре, Клиши и атаковал Сент-Уен. Тем временем генерал Сиссей окон-

чательно захватил предместье Сен-Жермен и левый берег. Генералы Доне и Винуа окружили Тюильри, Лувр и Вандомскую площадь, чтобы отсюда двинуться на Ратушу.

Сражение этого дня было более кровопролитным. По мере того как инсургенты одну за другой теряли свои позиции, сопротивление их все более и более возрастало. Произошло несколько ожесточенных боев, между прочим, у церкви св. Троицы — на правом берегу, и у церкви св. Клотильды — на левом. Однако ничто еще не предвещало тех бедствий, которыми должно было завершиться это страшное восстание.

Вечером укрепленные позиции площади Согласия подверглись обстрелу артиллерии, установленной в Елисейских полях и в садах отелей на улице Габриель.

Немного позже начались пожары и в течение ночи с 11/23 на 12/24 мая Пале-Рояль, Городской дом, министерство финансов, счетный двор, Государственный совет, сберегательная касса, а также огромное число частных домов были объаты пламенем и рушились одни за другими. По последним сведениям Французский банк удалось спасти; маршал Мак-Магон надеялся также спасти Лувр и содержащиеся в нем произведения искусства, для чего приказал войскам вырыть ров между этими зданиями и Тюильри.

Инсургенты, видя себя окончательно разбитыми, подожгли все эти дома керосином. По мере их отступления женщины, которым еще ранее было поручено произвести эти поджоги, приступили к выполнению этого чудовищного задания.

Кажется, еще задолго до этих событий члены Коммуны подготовили все для осуществления своих хладнокровно задуманных планов...

В течение вчерашнего дня войска среди бушующего кругом огня завладели Вандомской площадью, площадью Согласия, Тюильри, Ратуши и всеми чудовищными укреплениями, окружавшими эти позиции.

Кажется, это последнее сражение было чрезвычайно горячо, и инсургенты понесли очень большие потери убитыми

и ранеными. Солдаты, возбужденные происходившим сражением, расстреляли на месте огромную часть попавших к ним в руки федератов. Тем не менее в Версаль непрерывно прибывают партии пленных, среди которых находятся женщины, взятые с оружием в руках, и даже дети.

Со своей стороны инсургенты обстреливали войска из подвалов, из окон, с крыш, а также разбрасывали во всех направлениях зажигательные бомбы. В течение всего времени, пока армия двигалась к кварталам, расположенным по ту сторону Ратуши, чтобы достичь последних пределов еще занятой инсургентами территории, обстрел этот не прекращался ни на одну минуту даже в тех частях города, которые уже были заняты войсками. За исключением арестованных Асси и Жоанара и некоего Билльоре, убитого в сражении, до сих пор еще неизвестно, кто из других главарей восстания захвачен или убит. До настоящего времени также ничего неизвестно о судьбе задержанных Коммуной заложников.

Что касается потерь, понесенных армией, то они, кажется, относительно не столь велики.

Имею честь и т. д.

Окунев

III. РАЗГРОМ КОММУНЫ

Окунев — Горчакову

Версаль, 18/30 мая 1871

Господин канцлер.

... В ночь с 15/27 на 16/28 мая происходила генеральная атака. На следующее утро войска генерала Ладмиро пошли на приступ и овладели Бельвиллем и холмами Шомон, в то время как генерал Винуа захватил кладбище Пер-Лашез.

Итак, это ужасное восстание теперь уже окончательно подавлено.

Последние бои, кажется, были чрезвычайно кровопролитны. Видя свою неминуемую гибель, инсургенты оказали

войскам яростное сопротивление и понесли значительные потери. Большая часть их была расстреляна на месте. Захваченных в плен повстанцев отводили в чрезвычайный суд, организованный в квартале Ратуши в театре Шатле, и тут же производилась над ними короткая расправа.

Относительно небольшая группа пленных была отправлена в Версаль. Пока еще нельзя подсчитать общую цифру уничтоженных таким образом мятежников, но цифра эта велика.

В условиях царящего в Париже хаоса еще до сих пор невозможно выяснить судьбу всех главарей Коммуны. Однако установлено, что Делеклюз и Милльер были убиты во время сражения. Их имена должны быть присоединены к упомянутому мною в моем донесении от 13/25 мая. Что касается задержанных Коммуной заложников, то правительство только вчера получило официальные сведения о них. Архиепископ парижский и большая часть заключенного с ним духовенства были расстреляны в тюрьме Рокетт.

Кажется, приписывавшийся Коммуне проект взорвать столицу был не лишен оснований. Было найдено множество бомб и бочек с порохом; провода, связывающие между собой наиболее угрожаемые места, были уже перерезаны. Много парижских улиц и целые кварталы должны были взлететь на воздух, и, кажется, лишь недостаток времени помешал инсургентам привести в исполнение их планы.

К разоружению парижского населения приступлено третьего дня. Операция эта производится до настоящего времени, не вызывая никакого сопротивления.

Заканчивая свое донесение, я счастливым тем, что могу сообщить вашей светлости, что церковь императорского посольства ни мало не пострадала и зданию этому не было причинено никаких повреждений! ¹

Имею честь и т. д.

Окунев

¹ На полях пометка Александра II: „Очень, очень рад“

IV „ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“

Окунев—Александру II
Париж, 11/23 июня 1871

Ваше величество.

25 мая—6 июля г. Жюль Фавр разослал французским агентам заграницей циркуляр, чтобы призвать внимание Европы к опасным тенденциям «Международного товарищества рабочих» и чтобы побудить правительства к исследованию фактов, относящихся к развитию и средствам действия этого общества.

В одной из моих последних бесед с министром иностранных дел я воспользовался текстом этого циркуляра, чтобы заметить, что французское правительство, которому в результате последних событий в Париже удалось задержать множество приверженцев этого общества, окажется, быть может, в состоянии, произведя тщательное исследование, собрать полезные сведения, которые помогут и всем другим правительствам осветить деятельность «Интернационала»¹. Что до меня, то я с истинным рвением получал бы официальную информацию, которой министр счел бы возможным меня снабжать.

Г. Жюль Фавр мне ответил, что военно-полевые суды, призванные судить парижских мятежников, продолжают ве-

¹ На полях примечание Александра II: „Конечно“.

сти следствие. Как только это расследование будет закончено, правительство объединит в одном отчете относящиеся к «Интернационалу» факты, открытые в течение следствия, и, наверно, не преминет сообщить этот документ иностранным правительствам. Все же уже можно сказать, что членов «Интернационала» среди повстанцев, арестованных в Париже, оказалось меньше, чем обычно думают.

Министр прибавил, что иностранные кабинеты оказали наилучший прием его циркуляру, упомянутому выше. В частности, князь Бисмарк полностью одобрил его содержание и заявил, что, со своей стороны, он вполне готов содействовать расследованиям, которые предлагаются французским правительством. Он передал эти уверения через графа Вальдерзее, германского поверенного в делах.

Г. Жюль Фавр поведал мне по этому случаю свое намерение составить новый циркуляр, целью которого является создать соглашение между державами для подавления международного общества. Он предложит правительствам взять на себя обязательство не допускать на своей территории собраний этой ассоциации, преследовать ее приверженцев и препятствовать опубликованию ее программ. Особенно министр имеет в виду, как он мне сказал, Англию, Швейцарию, Бельгию и Испанию, где комитеты «Интернационала» свободно функционировали до сих пор.

Остаюсь и т. д.

Окунев

**ДЕЛО КОММУНЫ — ЭТО ДЕЛО СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ,
ДЕЛО ПОЛНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ,
ЭТО ДЕЛО ВСЕМИРНОГО ПРОЛЕТАРИАТА, И В ЭТОМ
СМЫСЛЕ ОНО БЕССМЕРТНО.**

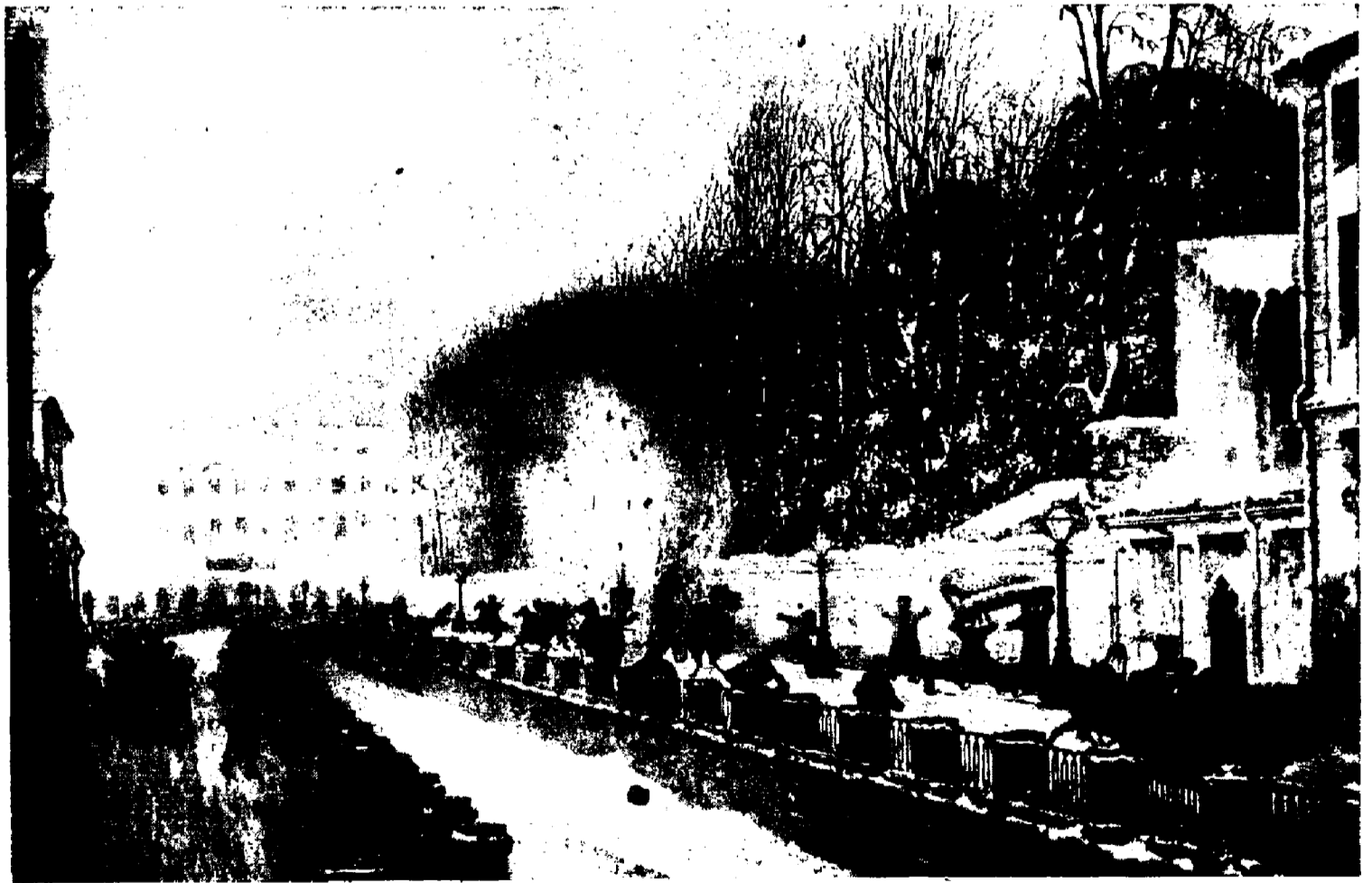
Ленин

А. ШЕСТАКОВ

КАЗНЬ АЛЕКСАНДРА II

1 (13) марта 1881 г., в 2 ч. дня, оберегаемый особым конвоем, сыщиками и чинами полиции и жандармов, царь Александр II Романов, после смотра войск, возвращался в свой дворец по проезду Екатерининского канала в Петербурге. Недалеко от угла Инженерной улицы на повороте царский кучер чуть сдержал великолепных рысаков, везших карету с самодержцем. Неожиданно от перил канала отделилась человеческая фигура, и с размаху под

ноги лошадей была брошена бомба. Раздался взрыв, похожий на пушечный выстрел. Метательный снаряд взорвал левую заднюю часть кареты. Александр II уцелел и, выйдя из кареты, прежде всего спросил: «Схвачен ли преступник?» В стороне казаки и полицейские уже держали бросившего снаряд Рысакова и вытащили из его кармана револьвер и кинжал. Царь подошел к Рысакову и спросил: «Это тот, который бросил?» Охранявший царя полицей-

Взрыв второго снаряда

Музей революции

мейстер Дваржицкий торопил царя скорее ехать во дворец. На вопросы окружающих, не ранен ли он, царь ответил:

— Слава богу, я уцелел...

— Не знаю, слава ли еще богу! — заметил Рысаков.

Царь пошел было вперед к саням... Навстречу к нему приближался другой террорист — Гриневицкий. Между ним и царем было всего 2-3 шага. Гриневицкий поднял бомбу и, чтоб удар был вернее, изо всей силы бросил ее о землю между собой и царем... Гриневицкий знал, что ни для одного из них — ни для него, ни для царя — спасения не было... Раздался новый оглушительный удар. В воздухе поднялись клубы дыма, снег, клочья платья... Когда дым от взрыва рассеялся, увидели такую картину. На земле лежало много раненых. Прислонившись спиной к решетке канала, упершись руками на панель, без шинели и без фуражки, полусидел царь. Он был весь в крови и с трудом дышал. Ноги его были раздроблены, кровь сильно струилась. На месте взрыва лежал и смертельно раненный Гриневицкий, также истекавший кровью...

Царя увезли во дворец, где он и умер (по неофициальным данным он умер еще на месте взрыва).

Гриневицкий скончался вечером того же дня, отказавшись сообщить что-либо властям по поводу происшедшего.

Делом подготовки казни царя руководили, главным образом, Желябов и Перовская, причем последняя непосредственно разработала план казни и руководила метальщиками бомб, давая им сигналы и наблюдая за казнью с другой стороны канала. В план казни входил также подкоп на М. Садовой, где предполагалось взорвать мину на улице во время проезда по ней царя.

Главным техником по выработке динамита и снарядов был крупнейший ученый и изобретатель Кибальчич. Кроме упомянутых лиц по делу 1 марта была привлечена еще одна террористка Гесья Гельфман.

30 марта в особом присутствии Сената первоапрельцев судили, а 3 апреля пять из них были повешены на Семеновском плацу. Гесю Гельфман не повесили только потому, что она была

Количество арест. динамит. и уногубельского на следств. по М. Садовой арест. — 1 п.
А. Уногуб. на М. Садовой — 2 п.
— на С. Гельфман — 2 1/2 п.
арест. в. в. Александровский — 1 1/2 п.
арест. в. в. Толмачевский — 1 п.
арест. у Кв. Дмитрия — 1 1/2 п.
арест. под мостом в П. М. — 1 п.
арест. в. в. Миллер. на Садовой, 4 п.
арест. в. в. Миллер. на Садовой, 1 п.
арест. в. в. Миллер. на Садовой, 1 п.
в 13 ноября 1879, по 5 мая 1881 года — 22

беременна на 4-м месяце и в европейской печати был поднят по этому поводу страшный шум. Но у нее отняли ребенка сейчас же, как только он родился, и самое ее замучили в тюрьме.

Все эти погибшие герои — мученики нашей революции — были членами партии «Народной Воли», в свою очередь тесно связанной с различными действовавшими до нее партийными группировками под общим названием «народников».

Проповедуя теорию крестьянского социализма в России, народники считали, что русское рабочее движение не имеет такого значения, как на Западе. Революционеры-народники считали главной революционной силой в стране крестьянство, приписывали ему стихийно-социалистические убеждения, расценивали надвигающуюся революцию как «социалистическую крестьянскую революцию».

Это было одно из важнейших заблуждений народников того времени.

Народовольцы разделяли все эти ошибки народников, но их заслуга сводилась к тому, что на первое место они выдвинули задачу политической борьбы. Они считали, что источником бедствий народа было царское самодержавие. В их программе говорилось, что благодаря государству создано и укреплено помещичье землевладение в России, разоряется и нищает народ, создается класс буржуазии и в Россию проникает капитализм. Таким образом,

существующее самостоятельно над классами правительство разрушает все истинные начала и устой народной жизни. Правительство разрушает общину и пролетаризирует крестьянство, топчет народный идеал, заключающийся в праве народа на землю, на общинное и местное самоуправление, душит зачатки федеративного устройства, свободу совести и слова. «Как социалисты-народники, — говорилось в программе народо-вольцев» — мы должны поставить своей ближайшей задачей снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу. Этим переворотом мы достигаем: во-первых, того, что развитие народа отныне будет идти самостоятельно, согласно его воле и наклонностям, во-вторых, того, что в нашей русской жизни будут признаны и поддержаны чисто социалистические принципы, общие нам и народу». Способом борьбы за осуществление своей программы народо-вольцы выдвигали террор против правительства и его слуг. Этот террор, по мнению народо-вольцев, должен «дезорганизовать» правительство, возбудить народные массы и создать выгодную обстановку для захвата власти революционными массами. Захват террористической организацией политической власти может привести к тому, что народ совершит «экономический» социальный переворот или, при менее благоприятных обстоятельствах, «экономический переворот будет делом самой революционной партии».

С этой целью «Народная Воля» и совершила ряд террористических актов, добившись казни царя.

Дело 1 марта 1881 г. было актом высочайшего героизма и в то же время это был яркий пример социального бессилия разночинной интеллигенции, не связанной непосредственно с рабочими и крестьянскими массами. Ошибка народо-вольцев заключалась в том, что они, опираясь на «теорию, которая в сущности не была революционной теорией, не умели и не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества» (Ленин, т. VI, изд. 2, стр. 464).

Дальнейшее развитие капитализма и классовая дифференциация привели к дальнейшему перерождению народо-вольчества. Часть из народо-вольцев перешла на сторону с.-д., другая выродилась в буржуазных политических радикалов в виде партии «Народного права».

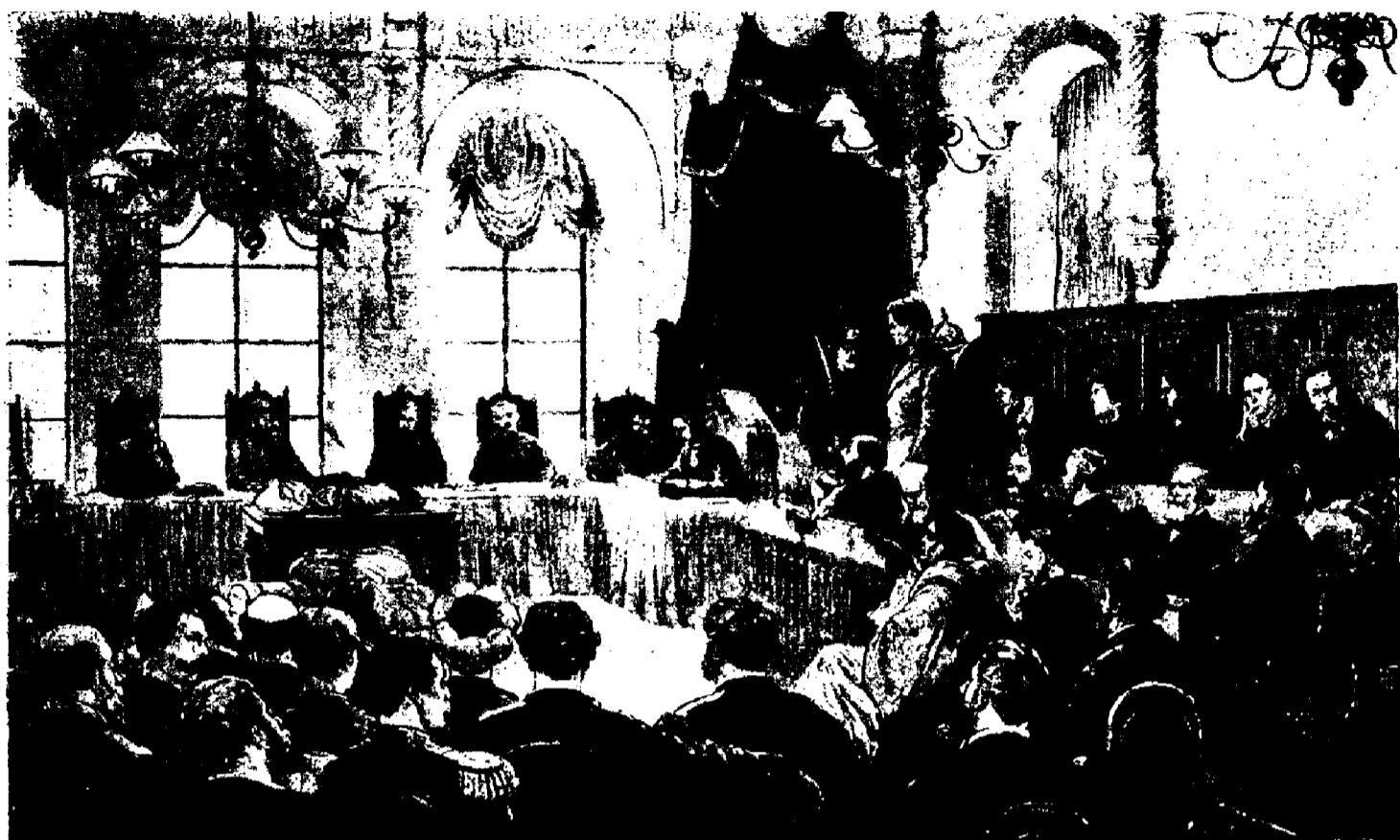
Пролетариат и его партия восприняли от народо-вольцев их «традицию революционной борьбы с самодержавием, продолжали ее, развили, освободив от всякой узости». «Если деятели старой «Народной Воли», — писал Ленин, — сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория, то с.-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет стать непобедимой» (Ленин, т. II, изд. 2, стр. 485).

Другая важная заслуга народо-вольцев заключалась в том, что они «постарались привлечь к своей организации всех (разрядка Ленина) недовольных и направить эту орга-

Модель бомбы, брошенной 1 марта 1881 г.

Музей революции

Суд над первоапрельцами

Музей революции

низацию на решительную борьбу с самодержавием» (Ленин, т. IV, изд. 2, стр. 465). Ленин неоднократно призывал в эпоху борьбы с самодержавием строить партию как сплоченную, законспирированную организацию работающих в ней людей, и партия большевиков заимствовала от народовольцев организационные принципы построения подпольной партии, их навыки и опыт.

Партия большевиков, вскрывая подлинный классовый смысл народовольческой установки на крестьянскую социалистическую революцию, в то же время в период буржуазно-демократической революции придавала особо важное значение революционно-демократическому крестьянству.

Перестраивая в настоящий момент мелкое единоличное крестьянское хозяйство на колхозное социалистическое и ликвидируя кулачество как класс на базе сплошной коллективизации, наша коммунистическая партия особенно подчеркивает руководящую роль в этом процессе пролетариата как руководителя крестьянства и социалистической революционной борьбы во всем мире.

Только под руководством пролетариата возможно вовлечение бедняцко-средняцкого крестьянства в строительство социализма. Социализм пролетариата, научный социализм прямо противоположен не только старым народническим взглядам, но и тем теориям, которые после них выдвигали социалисты-революционеры — эта мелкобуржуазная партия, претендовавшая на наследство «Народной Воли», но выродившаяся в контрреволюционную организацию, ведущую и поныне борьбу с советской властью и коммунистической партией.

Вслед за эсерами такую же борьбу ведут отдельные контрреволюционные группы в нашем Союзе, прикрывающие отжившими народническими теориями свою ставку на капиталистическое развитие крестьянского хозяйства, на выращивание кулачества как контрреволюционной опоры для свержения диктатуры рабочего класса.

Полное непонимание разницы между ленинской трактовкой социализма и мелкобуржуазной выразилось в позиции т. Теодоровича на прошлогодней дискуссии о «Народной Воле». По мнению

Маковский

Зарисовки первомайцев (сделаны на процессе)

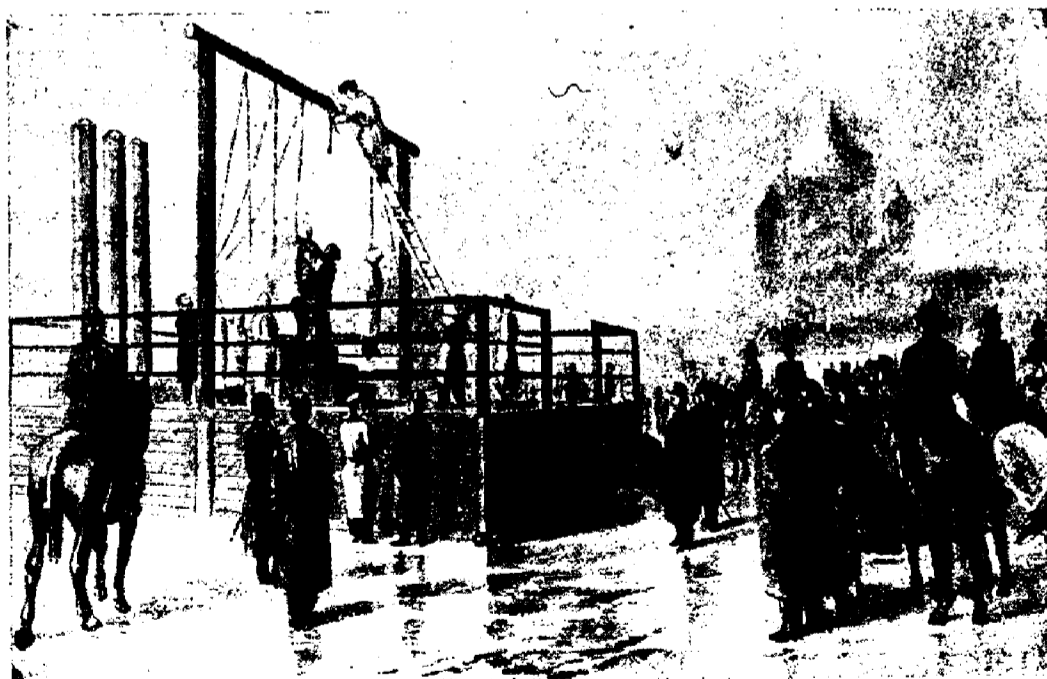
Слева направо: Кибальчич, Перовская, Желябов, Рысаков и Михайлов

т. Теодоровича основные начала социалистической революции: диктатура пролетариата, советская власть, нэп, строительство социализма, Красная армия и т. д.—все это было предвосхищено народолюбцами. Социализм «Н. В.»—предтеча ленинизма. Народолюбцы стремились к социалистической революции, к уничтожению всякой эксплуатации, стояли за некапиталистическую эволюцию, так же как и Маркс, т. е. предвосхищали совершающуюся на наших глазах коллективизацию.

Эта точка зрения неверная. право-оппортунистическая. Она игнорирует двойственную природу крестьянина, она игнорирует классовую дифференциацию в крестьянстве. Она умаляет руководящую роль пролетариата в со-

циалистической революции и неправильно ориентирует рабочий класс о том, каким путем крестьянство переводится на рельсы социализма в обстановке диктатуры пролетариата, который только один способен преодолеть и парализовать все колебания крестьянства, обусловленные его психологией мелкого товарпроизводителя.

Вспоминая 50-летие героического а а народолюбцев и отмечая положительные сторсны их тактики и организации, пролетариат, руководимый коммунистической партией, основывает свою революционную борьбу на учении Маркса—Ленина и, свергнув власть буржуазии и помещика, совершает впервые в мире переход к социализму, увлекая за собою многомиллионные массы крестьянства.

Казнь первомайцев на Семеновском плацу Петербург 1881 г. Музей революции

ВИЛЬЯМ ХЕЙВУД

СРЕДИ УГЛЕКОПОВ И КОВБОВ

Воспоминания

Вильям Хейвуд, «Большой Билль» — один из наиболее видных и популярных вождей революционного крыла американского рабочего движения. Хейвуд был одним из руководителей синдикалистской организации «Индустриальные рабочие мира», созданной в 1906 г. в противовес насквозь реформистской Американской федерации труда, руководившейся С. Гомперсом (резкую характеристику последнего читатель найдет в воспоминаниях Хейвуда). Хейвуд неоднократно подвергался судебным преследованиям и тюремному заключению. После Октябрьской революции Хейвуд примкнул к Коминтерну и вступил в американскую компартию. Последние годы своей жизни Хейвуд провел в Москве, где он внимательно следил за общественной и партийной жизнью. На опыте СССР он учился делать социальную революцию и строить социализм.

Хейвуд умер в 1928 году 18 мая. Урна с частью его праха погребена у Кремлевской стены, другая, согласно его завещанию — на кладбище Хеймаркет, где похоронены жертвы чикагской драмы 1886 г.

Публикуемые воспоминания Хейвуда дают чрезвычайно яркое описание революционных боев американского пролетариата. Хейвуд вырос на Западе. Его детство относится к тому периоду, когда волны переселенцев из юга Африки, востока Европы, гонимые золотой лихорадкой, преодолевали тысячи километров для того, чтобы осесть в Калифорнии, Неваде, на золотом Западе. Окруженный переселенцами, неграми, остатками безжалостно истреблявшихся индейцев, между рудокупами и ковбоями, в обстановке бурного расцвета капитализма, неслыханной, жестокой эксплуатации — рос Хейвуд, как непримиримый враг капитализма.

В такой обстановке Западной Америки сложился совершенно особый тип рабочего движения, резко отличавшийся от остальной Америки и державшийся революционной тактики. Стачки горняков на Западе, особенно в Колорадо — примеры подлинных классовых битв, превращались в настоящие сражения: горняки занимали укрепленные позиции, правительство и предприниматели прибегали к провокации, взрывам, арестовывали по тысячам участников стачек.

Яркие мемуары Хейвуда совершенно разрушают неправильное представление об Америке как стране, где почти нет революционного пролетариата. Одновременно они дают представление и о слабостях движения, идеологии и тактике его руководителей, не поднявшихся до сознания необходимости организации революционной партии, не постигших тактики революционного марксизма. Достаточно указать, что сам Хейвуд предлагал в качестве программы Западной Федерации постепенную скучку рудников рабочими организациями. При всем том «Книга Билля Хейвуда» превосходное доказательство того, что в эпоху империализма рабочий класс Америки революционизируется, стихийно, настойчиво ищет новых путей, новых форм классовой борьбы, создает новый тип революционных вождей, которые, как Хейвуд, сумели найти путь от Западной Федерации к Москве, к единственной верной тактике ленинского Коминтерна.

того, что в эпоху империализма рабочий класс Америки революционизируется, стихийно, настойчиво ищет новых путей, новых форм классовой борьбы, создает новый тип революционных вождей, которые, как Хейвуд, сумели найти путь от Западной Федерации к Москве, к единственной верной тактике ленинского Коминтерна.

1. На Западе

Моя мать, происходившая из шотландско-ирландской семьи, родилась в Южной Африке. Вместе с семьей она проделала путь от мыса Доброй Надежды к берегам Америки. Распродав все свое имущество, они покинули родину, чтобы переселиться в Калифорнию. Золотая лихорадка проникла в отдаленнейшие уголки земного шара. Люди устремлялись на Запад без малейшего представления о том, что их там ждет. В те времена не знали роскошных пароходов: многомесячное, томительное и опас-

ное путешествие совершали на парусном судне. Опасность не оставляла путешественников и после высадки в порту: проехав 1800 миль поездом, они пускались в долгое путешествие по равнинам и горам в крытых фургонах, запряженных волами. Им угрожали несчастные случаи, болезни и нападения краснокожих враждебных индейцев, защищавшихся от нашествия белых.

В пути, где-то в прерии, потерялся мой дядя, тогда еще маленький мальчик. Семья не знала, что с ним случилось. Его долго, но тщетно искали в длинном обозе и не нашли;

не было его и среди погонщиков скота, гнавших стада волов, коров и мулов. Задерживаться обоз не мог, а семья отца не рискнула остаться для поисков пропавшего в беспредельной степи. Мальчика сочли погибшим, и, оплакивая его, переселенцы продолжали путь. Миновав Каньон эмигрантов, они увидели перед собой прекрасную долину. Перед ними расстилались мертвые воды Большого Соленого озера. Справа лежал город Новый Сион, основанный мормонами в 1847 году. Здесь семья по болезни отстала от обоза и решила ждать следующей партии переселенцев, надеясь, что пропавшего мальчика подберут и доставят сюда. Однако, вскоре по приезде в Сион моя бабушка, идя по улице, увидела своего сына с корзинкой яблок на руке. Она забрала его вместе с яблоками и привела домой к сестрам. Оказалось, что он пристал к переднему обозу и прибыл в город на неделю или две раньше.

В Городе Соленого озера бабушка открыла гостиницу. Здесь мой отец вырос, и здесь же он встретил мою будущую мать. Оба были еще очень молоды: когда они поженились, отцу было около двадцати двух лет, а матери — пятнадцать. Я родился 4 февраля 1869 года, т. е. еще до того, как железная дорога пересекла материк.

Первой моей учительницей была миссис Уайтхед. Школа в Офире находилась в верхнем конце города и была немногим лучше деревянного сарая. Поздней зимой из окон ее было видно, как снежные лавины скатывались с обнаженного от леса склона горы. В первую же зиму лавина засыпала снегом каньон за городом: пришлось прорывать туннель для почтового дилижанса и спуска.

Я впервые стал работать на руднике, когда мне было немногим больше девяти лет. Я спустился в шахту с отчимом, школа была в это время закрыта.

По возобновлении занятий я снова стал посещать школу. Учителем моим был Фостер, старый, суровый мормон из Туля, но прекрасный преподаватель. Он научил меня разбираться в истории, вникать в суть и задумываться над прочитанным. Это был старик с тяжелой челюстью, с седыми усами, с черными глазами; я ни разу не заметил, чтобы он бил детей.

Двенадцати лет я торговал в фруктовой палатке старика Риз на углу Слоновой улицы. Однажды в полдень я услышал стрельбу и увидел толпу перед рестораном Григса. Я побежал узнать, что случилось. Два полисмена выводили из ресторана негра. В толпе говорили, что негр убил одного полисмена и ранил другого.

Полисмены в сопровождении толпы направились в сторону Второй южной улицы. Меня удивило, что они не идут в тюрьму кратчайшим путем; дорога, по которой они вели негра, была на целый квартал длиннее. Они проходили по Второй южной улице, когда какой-то лавочник вышел из магазина и присоединился к толпе, снимая на ходу фартук и затыкая его за пояс. Этот человек, имени которого я не знал, кричал: «Принесите веревку». Я по-

думал «Зачем им веревку? Ведь негру так не уйти от полисменов».

Толпа увеличивалась, и возбуждение ее росло по мере продвижения. Когда мы подошли к тюрьме, я увидел арестованного и полисменов на ступеньках у входа: Мне показалось, что полисмены вместо того, чтобы повести негра в здание тюрьмы, толкнули его в руки толпы. Я потерял его из виду и стал пробиваться в гущу толпы, застывшей в оцепенении. Тут я увидел, что негр повешен под крышей каретного сарая. Лицо его было искажено, успело уже посинеть, глаза вылезли из орбит, язык вывалился. Глядя на качающееся тело негра, я, не переставая, повторял: «Что они наделали, что они наделали!» Смерть негра не насытила вожаков толпы. Кое-кто закричал: «Стащить и четвертовать его! Повесьте его на телеграфном столбе!» Они протаскивали безжизненное тело до угла улицы, где их остановил городской голова Уэльс; он напомнил толпе о законе против мятежа и, огласив его, потребовал немедленно вернуть тело в тюрьму...

Я присутствовал на лекции южно-каролинского сенатора Бэна Тильмана и от него получил впервые представление о положении негров. На лекциях он выказал свирепую ненависть к негру как к человеку и как к представителю определенной расы. Сидевший рядом со мной негр задал ему какой-то вопрос. В ответ полилась яростная брань, причем сенатор не преминул упомянуть о матери негра. Он назвал моего соседа бурным сыном сатаны и спрашивал, чем же должна быть мать, у которой мог родиться сын такого цвета. Негр был, повидимому, смешанной крови. Я взглянул на негра, и боль, отразившаяся на его лице, заставила меня почувствовать, что он и ему подобные такие же люди, как я. Я видел, что он испытывает то же возмущение и негодование, которое я испытал бы на его месте; я видел также, что он не смеет выразить свое негодование. Лекции Бэна Тильмана, вероятно, заставили многих других испытать то, что почувствовал я. Мне казалось, что я вижу старика Тильмана насквозь, вижу его сердце, сочащееся ненавистью...

Работая бэем в гостинице «Континенталь», я заболел воспалением легких. В гостиницу я больше не вернулся; после выздоровления мы с матерью рзшили, что мне пора взяться за ремесло. В то время мой отчим состоял надсмотрщиком на руднике, принадлежавшем рудничной компании Огайо в графстве Гумбольта, в штате Невада. Он решил, что я ему пригожусь. Я купил в Городе Соленого озера сн ряжение, состоявшее из штанов, фуфайки, синей рубахи, высоких сапог, двух одеял, ящичка с шахматами и пары перчаток для бокса. Моя мать устроила замечательный прощальный обед, состоявший главным образом из плум-пудинга. Она сказала: «Ты вернешься через несколько недель». Поправившись с родным, я уехал в Неваду. Мне было тогда пятнадцать лет.

II. Углекопы, индейцы, ковбои

Это было мое первое длительное путешествие. Мы миновали Огден, объехав Большое Солёное озеро. Я с нетерпением ждал приезда в Коринну и Промонтори, где когда-то работали мой отец и дядя. На станции Промонтори была зарыта золотая кирка, на месте смычки Центральной Тихоокеанской и Союзной Тихоокеанской железных дорог. «Железная лошадь», как индейцы называли паровоз, сменяла крытые фургоны и воловьи запряжки.

На много миль за озером расстилалась равнина, покрытая соляной корой. Затем мы проникли в лесные заросли Невады, казавшиеся нам бесконечными. На сколько видел глаз, тянулись пространства, покрытые серо-зеленым кустарником. Станций было немного, города были невелики. Мы проехали Элько, Бетль-Маунтейн; справа показалась река Гумбольта. На второй день утром я прибыл в Виннемуку, остановился в гостинице и тотчас же, после обеда, на дилижансе, запряженном четверкой лошадей, отправился в Ребель-Крик.

В Ребель-Крик мы прибыли поздней ночью. Я было хотел завернуться в одеяло и лечь спать, но, выйдя из дилижанса, иззябнув на морозе, я увидел, что приготовлен ужин и меня ждет свежая, белоснежная постель.

На утро меня ждал рессорный экипаж; я бросил в него одеяло и чемодан, и мы отправились в Орлиный каньон. Двумя милями выше находился рудник Огайо. Здесь не росло ни единого дерева, — ничего, кроме ивового кустарника вдоль небольшого ручья, струившегося вниз по каньону. Здесь был только один деревянный дом.

Мой отчим пришел с рудника за несколько минут до прихода других рабочих. Увидев меня, он обрадовался. Познакомившись с рабочими и пообедав, я разостлал свои одеяла на сене, брошенном на нары под конторкой. Я надел горняцкую одежду, фуфайку и сапоги и отправился в тот же день на работу на рудник. Первая моя работа состояла в откатке породы из штольни. Я скоро убедился, что нагруженная камнем тачка мне не под силу, поэтому я решил уменьшить нагрузку и чаще возвращаться за камнем. Я был очень рад окончанию рабочего дня.

Было уже темно, когда мы пришли домой. Обычно ужин рудокопов бывал уже готов, и каждый из нас воздавал ему должное. Затем, убрав посуду, рудокопы снова собрались вокруг стола, читали, играли в карты или шахматы при мерцающем свете свеч. Некоторые растянулись или сидели на нарах. Так мы проводили зимние вечера. Ходить было некуда. Ближайшим городом был Виннемука в шестидесяти милях от рудника. В Уилло-Крике имелся один кабак и почтовая контора, но туда мы ходили редко. Время от времени некоторые из нас ходили на станцию и приносили с собою несколько бутылок виски. Несмотря на то, что в нашем положении рудокопы не могли быть в курсе текущих событий, мы все очень много читали.

Книг у меня было не много, но у каждого из рудокопов было кое-что для чтения. У одного

был том Дарвина, у других нашлись Вольтер, Шекспир, Байрон, Бернс и Мильтон. Это были любимые поэты моего отчима. Мы обменивались книгами и могли бы собрать довольно ценную библиотеку. Некоторые из нас получали журналы и выписывали четыре-пять газет. То обстоятельство, что газеты запаздывали на неделю, нас не особенно волновало.

Историю об истреблении индейцев племени «пьют» у перевала Теккера мне рассказал Джим Секкет, один из волонтеров, принимавших участие в избиении. Ту же историю я узнал от пьюта Окса Сэма, одного из трех индейцев, спасшихся от истребления.

Впервые услышал я эту ужасающую повесть, когда старик Секкет случайно посетил рудник Огайо. Рассказ начинался перечислением многочисленных грабежей, совершенных индейцами по всему Южному Орегону и Северной Неваде; это побудило белых организовать отряд добровольцев, как он выразился, «для самозащиты». Отряду сопутствовала слава лучшего в районе по борьбе с индейцами. Они расположились в форте Мак-Дермит и отсюда объезжали местность, разыскивая индейцев. Мак-Дермит находился на западном склоне хребта Санта-Роза в устье одного из притоков Квин-Ривера.

Секкет теперь был старым пенсионером, он шлялся повсюду и почти не работал, по старости лет. Людей его сорта уже оставалось не много. Он чувствовал себя, как дома, в хижинах старателей и в фермах речной долины. У него были длинные седые волосы и такая же борода. Разговаривая, он сплевывал струю табачной слюны на предмет, избранный им мишенью, и с поразительной точностью попадал в цель. Вот его рассказ:

«В тот день мы расположились у устья Уилло-Крика, как раз повыше того места, где сейчас стоит дом Энди Киннегера. Мы собрались было заночевать, когда раздалась команда: «По коням!» В чем дело? Мы приготовились в два счета: мулы были нагружены, и лошади оседланы. Начальник указал пальцем поперек долины в направлении перевала, именуемого сейчас перевалом Теккера, и сказал: «Если вы хорошенько приглядитесь, вы увидите там огонь. Пока было светло мне казалось, что это дым. Но теперь я вижу огонь. Это индейский лагерь. Нам надо добраться туда к рассвету, и мы тронемся в путь, как только станет темнее». После поездки по заросшей кустарником равнине и по лугам мы добрались до реки, которую нам пришлось переплыть. За рекой пошли опять луга, а там снова кустарник. Далее отряд разделился: часть была послана вперед, к лагерю, небольшой отряд остался с вьючными животными и запасными верховыми лошадьми, а остальные отправились вверх к перевалу.

Занимался день, когда мы увидели индейский лагерь. Там все спали. Мы сняли с плеч карабины, приготовили револьверы и пустились галопом к лагерю дикарей, стреляя в их вигвамы. Через секунду выбежали и заметались сонные женщины, мужчины и дети, оглушенные

неожиданным нападением; но мы расстреливали их, не давая им притти в себя. Прискакал другой отряд и без выстрела подъехал вплотную к нам. Мы переезжали от одного вигвама к другому, осыпая их пулями. Затем мы спешили, чтобы произвести более обстоятельный осмотр. В одном вигваме мы нашли двух ребят еще живыми. Один из солдат сказал: «Кончать, так кончать! Не побьешь гнид — будут вши!» Но прежде чем вопрос был решен, кто-то крикнул: «Держи, держи!» В самом деле, один из индейцев ускакал; его большой серый конь летел, как ветер. Некоторые из нас начали стрелять, несколько человек вскочили в седло и пустились в погоню. Но было слишком поздно, индеец спасся, и погоня вскоре вернулась. Индейцев, которые были только ранены, мы из милости прикончили, а затем сели на лошадей и уехали».

Рассказ старика основательно развенчал в моих глазах «отважных» бойцов с индейцами, о которых я читал в книгах. Ничего «захватывающего» в избиении спящих женщин и детей я не мог найти. Акции старых волонтеров низко пали в моих глазах. Они упали еще ниже, когда несколько месяцев спустя Окс Сам рассказал мне на своем «пиджин инглиш»¹ о том, что произошло у перевала Теккера. Ничего нового он мне не сообщил. Но в его пересказе проглядывало чувство, которого нельзя было найти у Секкета...

В нашем положении люди порою становятся большими друзьями. Так было со мной и Патом Рейнольдсом. Пат был старше нас всех. Это был рослый, грубо скроенный мужчина с рыжей бородой, густыми бровями и родинкой под левым глазом. Этот старый ирландец дал мне первые уроки профсоюзной борьбы. Пат был членом организации «Рыцарей Труда»; кое-что из его рассказов об этой организации мне было в то время непонятно. Я еще ни разу не слышал, чтобы трудящиеся нуждались в организации для взаимной защиты. В той части страны, где я жил, разделение между предпринимателями и рабочими как будто не ощущалось особенно остро. Старик-хозяин спал в том же помещении и ел за тем же столом, что и остальные, и, казалось, не отличался от рабочих. Но Пат разъяснил мне, что это не настоящий хозяин, что владельца рудника никто из нас не знает. Упомянув о больших поместьях, расположенных в окрестности, он сказал: «Владельцы их живут в Калифорнии, а рабочие выполняют всю работу в Неваде, и только благодаря им усадьбы и рудники приобретают свою ценность». Он рассказал мне о профсоюзах, в которых он состоял, о профсоюзе горнорабочих в Боди, в Калифорнии, о профсоюзе горняков в Вирджиния-Сити — в Неваде, организованном в 1867 году, — первом профсоюзе горнорабочих в Америке. Эти два профсоюза одни из первых образовали Западную федерацию горнорабочих. Прошло некоторое время, прежде

чем я понял все значение его слов о том, что освобождение рабочего класса есть дело самих рабочих. В начале мая 1886 года эта мысль глубже внедрилась в мое сознание, когда я прочел в газетах подробности о столкновении на Хеймаркет-сквере, а позднее — речи, произнесенные обвиняемыми на суде. Об этих фактах я беседовал каждый день с Патом Рейнольдсом. Я пытался уяснить себе причины, вызвавшие взрыв бомбы. Были ли в нем повинны сами забастовщики? Или те, которые выступали от их имени? Почему полицейские оказались в Хеймарке-сквере? Кто бросил бомбу? Ее не бросал ни Альберт Парсонс, ни кто-либо другой из известных ему лиц; иначе Альберт Парсонс не явился бы в суд и не сдался бы властям. Кто же те, которые хотели во что бы то ни стало повесить этих людей, этих анархистов, как они их называли? Не принадлежали ли они к тому же классу капиталистов, о котором мне рассказывал Пат Рейнольдс? Из головы не выходили последние слова Августа Шписа: «Пробьет час, и наше молчание будет силой более могучей, чем голоса, которые вы сегодня душите». В моей жизни произошел решающий перелом.

Я сказал Пату, что хотел бы вступить в организацию «Рыцарей Труда».

Вскоре после того я впервые за время работы на руднике поехал домой. Несколько недель спустя я вернулся в Неваду. Следующий год был годом финансового кризиса, который отразился как на горнорабочих, так и на рабочих других отраслей промышленности. Рудник Огайо был закрыт, и мне было поручено его охранять. Я жил один со своими собаками и сам варил себе пищу.

Несколько времени спустя я вернулся в Юту и поступил на работу на Бруклинский рудник. На первых порах я топил котлы и управлял клетью, подымая наверх пустую породу и руду. Бруклинский рудник представлял собой шахту глубиной в 1400 футов; в ней находилась клеть, приводившаяся в движение машиной, котлы которой я и топил. Некоторое время я работал в так называемой Мормонской шахте. На этом руднике добывалась свинцовая руда. Рабочие постоянно болели свинцовым отравлением (одна из серьезных профессиональных болезней), но охраны труда на руднике не было. Горнорабочих отправляли в Город Соленого озера в больницу, которую они содержали на собственные средства. У каждого горнорабочего кампания вычитывала по доллару в месяц на содержание больницы. За доставку в больницу и обратно на рудник рабочие платили сами. Пепельно-серые лица рабочих свинцового рудника выглядели ужасно.

Горнорабочий подвергается многим опасностям и помимо ревматизма, чахотки, свинцового отравления и других болезней. За отсутствием на руднике прочных деревянных креплений рабочим постоянно грозит обвал каменных глыб. Я работал недалеко от Луи Фойнтайна, когда с потолка галлерей на него свалилась глыба камня: его голова оказалась разможенной о сверло, которое он держал

¹ Искорверканный английский язык, дополненный словами испанского и туземного языков.

в руках. Тело убитого уложили в клеть и прозвонили сигнал к подъему.

По окончании работ люди поднимались наверх, верхом на бадье. С каждой стороны усаживалось по четыре человека, двое садились на перекладину, а один на крюк, к которому был прикреплен стальной трос. Однажды я ухватился за трос, усевшись за спиной рабочего, сидевшего на крюке, и в таком положении поднялся наверх. Это было одним из самых рискованных поступков в моей жизни. Трос задевал за деревянную обшивку шахты. Мои руки, казалось, вот-вот будут отхвачены, так как я держался за трос, заложив руки за голову и уцепившись обеими ногами за сидевшего впереди, чтобы не вращаться вокруг троса.

Жизнь ковбоя имеет мало общего с той веселой, полной приключений жизнью, которую показывают в кино, о которой читают в дешевых романах и которую демонстрируют на всемирных выставках. Работа ковбоя начинается на рассвете. Утром он вскакивает с постели, натягивает штаны и сапоги, надевает шляпу и отправляется в конюшню кормить верховых лошадей. Больше всего он гордится тем, что ему не приходится работать пешком. Вернувшись, он умывается у колодца и занимается свое место у длинного стола. Повар-китаец приносит груды жареного мяса, картофеля, горячих лепешек и «отдаленное масло», как шутя называют масляную подливку, потому что на больших скотоводческих ранчо, где коровы насчитываются тысячами, зачастую не бывает ни одной молочной коровы, а следовательно, не бывает масла, кроме привозимого на ранчо из отдаленного города.

Работа ковбоя меняется в соответствии с временами года. Скот не пасут и не стерегут: он свободно бродит по горам и по заросшим кустарником равнинам. Весной и осенью его сгоняют в загоны; это называется «родэо». Это и другие подобные слова, обычно употребляемые на юго-западе, перешли к нам от тех времен, когда здесь была испанская колония и разговорным языком был испанский. Заведующий крупнейшей фермой, так называемый «махордомо», давал сигнал к родэо. Ковбои в окружности 100 миль собирались со всех ранчо, съезжались со своими верховыми лошадьми, причем каждый приводил с собой не менее трех или четырех коней. Постель состояла из нескольких одеял и простыни. В поездках во время родэо ковбои свертывали свою постель и укладывали ее в фургон, везя в нем же кухонную посуду и продовольствие. Они располагались лагерем на берегу реки или поблизости от ручья; иной раз они были вынуждены устраивать «сухой лагерь», и на этот случай они захватывали бочки с водой. После ужина мы раскладывали на земле свои постели, играли в карты и развлекались рассказами о прошлом и веселыми песнями. Один-два конюха сторожили табун верховых лошадей, так называемую «парату». С наступлением вечера мы все ложились спать. На рассвете повар вставал и готовил завтрак.

Конюхи приводили лошадей. Ковбои отправлялись в загон. Каждый находил свою лошадь, седлал и взнуздывал ее, после чего мы собирались вокруг фургона на завтрак. После еды мы закуривали, садились на лошадей и отправлялись в горы, по каньонам. Мы взбирались на высочайшие вершины. Возвращаясь назад, мы гнали перед собой скот, ласшийся по склону хребта. Скот собирался в долине. Здесь его окружали ковбои, собираясь по 50—100 человек и располагаясь вокруг нескольких сот голов скота. Двое или четверо ковбоев из крупнейшего ранчо заезжали в гущу стада и выгоняли из него коров и молодых телят. Они узнавали свой скот по тавру и меткам на ушах у коров. Ковбой каждого ранчо затем должны были накладывать тавро и метить уши телят, принадлежавших данному ранчо. Выделение коров и молодых телят продолжалось до тех пор, пока все они не были отделены от стада. Остальной скот угоняли обратно в горы. В коррале раскладывали два-три небольших костра и загоняли первую партию коров. Другие оставались снаружи, пока до них не доходила очередь. Мы заарканивали телят за задние ноги и тащили их к костру, привязав аркан к луке седла. Здесь мы метили уши телят, каждый своей меткой — «ласточкинским хвостом», отрезанным концом уха и т. д. На крупе или лопатке выжигалось тавро ранчо. Покончив с этим, принимались за бычков; их холостили, оставляя по одному из каждых 25—50, в качестве производителей. Для этой цели отбирались такие, которые, по мнению ковбоев, должны были стать крупными крепкими животными. Работа проходила в полной тишине, если не считать рева и мычания телят и коров. Задыхаясь от пыли, мы мало разговаривали за работой.

Тем временем фургон отправлялся к месту следующей стоянки, и, если лошади не были слишком утомлены дневной работой, мы отправлялись длинной, извивающейся вереницей ужинать, распевая во все горло непристойные песни. Расседлав лошадей на месте ночлега, мы умывались и с волчьим аппетитом принимались за еду. Дневной урок был выполнен. Родэо длилось несколько недель; мы начинали с одного конца долины и кончали другим...

В период крайне серьезного финансового кризиса, по существу перешедшего в панику, работу найти было трудно. Мы с шурином, Джимом Майнором, отправились в Деламар.

Я примкнул к отряду армии безработных «генерала» Кокси, направлявшегося на восток, и расстался с ним в Рено, в Неваде. Вместе с другими товарищами мы поехали в товарном вагоне через Треки. Было холодно, и стены и потолок вагона были покрыты узорами инея. Чтобы не замерзнуть, нам приходилось непрерывно шагать по вагону.

Из Рено я с отрядом армии отправился в Уэдсворт. Говорили, что отряд направляется в Вашингтон требовать работы и что туда же с юга и востока движутся другие армии безработных. Уверяли, что «генерал» Кокси собирается просить Конгресс об издании

закона о дорожном строительстве; сообщили что-то о выпуске «беспроцентных облигаций»; мне казалось, что все эти люди, направляющиеся в Вашингтон, своего рода живая петиция, требующая либо работы, либо организации правительством каких-нибудь общественных работ для безработных. Это была одна из величайших демонстраций безработных, когда-либо происходивших в Соединенных Штатах, хотя в конечном счете в Вашингтон прибыли лишь немногие из ее участников. Несколько таких армий пересекли страну в товарных поездах, порой заставляя железнодорожные компании предоставлять им перевозочные средства и вынуждая мером городов, лежащих по пути, снабжать безработных пищей, чтобы сплавить их дальше.

Я не разбирался в проблеме безработицы и не мог понять, почему тысячи людей пересекают материк, направляясь в Вашингтон. Мои мысли все чаще и чаще возвращались к беседам с Патом Рейнольдсом. Кризисы, при которых горше всего приходится рабочим, неизбежны при капиталистическом строе. Но тогда я не видел выхода из положения, не знал, как его предотвратить. Я мучился и блуждал в потемках.

Внезапно меня озарил луч света. Это была железнодорожная забастовка 1894 года. Товарные поезда, груженные скоропортящимися фруктами для восточных штатов, и целые поезда с углем и другими грузами, шедшие на запад, отводились в тупики. Стачка американского профсоюза железнодорожников ширилась. Бернаторы ряда штатов мобилизовали милицию. В Сакраменто, в штате Калифорнии, мобилизованные в ответ на приказ открыть огонь воткнули штыки в землю и отказались стрелять в бастующих.

Милиция города Виннемуки не подчинилась приказу о мобилизации. Большинство мобилизованных состояло из железнодорожников. Они отнюдь не были склонны пускать в ход оружие для защиты имущества железнодорожных кампаний. Город был завален апельсинами и другими продуктами с поездов, заведенных в тупики; но лучше было их съесть, чем дать им сгнить. А уголь мог пригодиться зимой, и ребята не собирались убивать друг друга ради его охраны. Члены Американского союза железнодорожников были резко настроены против железнодорожных кампаний. Президент Кливленд послал в Чикаго солдат федеральной армии против бастовавших пульмановских железнодорожных мастерских. Евгений Дэбс был арестован вместе с другими и обвинен в заговоре с целью убийства, когда же это обвинение было снято, арестованных посадили в тюрьму за неявку в суд. Членская масса организации была возмущена этой вопиющей несправедливостью. Я внимал горячим спорам и участвовал в них сам. Вот где, чувствовал я, кроется большая сила! Важно было не то, что забастовщики сняли грузы с поездов. Важно было то, что забастовщики могли остановить поезда. То был урок «Рыцарей Труда», отголосок пророчества чикагских мучеников.

В Виннемуке я некоторое время работал кучером. Мы разобрали мой домик на месте, откуда я был выселен, и пристроили его к дому, выстроенному тестем на новой ферме.

Несколько человек отправлялось в Сильвер-Сити на конские скачки. Я решил тоже съездить в этот город и просил их захватить с собой мою постель. Я рассчитывал прибыть туда раньше их, ибо они двигались медленно, шадя лошадей.

Я покидал Неваду, оглядываясь на долину, на чудесные покрытые кустарником равнины и горы, где я провел столько лет своей жизни и где я рассчитывал обосноваться. Но вернулся я лишь много лет спустя.

III. Сильвер-Сити

Дорога в Сильвер-Сити пролегла по суровой, обнаженной, безотрадной местности. Селений почти не было, только кое-где маячили большей частью покинутые поселки да случайные фермы. Ни единого дерева до самого горизонта, ничего, кроме скрюченного сучковатого кустарника и полос молодых побегов. Таков был ландшафт до самой реки. Здесь начинались холмы, а за ними высились горы.

Подъезжая к первой вершине, я вспомнил рассказ, слышанный мною много лет назад от Билля Кольтера. По этой самой дороге индейцы гнались за дилижансом, которым правил Билль. Я живо представил себе бешено мчавшийся дилижанс Билля, хлеставшего лошадей, что было силы, и шайку индейцев, с визгом и гиканьем преследовавшую его, не будучи, однако, в состоянии приблизиться к дилижансу так, чтобы снять пущенной стрелой возницу. Не добравшись еще до Джека Бодуэна, я уже испытывал и голод и жажду. У меня нашлось несколько долларов. Но на кой черт они были нужны здесь, где даже вагон золотых «двадцаток» не обеспечил бы приличного обеда.

У Джека в долине Иордана я пустил пастись лошадь, оставил седло и уздечку в конюшне и отправился на дилижансе в Сильвер-Сити.

По приезде я зашел в китайскую харчевню, затем около часа бродил по городу в поисках ночлега. Один из местных жителей предложил мне переночевать с ним в старом копре на шахте Потоси.

Поднявшись рано утром, я направился на рудник Блейн, чтобы раздобыть работу. Я повторял это несколько дней под ряд по утрам, а иной раз и в полдень, но безуспешно. Заведующий рудником Гетчинзон когда-то жил в Неваде. Я истратил все бывшие при мне деньги, явился к старику-заведующему и сказал, что мне нужна какая-нибудь работа.

«Что вы умеете делать?» — спросил он. Я ответил, что справлюсь почти с любым делом на руднике.

«Можете работать откатчиком?»

«Я — рудокоп, но могу быть и откатчиком».

«Олл-райт, приходите утром».

Я отправился в старый копер, забрал свои пожитки и отнес их в барак, на рудник Блейн. У самой двери нашлась свободная

койка, и я ее занял. Барак представлял собой длинное расшатанное строение с койками в два яруса вдоль стен; в нем помещалось, помнится, около шестидесяти человек. Воздух в бараке был не ахти какой, ибо единственным вентилятором служила дверь.

В бараке, усевшись вокруг печки или развалившись на койках, горняки рассказывали старую биль о горняцких поселках, вспоминая пережитое или услышанное от очевидцев.

Некто Мэтт Мак-Лейн, бригадир смены, стал однажды вспоминать о старых временах в Пенсильвании. Он спросил:

«Слышал ты что-нибудь об организации «Молли Мэгирс?»

Я сказал, что слышал. О «Молли Мэгирс» слышали все.

«Но, — продолжал он, — ты никогда не слышал, как их поймали?»

Был некто Франклин Б. Голуэн, управляющий одним или несколькими рудниками в долине Шемокин. Он решил уничтожить «Молли Мэгирс» — своеобразную рабочую организацию, боровшуюся против снижения зарплаты. Голуэн обратился к сыскному агентству Пинкертона, и оно послало своего шпика, настоящая фамилия которого была Мак-Парленд.

Тот явился в Потсвилль и назвался Джемсом Мак-Кенна. Он нес на плече небольшой узелок, надетый на палку, вошел в город, стал искать квартиру и в конце концов нашел подходящую гостиницу. Однажды вечером он будто случайно заглянул в трактир Барни Хогля и пригласил всех присутствующих выпить за его счет. Расплачиваясь, он вынул пачку кредиток и как бы вскользь заметил, что только что получил расчет с корабля в Филадельфии: ему-де надоела морская служба, пока что он пристроится на суше. Он спросил Хогля, нет ли поблизости работы.

Хогль был одним из лидеров организации, заимствованной у ирландцев и в Пенсильвании, состоявшей, главным образом, из углекопов. Но Хогль был также содержателем трактира, и он заметил толстую пачку долларов у Мак-Кенна. Молодой ирландец был щедр, и Хогль хотел заполучить в его лице постоянного посетителя. Однако, не желая выдавать себя, он ответил Мак-Кенна, что здесь может добиться работы только «настоящий парень».

Мак-Кенна вспыхнул: «Я парень хоть куда, — сказал он, заказывая еще стакан. — Я спою песню, спляшу джигу и вызову на бокс любого из присутствующих в трактире; проигравший ставит виски на всех». Он спел ирландскую песню, протанцевал ирландскую джигу.

Мак-Кенна стал завсегдатаем этого трактира и, по протекции Хогля, получил работу. Все его товарищи были члены «Молли Мэгирс». Этому-то он и добивался. Немного погодя ему предложили вступить в организацию. Он, конечно, охотно согласился, но сказал, что для того, чтобы быть хорошим членом «Молли Мэгирс», надо, пожалуй, иметь больший опыт, чем тот, которым он располагает. Вскоре после вступления в организацию ему была доверена какая-то официальная должность.

Только это ему и было нужно. Провокацией он добился того, что несколько молодых горнорабочих оказались замешанными в убийстве. по крайней мере он так их запутал в это дело, что им предъявили обвинение в убийстве.

Когда молодые горняки предстали пред судом, Мак-Кенна выступил против них свидетелем и назвался Джемсом Мак-Парлендом, сыщиком пинкертоновского агентства. За то, что «Молли Мэгирс» доверилась содержателю кабака, они поплатились жизнью десяти членов, которые были казнены. Четырнадцать других обвиняемых были приговорены к заключению в каторжной тюрьме на срок от двух до семи лет».

Так я впервые узнал, что такое провокатор. В дальнейшем оказалось, что речь шла о первом случае провокации как методе борьбы с рабочим классом Америки. Рассказ Мак-Лейна произвел на меня глубокое впечатление.

В начале августа 1896 г. в Сильвер-Сити приехал председатель Западной федерации горнорабочих Эдуард Бойс, чтобы организовать горняков. В помещении окружного суда состоялись два митинга. Я присутствовал на обоих, меня очень интересовало, что скажет Бойс. Он был из тех, кто участвовал в Кэр-д'Аленской забастовке 1892 г. Высокий, стройный, с изящной головой и поредевшими волосами, он обладал приятными чертами лица, но у него неестественно выдавались зубы. Последнее было вызвано профессиональной болезнью — ртутным отравлением, полученным при работе с амальгамой на приисках.

В числе тысячи слишком рабочих он был арестован солдатами федеральной армии, вызванными в Кэр-д'Ален губернатором. Заключенных содержали более шести месяцев в специально выстроенном остроге, грубо сколоченной деревянной двухэтажной постройке. В этой тюрьме отсутствовали элементарнейшие удобства, и нечистоты просачивались сквозь щели пола с верхнего этажа на заключенных, содержащихся внизу. Люди обовшивели, среди них распространились болезни и некоторые умерли.

Бойс рассказывал, как была создана Западная федерация горнорабочих, в то время как он с тринадцатью другими сидел в окружной тюрьме. Их поверенный, бывший горнорабочий Джим Холли, предложил объединить всех горняков Запада в одну организацию. Эта мысль была одобрена заключенными, так как существовавшие в то время профсоюзы горнорабочих представляли собой распыленные собрания «Рыцарей Труда». Бойс рассказывал, как после их освобождения был созван съезд в Бутте в штате Монтана 13 мая 1893 г. и была учреждена Западная федерация горнорабочих.

Он описал первую стачку, происшедшую после создания ЗФГ. Она происходила в Криппль-Крике в штате Колорадо в 1894 году. Все горняки района забастовали, выступив против снижения заработной платы и за установление восьмичасового рабочего дня. Некоторые шахтовладельцы района, известные миллионеры, объединились в организацию под названием

«Ассоциация шахтовладельцев». Они не доверяли губернатору Уэйту, который сам в прошлом был горнорабочим, но знали, что могут положиться на комиссаров и шерифа округа Эль-Пазо. По инициативе Ассоциации шахтовладельцев эти чиновники наняли и снарядили небольшую армию полицейских, примерно в 1300 человек, снабдив ее двумястами верховых лошадей и оружием.

Губернатор послал было в район милицию, но, расследовав дело, счел пребывание солдат в районе излишним и отозвал их. Шериф мобилизовал своих полицейских и двинул их в Криппль-Крик. Горняки, узнав об их приходе, выставили против них свой отряд. Произошла перестрелка, и с обеих сторон было убито по несколько человек.

Горняки возвели хорошие укрепления на вершине холма Булль и решили биться до конца, защищая своих жен и детей и свои права трудящихся.

По мере развития Западной федерации горнорабочих она сосредоточила все свое внимание на защите интересов низко оплачиваемых рабочих, так как мы убедились, что если уровень зарплаты чернорабочего обеспечивает ему сносное существование, то зарплата квалифицированного рабочего не падает ниже этого уровня.

На рудниках все работали непрерывно, включая воскресенье, а на заводах даже и в праздники.

В 1896 году в годовом отчете Западной федерации горнорабочих Эд Бойс выразил надежду, что еще до следующего съезда весь Запад услышит мерную поступь двадцати пяти тысяч вооруженных горняков; по его мнению настало время, когда горняки должны защищаться от наемных убийц, к услугам которых уже прибегали при Кэр-д'Алене, Криппль-Крике и Ледвиле, и он уверен, что каждый горняк добудет хорошую винтовку и запас патронов.

IV. Западная федерация горнорабочих. Гомперс

Я был выбран делегатом от профсоюза горнорабочих Сильвер-Сити на съезд Западной федерации горнорабочих, состоявшийся в 1898 г. в Городе Соленого озера.

На съезд собрались делегаты из большинства горняцких поселков Запада: с медных рудников Бьюта в штате Монтана, со свинцовых рудников в Кэр-д'Алене в Айдего, с золотых приисков в Черных горах в Южной Декоте и из Криппль-Крика в Колорадо. Были здесь также рабочие серебряных рудников из Вирджиния-Сити в штате Невада, которая называлась матерью рудников. Профсоюзные организации в большинстве этих местностей были по существу старыми объединениями «Рыцарей Труда». Здесь все они собрались вместе, кроме них сюда прибыли делегаты горнорабочих из многих других местностей; тут были представители и Британской Колумбии и Аризоны. Явились также рабочие рудодробилок, плавильщики и один-два углекопа. Мы были теми людьми, которые вместе с Объединенным профсоюзом шахтеров — ор-

ганизацией углекопов — добывали минеральные богатства Америки. Профсоюзы, которые мы представляли, входили в Западную федерацию горнорабочих. Наш союз был одним из трех существовавших тогда индустриальных профсоюзов и единственным, уже осознавшим, что настанет день, когда вместе с профсоюзами других отраслей промышленности мы выдвинем лозунг «все за одного — один за всех».

Здесь были люди, участвовавшие в знаменательных стачках в Кэр-д'Алене, Криппль-Крике и Ледвиле. Мы говорили о том, как укрепить наши позиции, как использовать винтовки, имевшиеся уже у многих из нас. Мы хотели втянуть в общую организацию всех рабочих в горняцких поселках.

Эдуард Бойс, выступивший с отчетом президиума, рекомендовал создать организацию, на которую горнорабочие могли бы опереться с пользой для себя. Он обратил внимание съезда на важную задачу создания Дома горняков для увечных, больных и престарелых горнорабочих, которые обычно кончали свои дни, оставленные на милость частной благотворительности; между тем небольшого взноса каждого из нас было бы достаточно, чтобы обеспечить им уход и приют.

Во время этого съезда в город прибыл Сэм Гомперс в сопровождении своей «свиты», в том числе Генри Уайта, впоследствии замешанного в скандале в связи с продажей официальных бланков своего союза, Объединенного профсоюза швейников; по словам Гомперса, он приехал, чтобы повидаться с Эдом Бойсом и настоять на возвращении Западной федерации горнорабочих в Американскую федерацию труда. В действительности он хотел выступить на съезде, что, впрочем, оказалось бы бесполезным. На съезде этот невзрачный субъект, именовавший себя вождем трудящихся, представлял забавный вид рядом с рослыми, широкоплечими делегатами Запада.

Этот низкорослый экземпляр человеческой породы безусловно не мог олицетворять собой членскую массу Американской федерации труда. Маленький, с большой в плешинках головой, Гомперс был похож на ребенка, больного стригучим лишаем. У него были маленькие колючие глаза, жесткий рот с тонкими отвислыми губами, крепкие челюсти и скулы. Это была самовлюбленная, наглая, самонадеянная и мстительная личность. Глядя на него, я понял, с какой страстной жестокостью этот человек осуществлял бы власть, если бы она у него была. Можно было легко себе представить, как Гомперс защищал людей, которым грозила петля палача: с камнем за пазухой и сердцем, переполненным лицемерием. Он мог издеваться над всем, даже над разгромом мощной забастовки, если ее проводила организация, не разделявшая его позиции. Достаточно было взглянуть на этого человека, чтобы знать, что он способен выступить против оказания помощи детям и женщинам.

Когда Гомперс в 1887 году под давлением рабочих явился к губернатору Огльсби, якобы для защиты чикагских мучеников, первые его слова были:

«На протяжении всей своей жизни я расходился с принципами и методами осужденных».

«Рыцари Труда» были в то время мощной, развивающейся организацией, насчитывавшей около восьмисот тысяч членов. Ее быстрый рост убедил Гомперса в том, что создаваемое им объединение цеховых союзов — Американская федерация труда — не сможет рассчитывать на успех в случае удовлетворения революционных требований рабочих. Взяв к милосердию губернатора Огльсби, Гомперс сказал:

«Если этих людей казнят, это только даст толчок так называемому революционному движению и при том такой толчок, какого ничто другое в мире не могло бы породить. Не говоря уже о необходимости человеческого отношения к ним, надо иметь в виду, что их будут считать мучениками. Многие тысячи трудящихся во всем мире сочтут, что эти люди казнены потому, что боролись за свободу слова и свободу печати».

Мы просим вас, сэр, использовать вашу большую власть и предотвратить такое ужасное несчастье».

Предостережение, сделанное Гомперсом губернатору, выражало то, к чему он стремился всю жизнь, а именно: воспрепятствовать росту революционного рабочего движения.

«Помню, я говорил хладнокровно и спокойно. Со всей настойчивостью, на какую я способен, я просил губернатора о милосердии или, по крайней мере, о предоставлении осужденным отсрочки, чтобы можно было установить их невиновность, если они невиновны».

Оговорка «если» полностью характеризует отношение Сама Гомперса к революционному рабочему движению Америки. Так писал Гомперс через тридцать лет после того, как губернатор Джон П. Альтгельд, вновь просматривая дело, отметил:

«Ни один из обвиняемых не мог иметь никакого отношения к делу. Состав присяжных был специально подобран. В ход были пущены массовый подкуп и запугивание свидетелей. Вина обвиняемых в инкриминируемом им преступлении не была доказана».

Причины, побудившие Гомперса ходатайствовать за смертников, и характер его ходатайства показали делегатам съезда всю огромную разницу между обыкновенными профсоюзами и Западной федерацией горнорабочих, объявившей:

«Трудящиеся производят все блага. Блага принадлежат тем, кто их производит».

Сознание того, что Гомперс совершил предательство — иначе это нельзя назвать — усилило растущую ненависть к этому человеку, и эта ненависть распространилась на весь совет Американской федерации труда, когда мы узнали о его поведении во время забастовки Американского профсоюза железнодорожников в 1894 году. Известно, что Гомперс, садясь на чикагский поезд в Индианополисе, сказал:

«Я отправляюсь на похороны Американского союза железнодорожников».

Но живых не хоронят, и Гомперс хотел сказать, что цель его заключалась в уничтожении Американского союза железнодорожни-

ков. Союз и должен был стать тем покойником, на похороны которого собирался Гомперс. Так это и случилось. В Чикаго была созвана конференция Исполнительного совета АФТ. Помимо совета в конференции участвовали четырнадцать делегатов от примыкавших к АФТ союзов, первый гроссмейстер союза кондукторов и генеральный секретарь и казначей союза кочегаров. Евгений Дэбс, явился на эту конференцию и потребовал, чтобы она заявила Ассоциации правлений железных дорог, что при условии восстановления бастующих на их прежних должностях они все без исключения немедленно встанут на работу; в противном случае будет объявлена всеобщая забастовка.

Составление резолюции было поручено пяти участникам конференции, в том числе Гомперсу. Вот выдержки из их предложений:

«Вопрос о великом возмущении рабочих, волнующий ныне страну, был подвергнут тщательному, спокойному и всестороннему обсуждению, и в 12 день июля месяца 1894 года в Чикаго была созвана конференция Исполнительного совета АФТ и членов исполнительных органов и представителей национальных и межнациональных союзов и братств железнодорожников. Перед лицом всех доступных доказательств и в виду особых осложнений, возникающих при данной ситуации, мы вынуждены прийти к заключению, что насущные интересы союзов, входящих в состав Американской федерации труда, требуют, чтобы они воздержались от участия во всякой всеобщей или местной забастовках, которые могут быть предложены в связи с нынешними волнениями среди железнодорожников...»

Далее мы рекомендуем, чтобы все примыкающие к АФТ и участвующие ныне в забастовке сочувствия вернулись на работу; а тем, кто собирается объявить забастовку сочувствия, мы советуем не прекращать своих обычных занятий».

Таков был нож предательства, который вонзился в грудь бастующих рабочих пульмановских железнодорожных мастерских. В результате этого предательского удара погиб Американский союз железнодорожников, а Евгений Дэбс и его соратники оказались в тюрьме. Об этих событиях Гомперс впоследствии писал:

«Курс, взятый Федерацией, был величайшей услугой, которую можно было только оказать делу сохранения братства железнодорожников. Большое число членов этих организаций перешло в Американский союз железнодорожников. Это означало если не развал, то весьма серьезное ослабление братств».

АФТ отказалась также выполнить обязательства, взятые ею на себя во время ладвильской забастовки в 1896 году.

Эти и им подобные факты получили широкую огласку среди делегатов съезда, и Западная федерация горнорабочих твердо решила порвать всякую связь с АФТ. АФТ запятнала себя изменой, предательством и корыстолюбием; это надо помнить всегда.

Моя деятельность в союзе отнимала у меня все время, не занятое работой на руднике. Я был снова выбран делегатом на съезд, который

и на этот раз созывался в Городе Соленого озера. Перед самым отъездом до нас докатились отзвуки взрыва в Кэр-д'Алене, о котором рассказывали газеты и телеграмма от ЗФГ¹. Рабочие в Сильвер-Сити ждали дальнейших событий и находились в состоянии сильнейшего возбуждения.

Компания Бэнкер-Хилл и Сюзливан и рудник «Последний Шанс» платили рабочим на пятьдесят центов в день меньше остальных рудников в Кэр-д'Алене. Рудники, платившие по три с половиной доллара в день, объявили о предстоящем снижении заработной платы. Горняки решили не допускать этого и направили все свои усилия на то, чтобы добиться повышения ставки на рудниках, плативших ниже обычной нормы. Но компании, ограблявшие рабочих на седьмую часть их заработка, упорно сопротивлялись.

С введением механических сверл характер работы рудокопов изменился. Рабочие не возражали против введения машин, но многие опытные рудокопы были физически не в состоянии справляться с этими машинами. С этим никто не хотел считаться; их назначили откатчиками, перевели на навалку руды или на подсобную работу и платили им на пятьдесят центов в день меньше, чем прежде, что соответственно снижало жизненный уровень рабочих. Это было равносильно уменьшению заработка на пятнадцать долларов в месяц для всех рудокопов и на тридцать долларов в месяц для рабочих, которые не могли справиться с большими сверлами. Значит — меньше пищи, меньше одежды, хуже жилище, прощай школа для детей, конец развлечениям, одним словом, урезывалось все то, из-за чего стоило жить. Вопрос этот обсуждался со всех сторон на всех собраниях союза. Не было спасения от той гигантской силы, которая беспощадно сокрушала всех под своею тяжелой пятой. Горняки этих ужасных поселков были охвачены бешеным возмущением. Обращаться было не к кому, оставался один выход: забастовка.

29 апреля 1899 года в Уорднере состоялась грандиозная демонстрация. В ней участвовали все члены всех союзов округа. Прозвучало последнее предостережение. Зажгли запалы. И три тысячи фунтов динамита взлетели на воздух. Завод компании Бэнкер-Хилл и Сюзливан был взорван, и от него осталась лишь груда исковерканной стали и железа и деревянных обломков. Возмущение, накопившееся у горняков, разрядилось. Возможно, что некоторые сожалели о разрушении того, что было создано руками рабочих. Но состояние всего населения стало менее напряженным.

Рудничная администрация, не пошевелившая пальцем для облегчения положения доведенных до отчаяния рабочих, теперь изощрялась в красноречии, обращаясь к властям за помощью. Они спокойно отнеслись бы к гибели всего населения, но они подняли вопль по поводу разрушения всего завода. Губернатор Франк Стейненберг обратился к президенту Мак-Кинлею с просьбой о посылке солдат

¹ Западная федерация горнорабочих.

федеральной армии, и таковые немедленно были отправлены в Кэр-д'Аленский горнопромышленный район. По первому требованию горнопромышленной компании без предварительного расследования со стороны губернатора и президента мирное население было подвергнуто нашествию вооруженной орды. С прибытием солдат район был объявлен на военном положении. Свыше 1 200 рабочих были арестованы без соблюдения элементарных формальностей и долгие месяцы просидели в тюрьме, тщетно ожидая предъявления обвинения. В Кэр-д'Алене не произошло ни восстания, ни другого нарушения установленного порядка, но тем не менее сотни людей были на многие месяцы посажены в тюрьму, представлявшую собой сооружение, непригодное даже для скота и окруженное высокой изгородью из колючей проволоки. Рудокопы Запада были возмущены зверским обращением, которому подвергались их братья на свинцовых рудниках Айдего. Во всех горняцких поселках, на всех рудоплавильных заводах и в целом ряде других мест производились денежные сборы в пользу бедствующих жен и детей горняков. Было доказано, что взрыв произошел по вине горнопромышленной компании. Рабочие засыпали конгресс резолюциями, полными возмущения по поводу совершенных зверств.

Над съездом в Городе Соленого озера витала сумрачная тень Кэр-д'Аленских событий. Делегаты почти не говорили и не думали ни о чем другом. 1 200 членов союза сидели в тюрьме, десяти из них было предъявлено обвинение в убийстве. Женщины и дети жили под гнетом военного положения. Законодательные органы, суд и военщина были против нас. Каждый спрашивал себя: если такой ужас творится в Кэр-д'Алене, долго ли до него в Бьюте, в Блэк-Хилс, в Неваде?

Я пришел к одному выводу: необходимо организоваться, необходимо умножить наши силы. Пока мы распылены, пока у нас нет единства, нас будут бить.

На съезде меня избрали в исполнительное бюро ЗФГ.

Осенью в Бьюте, в штате Монтана был созван пленум бюро. Подъезжая в Бьюту, я был поражен безотрадным видом местности. Ни единого клочка зелени: все было выжжено, уничтожено дымом и чадом наваленных куч раскаленной руды. Ядовитые газы распространяла сера, выжигаемая из руды, предназначенной для дальнейшей обработки в плавильне. Эти газы губили не только деревья, кусты, траву и цветы, даже кошки и собаки не могли жить в Бьюте, а хозяйки жаловались, что газы, преспиывая одежду, портили ткань.

Смерть собрала в Бьюте обильную жатву. Сумма, выплачиваемая членам бьютского союза горнорабочих, и пособие по болезни выражались в сотнях тысяч долларов. Количество пособий на похороны достигало чудовищных размеров. Город мертвых — горняцкое кладбище — был полон безвременно скончавшимися молодыми рабочими и вряд ли уступал по размерам городу живых, — а Бьют был еще очень молодым городом. Человеческая жизнь

стоила дешевле всего в этом большом рудничном поселке.

На заседании исполнительного бюро было решено отправить члена бюро Джона Вильямса и меня в Кэр-д'Ален для передачи арестованным забастовщикам приветствия ЗФГ; кроме того, мы должны были выяснить положение в охваченном забастовкой районе, находившемся в то время на военном положении.

Нам приходилось работать нелегально, так как район был на военном положении и мы не хотели попадаться на глаза его военщине. Наша задача состояла в том, чтобы ободряющей вестью поднять дух заключенных. Мы хотели им сообщить, что организации, в интересах которых они подвергались унижительному заключению, выражают им свое сочувствие и обещают дружную поддержку. Заключенные добыли несколько лоскутов и длинные жерди и вывесили плакат с надписью: «Американская Бастилия».

Мы встретились с одним из девяти рабочих, обвинявшихся в убийстве. Все они бежали из тюрьмы. Он рассказал нам, что большинство бежавших ушло из поселка.

«Что ж, — сказал он, — ничего тут не было особенного. Все сделали ребята, бывшие на воле. Однажды вечером в нашу тюрьму явился сержант Корфорд. Он сказал: «Собирайтесь, вы пойдете в больницу». Мы не заставили себя ждать и вышли под конвоем двух или трех солдат. Когда мы подошли к колючей проволоке, нас окликнули: «Кто идет?» Корфорд выступил вперед и ответил: «Сержант Корфорд с арестантами, в больницу». За воротами Корфорд велел нам разойтись. Все, за исключением двоих из нас, покинули район».

За это дело сержант Корфорд был сослан на остров Алькатрас (Калифорния). Он был приговорен к девяти годам тюремного заключения, разжалован и уволен из армии.

Нам рассказали о попытке Кэр-д'Аленских заключенных устроить подкоп. Они начали его рыть под одной из коек и, чтобы не случилось обвала от проезжавших повозок, они повели подкоп глубоко под землей. Вырытую землю заключенные вытаскивали в деревянном ящике, прятали ее в койках и под ними и понемногу выносили ее вместе с мусором. Работа подвигалась отлично. Еще немного, и сотни людей выбрались бы через подкоп на волю и скрылись бы в горах. Но однажды кто-то из работавших в подкове заметил, что становится трудно дышать от испорченного воздуха. Он схватил кочергу, заменявшую ему кирку, и принялся пробивать свод подкова, проделывая отверстие для выхода вредных испарений. Он угодил прямо в зад ленивого солдата, растянувшегося на земле как раз над подковым. Солдат вскочил и завопил, что его

укусила змея. К нему подбежали другие солдаты, но никакой змеи не нашли; зато они наткнулись на небольшое отверстие, а при дальнейших поисках обнаружили подкоп. Узнав, как был раскрыт подкоп, заключенные принялись было ругать свою судьбу и проклинать солдата, но делать было нечего.

Мы увидели отвратительную тюрьму из окон вагона. Это было низкое, бесформенное одноэтажное строение. Так вот она какая! Сотни людей — многие из них были моими товарищами по работе — томилась здесь в ужасных условиях. Это были такие же рабочие, как и я. Их борьба была моей борьбой. Урежут их заработок — урежут и мой. Это они создали рудники. Каждый фунт руды, когда-либо добытый, был добыт ими. Они и подобные им создали Запад. Теперь опасность грозила их жизни, жизни их жен и детей. Предприниматели оставили без внимания их требования. На заводе произошел взрыв. Если они брошены в тюрьму за это, я должен быть с ними. Я не был с демонстрантами в Уорднэре, но я был с ними мысленно и полностью их поддерживал. Все рудокопы Запада чувствовали то же. Мы все были заодно с рабочими Кэр-д'Аленских свинцовых рудников в их борьбе с угнетателями.

Пока рудокопы сидели в тюрьме, компании деятельно готовили разгром союзов. Они ввезли в район наемных убийц и хулиганов, сплошь вооруженных; но лучшим их козырем была главная биржа по найму, которую они организовали в Уоллесе. Этим учреждением, составлявшим черные списки, руководил бывший сыщик. Горняк, искавший работу на любом руднике района, уже не мог обращаться, как раньше, непосредственно на рудник, а должен был предварительно обратиться на биржу в Уоллесе, где он подвергался тщательному допросу относительно принадлежности к союзу и мест прежней работы. Биржа регистрировала все особые приметы безработного; только после всестороннего допроса выдавалась карточка для предъявления на руднике, где требовались рабочие руки. Сотни неорганизованных рудокопов и штрейкбрехеров ввозились в район из Канады с медного рудника Сэдбери, из Джоплина в штате Миссури и из других мест. Было совершенно ясно, что союзам предстояла упорная борьба. Но мы знали одно: как бы ни сложилась обстановка в будущем, ничто не сокрушит дух солидарности, которым прониклись члены союза, осознавшие цели и стремления Западной федерации.

Перевод Н. Гольдберг и М. Куписко¹.

¹ «Книга Биля Хейвуда» выходит в полном виде в Госиздате.

Ц. ФРИДЛЯНД

„КАЗУС“ МАТЬЕЗА

Люди, как и события, имеют свою историю. История эта подчинена одним и тем же законам классовой борьбы. События последних лет наилучшим образом подтверждают ту истину, что в наши дни отношение к СССР служит мерилom для определения политической природы того или другого общественного деятеля, для выяснения политического смысла его клятв и деклараций.

Еще недавно А. Матьез на страницах своего журнала и в своих выступлениях заявлял о симпатиях к советской России, к советской науке. Он жалел даже о том, что не имел возможности в молодости изучить русский язык, чтобы следить за работами советских историков. Еще совсем недавно, в 1920 г., он был активным сотрудником «Юманите», еще совсем недавно реакционная французская пресса называла его «профессором гражданской войны на кафедре Сорбонны». Но успехи социалистического строительства в России, приближающийся грозный день международной революции в капиталистических странах, бешеная ненависть всей мировой реакции к делу освобождения рабочего класса разном повлияли на представителей мелкой буржуазии. Одни, как Ромен Роллан, все более и более приближаются к нам, становятся в ряды активных защитников и сторонников дела Советского Союза; другие — потомки мелкобуржуазных радикалов типа Луи Блана — подобно А. Матьезу переходят на сторону наших врагов, включаются

в ряды интервенционистского блока и выступают совместно с Сеньобосом и другими авторами манифеста «48 французских деятелей культуры» на защиту вредителей и организаторов голода. «Различные классовые силы, — говорили мы на первой всесоюзной конференции историков-марксистов, — оказывают давление на Матьеза». Буржуазия пытается подкупить его, предлагая ему наиболее выгодные академические посты, революционный пролетариат выражает ему симпатии как одному из историков революционного народа конца XVIII века. На чью сторону склонится Матьез? Этот вопрос был решен событиями последних лет. А. Матьез оказался в лагере наших врагов. Нам следует внимательно выяснить причины этого поворота, того, что можно назвать «казусом Матьеза».

В этом событии нет ничего неожиданного. Французские политики из рядов мелкой буржуазии — такова традиция истории Франции: эпохи империализма — всегда начинали радикальными фразами и кончали так как Клемансо, Мильеран, Бриан, а в наши дни — глава интервенционистского французского правительства. А. Матьез начал свою научную деятельность историка французской революции в годы, когда во Франции шла ожесточенная борьба между сторонниками клерикализма и монархии с одной стороны и буржуазной республики с другой. Это были времена «дела Дрейфуса» и борьбы за отделение церкви от государ-

ства, за светскую школу. Буржуазная республика во Франции, достояние финансового капитала, должна была быть «спасена» радикально-демократической мелкой буржуазией, поднявшей знамя национальной и религиозной веротерпимости. В эпоху оформления государства финансовой олигархии мелкобуржуазные радикалы оказались жертвой демократических иллюзий. Но борьбу за демократию вел последовательнее всего пролетариат, и классовое движение рабочих заставило часть демократической французской интеллигенции примкнуть к социалистической партии. Этой интеллигенции не в малой степени обязан своими успехами оппортунизм.

А. Матьез выступил в своих первых работах, посвященных религиозной политике великой французской революции, с защитой лозунга религиозной веротерпимости и светской школы, в то же время как типичный мелкий буржуа пытался доказать, что атеизм конца XVIII в. был исключительно продуктом буржуазной мысли и что его идеал — М. Робеспьер — в своей борьбе против атеизма был прав. Свобода религиозных культов, с точки зрения Матьеза, отнюдь не должна была, однако, совпадать с принципиальной защитой атеизма. Защита религиозной веротерпимости у него означала, таким образом, борьбу с воинствующим материализмом пролетариата. Отдельные группы в рядах мелкобуржуазной интеллигенции не желали накануне войны примириться с безраздельным господством финансового капитала, с ростом военного бюджета, с увеличением налогового бремени, и они пытались изобразить принципиальную оппозицию существующему государству. Правда, как правило, многие из этих мелких буржуа, в конце XIX и начале XX в. выступавшие на защиту демократии и даже кокетничавшие с социализмом, успевали быстро перевернуться на сторону врага. В самом начале нашего века бывший «независимый социалист» Мильеран, как Ленин говорил «независимый от пролетариата, но зависимый от буржуазии», вступил во французское правительство вместе с Галифе, палачом Коммуны, и оказался способным учеником французской реакции, расстреливая

рабочих-стачечников не хуже, а лучше буржуа-реакционеров. За Мильераном последовали многие и многие другие: и вчерашний синдикалист Бриан, защитник всеобщей стачки, и бывшие независимые социалисты типа Вивиани, и адвокат Лиги наций А. Тома — все они вместе по мере своих сил и возможностей защищали дело финансового капитала против пролетариата и его революционного авангарда. А. Матьез принадлежал в то время еще к той части мелкобуржуазной интеллигенции, которая «шла за Жоресом», которая превращала революционный социализм в реформистский соглашательский «социализм» и искренно думала, что она служит «делу человечества, делу социализма».

Началась империалистическая война, и эта «оппозиционная» часть мелкобуржуазной интеллигенции примкнула к националистическому авангарду Франции. А. Матьез выступал теперь как историк «революционного патриотизма». Он изображал в своих книгах революционную войну 1792—94 г., прежде всего, как национальную войну и тем самым преуменьшал ее значение как войны классов. Он попытался в эти годы использовать традиции революции для того, чтобы крепче приковать свой народ к колеснице патриотизма и тем самым обезоружить пролетариат в настоящем и будущем. Он даже революционную диктатуру Комитета общественного спасения изображал как диктатуру военного штаба. Матьез не понимал, что национальная оборона во время великой революции означала гражданскую войну в тылу. Характерно, что Матьез как патриот и националист для подтверждения своих положений в книге, посвященной революционной армии, иллюстрирует свои мысли следующим документом — письмом добровольца, крестьянина-кулака из Лотарингии, Ноэля. Шовинист и умеренный революционер, последний писал с фронта 13 августа 1792 г.:

«Стоит ли думать о продвижении в неприятельский стан? К чему нести источник яда, который нам самим принесет смерть?» Наш буржуа приходил в ужас в дни Конвента, потому что революция призвала к власти «самые обездоленные,

самые нищие слои населения». Матьез, т. об. не смог оценить классовый смысл того революционного энтузиазма гражданской войны, который принесли с собою на фронт сотни и тысячи добровольцев, крестьян и ремесленников Франции, рассматривавших национальную борьбу как «объявление войны дворцам и мира хижинам».

В годы империалистической войны Матьез попытался как ученый поставить науку на службу французской буржуазии. Он доказывал, что ученые Франции в годы великой революции отдавали все свои знания отечеству, но он забыл прибавить, что среди ученых было немало служивших делу французской контрреволюции. Стоит только вспомнить академика Бальи—мера Парижа, защитника французской конституционной монархии, академика и одновременно откупщика налогов и спекулянта, химика Лавуазье и идейного защитника жирондистской контрреволюции Кондорсе.

Но война 1914 г. кончилась обнищанием рабочего класса, разорением огромных масс мелкой буржуазии, торжеством крупного капитала, и та часть мелкой буржуазии, которая до войны изображала оппозицию финансовому капиталу, а в годы войны защищала его во имя «свободы Франции», снова колебнулась налево, в сторону социализма. После Версальского мира, в первый период международной революции, историк А. Матьез далеко шагнул вперед. Казалось, что он нашел путь к пролетариату и его коммунистической партии. Великая французская революция—один из политически наиболее заостренных участков науки, и А. Матьез, имя которого стало особенно популярным в те годы, выступил врагом либерально-буржуазной школы А. Олара. В своем журнале «*Annales historiques de la R. Fr.*» («Исторические летописи французской революции»), во главе «Общества робеспьеристов», А. Матьез защищал идеи якобинской диктатуры, идею «народной революции» против всех тех, кто эксплуатировал память великого переворота конца XVIII в. в своих реакционных интересах, кто именем якобинцев апеллировал к борьбе против великой пролетарской революции в России. Как

раз тогда, когда А. Олар утверждал, что наша революция ничего общего с великой французской революцией не имеет, А. Матьез доказывал, что большевики в России повторяют наилучшие образцы революции конца XVIII в. Как типичный мелкий буржуа он доходил, правда, в этом до смешного, утверждая, что пролетарская революция фотографически повторяет все то, что имело место сто тридцать с лишним лет назад.

В эти-то годы советская наука, опираясь на коммунистические и близко к коммунизму стоящие научные силы, ведя борьбу за мобилизацию на защиту пролетарской революции всех тех, кто так или иначе приближался к марксизму, всего научно-добросовестного и честного в рядах европейской исторической науки, с надеждой смотрела на постепенное приближение мелкобуржуазного радикала Матьеза к марксизму. В своей лучшей работе этого периода «Борьба с дороговизной» Матьез, частично пользуясь методом исторического материализма, на основе огромного материала по социально-экономической истории революции, выдвинул и разработал новые темы о «бешеных», о значении и роли массового движения народных низов и их борьбы с экономическим неравенством. Но этот сдвиг продолжался недолго. Прошло всего несколько лет, и А. Матьез, подобно всем своим французским собратьям, воспользовавшись той популярностью, которую он приобрел как «социалистический» историк французской революции, как враг всей либерально реакционной школы историков, вернулся назад к исходным позициям мелкого буржуа. Воспользовавшись, как трамплином, той популярностью, которая была им приобретена благодаря его оппозиционной роли в рядах историков великой французской революции, А. Матьез начал постепенно, на тормозах, переходить на сторону наших классовых врагов, и, как всегда бывает в таких случаях, свой поворот он начал с защиты положения об «объективной исторической науке», ничего общего не имеющей с политикой. Историк, который в своих работах всегда показывал, что историческое исследование

подчинено той конкретной политической задаче, которая стоит в каждый данный исторический момент перед его классом, украсил себя тогой беспристрастия. Эта беспристрастность была, однако, не чем иным, как прикрытием нового политического зигзага мелкого буржуа.

Уже два года назад в предисловии к «Термидорианской реакции» А. Матьез заявлял, что ему безразлично отношение к его работам «белых» и «красных», ему важна только «истина». Как же выглядит та новая «истина», которую с этого времени постепенно начал обретать А. Матьез? Она выразилась, прежде всего, в его попытке выступить против исторического материализма как «догмы». А. Матьез никогда не был марксистом. Как нам приходилось указывать неоднократно в печати, он воспринял только некоторые элементы экономического материализма, выдавая их за марксизм. Он даже в лучшей из своих работ («Борьба с дороговизной») не сумел и не пытался увязать социально-экономическую историю революции с ее политической историей и тем самым не смог дать нам подлинно классового анализа революции.

А. Матьез сделал попытку изобразить центром не только великой французской революции, но и всей социальной мысли XIX—XX вв. Максимилиана Робеспьера. Мелкобуржуазную утопию эгалитарной республики, т. е. «республики равных товаропроизводителей», попытку раздела между патриотами имущества контрреволюционеров, затеянную Сен-Жюстом и Робеспьером весной 1794 г., он истолковал как «программу социальной революции». Робеспьер был, т. обр., по Матьезу, основоположником теории социальной революции и защитником войны неимущих против богатей». Наш мелкий буржуа окончательно растворил понятие пролетария в бедняке и еще совсем недавно на страницах своего журнала доказывал, что во Франции конца XVIII в. существовало по крайней мере 12—13 млн. рабочих, на том основании, что списки нищих и малоимущих, составленные «Комитетом по борьбе с нищетой» в 1791 г., устанавливали, примерно, эту цифру для всей Франции.

Во имя «объективной» истины Матьез теперь доказывает, что марксисты совершенно не правы, считая Бабефа родоначальником научного коммунизма. Бабеф был только учеником Робеспьера, а в то время, когда Бабеф выступал против террора Робеспьера, он, по мнению Матьеза, шел на поводу у термидорианцев. Но оценка Бабефа Матьезом связана с пересмотром еще одного основного положения его концепции французской революции так, как эта концепция вырисовывалась в книгах историка после войны. Матьез доказывает, что понятие диктатуры есть отнюдь не «антипарламентское» понятие. Он считает необходимым утверждать, что, собственно говоря, между диктатурой Национального собрания, к которой стремился аббат Сийес в первые годы революции, и революционной диктатурой Конвента нет принципиальной разницы. Классовая диктатура у него превращается в диктатуру парламента, облеченного неограниченными полномочиями. В своих последних статьях и книгах он все более и более склоняется к той мысли, что, собственно, идеалом демократического строя не только конца XVIII в., но и наших дней, является демократическая республика «подобно Швейцарии», где всеобщее избирательное право «подправлено» референдумом и народным плебисцитом.

А. Матьез пересматривает вопрос о роли «террористического режима» во Франции II года. Он снова возвращается к той мысли, которую доказывал в годы войны, что, собственно говоря, мероприятия революционного правительства были вызваны временной ситуацией, насильственные меры неизбежны были «во имя защиты отечества». Вся история французской революции превращается, таким образом, во второе издание войны 1914 г., как себе представляли ее французские патриоты и социал-соглашатели. Более того. Под влиянием успехов нашей революции он в письмах к отдельным русским историкам утверждает («истина», которую он, безусловно, вскоре будет защищать и публично), что террор эпохи великой французской революции задержал развитие демократии в Европе, по крайней

мере, на столетие. Иначе говоря, все «завоеванное и записанное» историографией французской революции за последние годы, все то, что сам Матьез вынужден был сказать в защиту террора под влиянием опыта российской революции, забыто им, — он отказывается от своих взглядов, сдавая позиции «робеспьеристов» и переходя на позиции либеральной школы Олара.

Происходит, таким образом, не только политическое, но и научное падение А. Матьеза как историка французской революции. Это падение в последнее время приняло законченные формы, когда на страницах своего журнала, солидаризируясь с гонимыми явными белогвардейцев, Матьез помещает статьи, искаженно изображающие наши научные достижения. Он смеет утверждать, забывая о своих так недавно демонстративно выраженных симпатиях к советской науке, что все наши работы по истории великой французской революции ничего общего не имеют с «подлинной наукой». А в последнем номере своего журнала наш радикал перепечатал выводы, к которым пришел белогвардеец Востоков на страницах журнала «Славянский мир»: «Русская историческая наука пытается придать легальный характер терроризму советского правительства». В своих письмах русским историкам мелкий буржуа Матьез называет нас «сталинскими историками». Матьез не понимает, какой комплимент делает он всем нам — историкам-коммунистам. Называя нас «сталинскими историками», он тем самым утверждает, что наши исторические работы служат делу генеральной линии партии. Матьез берет на себя защиту академика Е. Тарле будто бы во имя тех же принципов, которые во времена «дела Дрейфуса» заставили его стать на сторону Э. Золя. Но это — старческая апелляция к «золотым дням» молодости. Матьез выполняет роль защитников контрреволюционной Жиронды, которых в свое время его друг Робеспьер не без успеха посылал на эшафот. Матьез выступил на защиту вредителей и тем самым аннулировал все то, что писал в своих книгах как историк, доказывая, что Комитет общественного спасения

был прав, уничтожая агентов Питта, всех, кто изнутри вредил французской революции мерами экономического и политического шпионажа и террора, и убеждая, что прав был Робеспьер, а не «снисходительные», посылая на эшафот Дантона, «невинного» Камилла Демулена, взяточника Шабо, Эбера, Шометта и т. д.

Мы прекрасно понимаем тот политический смысл, который кроется в повороте вчера: него мелкого буржуа на интервенционистские позиции. Матьез обвиняет нас в том, что мы являемся фанатичными сторонниками революции и марксизма как «догмы». Он не понимает и как мелкий буржуа понять не может, что марксизм — наилучшее орудие революции, единственный метод, гарантирующий подлинное научное исследование событий конца XVIII в. Иначе говоря, он забывает то, что, собственно говоря, сделало его крупным историком. Если отбросить у А. Матьеза попытку воспользоваться отдельными элементами марксизма как методом исследования, то наш историк не более оригинален, чем его враги из «школы Олара». Нам пришлось неоднократно доказывать Матьезу, что если он отрицает за нами право на революционный фанатизм, если он считает, что мы не должны ставить науку на службу революции, то он может предать суду революционного трибунала и всех тех, кто в годы французской революции посылал на эшафот профессоров и академиков, вредителей и контрреволюционеров. А. Матьез становится «несправедливым», как только дело касается пролетарской революции. Ему безразлично отношение «белых» и «красных», но он забывает, что только в стране «красных» и только среди тех, кому дорого дело революции, он в свое время приобрел симпатии.

Между потомками «якобинцев с народом» и «якобинцами без народа» (Ленин) он выбрал последних — тех, кто эксплуатирует традиции якобинизма для борьбы с пролетарской революцией, а не тех якобинцев, которые вооружены марксизмом и ведут борьбу за дело пролетарской революции, т. е. большевиков.

Матьез никогда не был марксистом. В историографии французской революции он продолжает традиции Луи Блана, он прошел школу Жореса и воспользовался кое-какими обрывками марксизма, вернее — экономического материализма. Тот огромный фактический материал, который собран в его работах, то исключительно плодотворное пользование архивами, которое отличает его исследования, смогли приобрести значительность только благодаря последнему обстоятельству. Именно поэтому марксисты-историки, коммунисты, должны подвергнуть работы А. Матьеза тщательной критике, вскрывая буржуазное содержание, которое кроется за его социалистическими и революционными фразами, воспользовавшись тем новым, что можно найти у него. Мелкая буржуазия в эпоху империализма колеблется между пролетариатом и буржуазией; различен путь мелкого буржуа Ромена Роллана и А. Матьеза. Но история людей, как и история событий,

повторяется — в первый раз как трагедия, во второй как фарс. Судьба вчерашнего социалиста типа Мильерана и Бриана произвела впечатление в начале XX в., она стала обычным явлением в наши дни. «Казус Матьеза», как и все «казусы» подобного рода, не может в наши дни задержать мобилизации революционных сил и готовности пролетариата к решительным боям. Защищая и в дальнейшем еще с большим упорством марксистско-ленинскую историческую науку, продолжая с еще большим упорством свою работу «сталинских историков», мы через голову «попутчиков» в роде А. Матьеза приступим к мобилизации подлинно марксистских, верных пролетарской революции, историков капиталистического Запада, твердо помня при этом теоретическое положение Маркса, высказанное им еще в 40-х годах XIX в.: «Не критика, а революция является движущей силой истории».

**БЕСПРИСТРАСТНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ НЕ
МОЖЕТ БЫТЬ В ОБЩЕСТВЕ, ПОСТРОЕННОМ НА
КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ. ТАК ИЛИ ИНАЧЕ, НО ВСЯ
КАЗЕННАЯ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ НАУКА ЗАЩИЩАЕТ
НАЕМНОЕ РАБСТВО, А МАРКСИЗМ ОБЪЯВИЛ БЕС-
ПОЩАДНУЮ ВОЙНУ ЭТОМУ РАБСТВУ**

Ленин

С. МОНОСОВ

РЕАКЦИОННАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ АКАДЕМИКОВ

Группа реакционных членов Всесоюзной Академии Наук, вконец проиндустрировавшая всю контрреволюционность, отказавшись вступить в ряды членов Академии старого революционера и ученого марксиста Ф. А. Ротштейна. Люди, без всякой тени протеста допускавшие в свое время возглавление центра научной жизни прежней России Константином Романовым, имевшим весьма отдаленное отношение к какой-либо научности и ограничившим свою литературную деятельность выпуском в свет нескольких десятков солдатско-сентиментальных стихотворений да доповской драмы «Царь Иудейский», — теперь, как и два года назад, проявляют нежелание иметь в своей среде представителя марксистской, т. е. единственно подлинной, науки.

Действительно, ведь всего лишь два года назад по Советскому Союзу прокатилась волна негодования, всколыхнувшая всю советскую общественность. Это негодование было вызвано саботажем при выборах в Академию Наук нескольких крупных ученых-марксистов, и теперь мы вновь сталкиваемся с проявлением такой же враждебности по отношению к марксистской науке.

В настоящий момент объектом этой враждебности является крупный ученый, политический деятель и старый большевик т. Ротштейн.

Уже много лет назад, еще в дореволюционное время, научные статьи т. Ротштейна печатались в марксистских журналах в России и за рубежом.

Впоследствии, уже после Октябрьской революции, часть из тех и других статей вошла составной частью в интересную книгу очерков по истории английского рабочего движения.

«Очерки английского рабочего движения» в своей первой части, посвящены истории чартизма, особый интерес представляет глава «Провозвестники классовой борьбы до Маркса».

Здесь на основании тщательного изучения первоисточников дается марксистская история первого самостоятельного политического движения рабочего класса, анализ причин его неудачи и краха. «Провозвестники классовой борьбы до Маркса» рисуют нам идеологов чартистского движения, сумевших за 10—15 лет до появления «Коммунистического Манифеста» достаточно четко сформулировать свои взгляды на классовый характер строения общества и государства.

Что касается второй части очерков, то она имеет своим предметом английское рабочее движение второй половины XIX и начала XX века. Трактовка т. Ротштейном корней оппортунизма в английском рабочем движении является верной и расходится с ленинским суждением. Тем не менее читатель найдет острую

и (иногда) характеристику главнейшему в эту эпоху типу английского рабочего движения — тредюнионизма и деятельности таких местных стенов соглашательства, как Аннелгард. Тов. Ротштейн метко характеризует тредюнионизм этой эпохи как «плотину против социализма». Наш автор показывает, как организованная верхушка рабочего класса Англии за чужеземную похлебку временных и частичных улучшений продает конские цели борьбы рабочего класса, его коренные интересы — освобождение от всякой эксплуатации...

Если подкуп и развращение своего рабочего класса — основная черта внутренней политики английской буржуазии, то в своей внешней политике она действует при помощи грубого и жестокого насилия. Невеликое количество таких научных работ, которые вскрывали бы истинный характер и разоблачали бы колониальное варварство англичан. И именно перу т. Ротштейна принадлежит одна из таких немногих исторических работ — «Захват и закабаление Египта», представляющая собой попытку дать неприкрашенную картину деятельности поборников британского империализма в Египте историю его водворения в этой стране и методов его администрирования. «Захват и закабаление Египта» разоблачает в своей основной части деятельность одного из таких агентов английского империализма — лорда Кромера.

Работа т. Ротштейна построена на солидном базисе тщательно изученных первоисточников, так называемых «Оригинальных книг» — парламентских отчетов, богатейшей газетной и журнальной литературы. Но основным и главным качеством книги является сочетание научной основательности с политической заостренностью.

В этом отношении чрезвычайно характерна самая история возникновения рассматриваемой нами работы т. Ротштейна. Великий прислужник империализма, Эдуард Бернштейн, воспевавший в одной из своих статей хвалу британскому империализму за осуществляемую якобы им высококультурную деятельность в Египте. Ответом на эту-то наглую ложь и явилась чрезвычайно добросовестно написанная книга «Захват и закабаление Египта». «Захват и закабаление Египта» — это единственная книга, написанная с антиимпериалистической точки зрения, это великолепный политический памфлет, направленный своим острием против британского империализма.

Что острие это попало не в бровь, а в глаз, видно из приема, оказанного этой работе в Англии: консервативная печать основательно замолчала ее, большинство публичных библио-

Ф. А. Ротштейн

не удалось ее приобрести или поставить на полку.

Именно эта политическая заостренность является минусом в глазах ученых мужей Академии, минусом, который заставляет их считать «академические качества» работ т. Ротштейна, их обоснованность источниками, глубину анализа.

Уже сама тематика работ т. Ротштейна и трактовка избранных им тем доказывают, что мы в лице его имеем дело не с академическим занятием, забронированным в скорлупу чистой научной деятельности, а с человеком политической борьбы.

В самом деле, почти мальчиком войдя в революционное движение, т. Ротштейн очень рано принужден эмигрировать за границу — сначала в Германию, потом в Англию. Здесь он пропитывается марксистским мировоззрением, вступает в ряды «социал-демократической федерации». Эта организация, несмотря на все свои промахи и ошибки, несмотря на все искажение учения Маркса ее вождями, из всех английских политических организаций была наиболее близка к марксизму. Тов. Ротштейн стоял на крайне левом фланге этой организации, непрерывно борясь против все более и более скатывающегося в оппортунизм и предательство т. Гандмана.

В 1905 году т. Ротштейн своими статьями в «Новой Жизни», так и в зарубежных революционных изданиях проявляет себя как полновесный член.

С начала мировой войны т. Ротштейн вступает в ожесточенную борьбу с шовинизмом, выходит из рядов «социал-демократической федерации». Он отдельно организует левых, покинувших скатывающуюся и беззащитную к шовинизму социал-демократическую партию. Редактирует печатный орган этих левых «Голос».

Деятельность т. Ротштейна приводит к появлению левых, они к 1916 году оказываются боль-

ше, чем в 1914 году, и в 1916 году ряды ее составляют 100 человек.

После Октябрьской революции т. Ротштейн возвращается в Россию и в организации, он организовывает комитет. В 1920 году он везет в Россию своего друга, председателя Федерации Гандмана, и в 1921 году в Англию. Проставив в Англию, он оставляет его там, так как он не имеет возможности его пребывания в Англии. Т. Ротштейн продолжает в Ротштейна преемство в Советском Союзе. Он представляет в интересах будущей России в Париже, он работает в качестве члена комиссии Наркоминдела, он редактирует «БСЭ», он работает по изданию документов мировой войны и т. д.

Сказанного достаточно для того, чтобы составить себе представление об объективности маститых мужей науки, забаллотировавших т. Ротштейна при выборах в Академию Наук!

Здесь не лишним будет вспомнить о тех людях, кого наши почтенные граждане академики делали своими избранными тогда, когда советская общественность держалась в стороне от выборов в Академию. Среди этих избранных мы найдем контрреволюционера П. Б. Струве, а также и интервента Тарле... Сравним также научную деятельность Ф. А. Ротштейна, ее актуальность и нужность для Советского Союза с занятиями некоторыми академиками, занятиями, которые еще совсем недавно были преобладающими среди академиков-гуманитаристов. С одной стороны, эпоха империализма — разоблачение политики капиталистов, с другой стороны — кропотливый и огромный труд по изданию византийских хроник Георгия Амартолы и Иоанна Малалы, нужных лишь двум-трем узким специалистам. Нам думается, что сравнение будет здесь не в пользу граждан академикоз...

Именно теперь, когда страна Советов напрягает свои силы в изстраденном фундаменте социалистического хозяйства, именно теперь, когда успехи в области этого строительства вызывают величайшее озлобление и активизацию в стране классовых врагов строящего социализм пролетариата, — именно теперь следовало бы ввести в ряды членов всесоюзной научной организации стойкого и крупного ученого-марксиста. Ведь именно теперь, когда правительство Англии, состоящее из продолжателей дела Аллельгарта, воздвигавшего в свое время щитовину против социализма, патристует деятельности современных Кромверов всех стран, стремящихся обратить Советский Союз в арену своих цивилизаторских управлений, включение в состав Академии т. Ротштейна получает особо актуальное, т. е. способствующее строительству социализма, значение.

Однако многие из членов, указанного почтенного учреждения имеют на свой счет иные взгляды и не желают иметь в своих рядах разоблачителей Кромверов. Очевидно, в этих рядах еще слишком много людей, которые враждебно относятся к делу пролетариата, к социализму и к борющимся за это дело, за социализм.

КАК РАБОТАЕТ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ¹

Общество историков-марксистов, объединяющее в своих рядах историков-большевиков и наиболее близкие к нам слои ученых и преподавателей истории—марксистов, является одним из партийных отрядов на идеологическом участке классовой борьбы.

Беспартийность и аполитичность науки — это выдумка буржуазных ученых, которым эти положения нужны для того, чтобы замаскировать перед широкими массами тот факт, что свою науку они поставили на службу эксплуататорам.

«Прямая задача науки, по Марксу, — писал В. И. Ленин, — это дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь объективно представить эту борьбу как продукт определенной системы производственных отношений, суметь понять необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития» (т. I, стр. 233, 1-е изд.). В том же месте, несколько выше, В. И. подчеркивает, что «задачей теории, целью науки прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе».

Эти ленинские слова в большей степени чем в какой бы то ни было другой науке относятся к истории. И через всю деятельность Общества историков-марксистов за все время его существования поэтому красной нитью проходит его борьба за ленинское понимание исторического процесса, борьба со всякого рода извращениями марксизма-ленинизма в области исторической науки, борьба с уклонами в теории, питающими уклоны от генеральной линии на практике.

Партийность науки для историков это условие, без которого нет для них вообще никакой науки. И эта партийность определяла и определяет и содержание нашей работы и выбор тем.

Разоблачая враждебные пролетариату течения в исторической науке, Общество историков-марксистов этим самым помогало партии в борьбе за генеральную линию, в борьбе за социализм.

В свете на-днях лишь вскрытого предательства и измены Д. Рязанова, для которого обстоятельное знание работ Маркса и Энгельса оставалось мертвым капиталом, оторванным от революционной борьбы, проблема партийности в исторической науке приобретает сугубо важное значение.

Общество историков-марксистов во всей своей работе видит лишь одну из форм участия в классовой борьбе и социалистическом строительстве под руководством партии.

«У нас, — писал М. Н. Покровский, — пришла социалистическая революция; идеоло-

гия рабочего класса стала у нас господствующей идеологией, и те, кто эту идеологию представляет, обязаны вести организаторскую работу на своем участке, как весь класс ведет эту работу во всех областях жизни нашей страны» («Историк-марксист», т. VII, стр. 17).

Эти слова являются для нас, историков-марксистов, руководящими в нашей работе.

В конце 1928 г. Обществом была созвана I Всесоюзная конференция историков-марксистов. Это была не только первая конференция историков-марксистов, но и первая конференция историков вообще, так как в старой России таких конференций не было. I Всесоюзная конференция имела огромное научное и политическое значение. Она закрепила начатую Обществом консолидацию марксистских сил, и проведенная ею научная работа свидетельствовала, что молодая марксистская историческая наука приступила вплотную к исследовательской работе.

За пять с половиной лет своего существования Общество историков-марксистов из небольшого кружка в 40 человек, каким оно было в 1925 г., превратилось во всесоюзную организацию с количеством членов свыше 800 человек и имеющую 25 отделений по Советскому Союзу. К моменту организации Общества вся научно-исследовательская работа в области истории и преподавание в высшей школе еще в значительной степени находились в руках буржуазной профессуры. В таких условиях сплочение марксистских сил для борьбы с буржуазной профессурой и разоблачение ее становились основной задачей Общества. Теперь, когда все основные участки исторического фронта находятся в руках марксистов, больше того, в руках историков-коммунистов, эту задачу можно считать в основном выполненной. В «основном», так как перед местными отделениями Общества эта задача стоит и до сих пор как одна из важнейших.

Разоблачением буржуазных исторических теорий, в прямом смысле этого слова, не исчерпывалась критическая работа Общества. Будучи с самого своего возникновения органом воинствующего марксизма-ленинизма в области истории, Общество вело энергичную борьбу на два фронта в исторической науке. Оно провело успешную борьбу против оживления меньшевистских, механистических концепций Богданова и Рожкова в книге т. Дубровского об «Азиатском способе производства», искажающей учение Маркса—Ленина об общественно-экономических формациях. Энергичный отпор был дан правооппортунистическому выступлению т. Теодоровича, изобразившего в дискуссии о «Народной Воле» народников предшественниками большевизма и тем затушевавшего мелкобуржуазную сущность народничества.

¹ Помещая краткую заметку о деятельности Общества историков-марксистов, редакция рассчитывает вернуться к этой теме в одном из ближайших номеров.

Выступление г. Теодоровича подводило теоретическую базу под кулацкую идеологию правого уклона, и борьба против этого ахтиленского понимания народничества есть борьба против правого уклона как главной опасности на данном этапе.

Влияние новейшей антимарксистской западно-европейской историографии иногда сказывалось в советской литературе, просачивалось в той или иной форме в наши собственные ряды. Для пресечения и разоблачения этих влияний Обществом был проведен (и будет продолжен) ряд дискуссий о буржуазных историках (Допш, русские его ученики, напр. Петрушевский, Тарле, Кареев, Платонов, Бахрушин и др.).

Обществом велась энергичная борьба на два фронта в национальном вопросе — с национал-демократизмом и великодержавничеством как главной опасностью на данном этапе. Преодоление последней ставит перед историками-марксистами задачу создания научной истории народов СССР, которая покончит с великодержавной традицией писания «русской» истории о десятках народностей, угнетавшихся прежней Российской империей. К осуществлению этой задачи приступлено организацией Секции народов СССР. В ней сейчас организованы подсекции по истории Украины и Белоруссии, в ближайшее время будет создан еще ряд подсекций.

Общество разоблачило мелкобуржуазную, реакционную, националистическую схему истории Украины, данную Яворским еще задолго до того, как он был разоблачен как контрреволюционер.

Значительная работа по борьбе с национал-демократизмом проделана Белорусским отделением Общества.

По мере того как Обществом выполнялась его основная задача — сплочение марксистских сил и борьба против буржуазных и мелкобуржуазных исторических теорий и уклонов от генеральной линии партии на историческом участке идеологического фронта, — на очередь стала новая положительная задача — организация научно-исследовательской работы историков-марксистов. Базой такой организа-

ции стал Институт истории Комкадемии, созданный по инициативе Общества историков-марксистов и при его деятельном участии, после того как был закрыт Институт истории Раниона, готовивший историческую смену преимущественно в духе буржуазных историков, Петрушевского и Бахрушина. Работа Общества распределена по его 10 секциям: секции методологии истории, истории империализма, промышленного капитализма, докапиталистических формаций, истории ВКП, ленинизма и Коминтерна, истории пролетариата, истории народов СССР, зарубежного Востока, методической и секции истории и теории юношеского движения. Организована также группа по истории крестьянских движений. Каждая секция на своих заседаниях ставит ряд докладов. В истекшем году секциями Общества было поставлено 87 докладов.

Общество организовало целый ряд исторических юбилеев — Бакунина, Щапова, Чернышевского, «Народной Воли», Бланки, Парижской Коммуны и т. д., приняло деятельное участие в проведении юбилеев Октября, 25-летия революции 1905 г. Для этого юбилея Обществом было послано в провинциальные отделения 30 докладчиков, около 100 докладов было сделано членами Общества по Московской области.

Летом 1928 г. историки-марксисты приняли участие в проведении исторической недели в Берлине, и затем советская делегация впервые организованно выступила на всемирном историческом конгрессе в Осло. В мае 1929 г. представитель Общества историков-марксистов участвовал в работах международного комитета исторических наук в Венеции, в 1930 г. в Кембридже. Вопреки воле буржуазных историков молодая марксистская историческая наука заняла определенное место, и с ней так или иначе приходится считаться.

С тех пор как научно-исследовательская работа сосредоточилась в Институте истории, перед обществом стала новая, огромная по своему значению задача широчайшего развертывания массовой научно-популярной исторической работы в масштабе всего СССР. Неся в широкие массы рабочих, колхозников и пролетарского студенчества знание истории, этой

„Борьба классов“ открывает постоянный отдел, который должен состояться из очерков, воспоминаний, заметок читателей журнала.

Редакция просит старых рабочих — участников рабочего движения, революций 1905 и 1917 гг., красногвардейцев, красноармейцев, партизан, участников социалистической стройки присылать материал.

Массовый исторический журнал станет одним из рычагов социалистического строительства только при активном сотрудничестве его читателей.

В № 2 „Борьбы классов“ — ВОСПОМИНАНИЯ РАБОЧИХ ЯРЦЕВСКОЙ Ф-КИ.

самой политической из наук, Общество историков-марксистов должно сделать его могучим орудием правильного понимания задач социалистического строительства и перспектив классовой борьбы в капиталистическом мире. Широкое развертывание массовой научно-популярной работы должно сделать изучение исторического прошлого орудием борьбы за социализм, поставить исторический анализ на службу социалистического строительства.

Для выполнения этих задач Общество все еще должным образом не перестроило свою работу. Провинциальные отделения, несмотря на то, что некоторые из них существуют уже давно, еще достаточно не оформились и не развернули своей работы на местах по борьбе с буржуазной профессурой и по изучению национальной истории, без чего невозможно создание научной истории народов СССР. Ячейки содействия Обществу историков-марксистов в Москве и при провинциальных отделениях, создаваемые при крупных фабрично-заводских предприятиях, вузах и комвузах, при научно-исследовательских и научно-вспомогательных учреждениях с целью распространения влияния Общества, имеют в своей работе целый ряд серьезных недочетов. До сих пор ячейки содействия совершенно недостаточно создаются при крупных фабрично-заводских предприя-

тиях, где они должны явиться резервуаром, из которого черпалось бы пополнение исторической смены из рядов рабочего класса. Только в самое последнее время Общество приступило к изданию массовой научно-популярной исторической литературы, каким является издание библиотеки «Всемирная История» и настоящего журнала. Плохо обстоит дело с выпуском популярных брошюр для обслуживания ряда юбилеев, которые мы проводим в текущем году: 50-летие со дня смерти Бланки, 60-летие Парижской Коммуны, 50-летие убийства Александра II и т. д.

Остается несомненным, что Общество, занимающее правильную политическую позицию и активно защищающее генеральную линию партии, до сих пор еще не сумело в достаточной степени перестроиться для выполнения новых задач, поставленных социалистической реконструкцией. Надо думать, что переломный момент, переживаемый сейчас Обществом, и начатая кампания по обсуждению положения на историческом фронте совершат коренной перелом в работе Общества в сторону лучшего обслуживания задач, поставленных перед рабочим классом нашей страны в эпоху завершения построения фундамента социалистического общества.

«БЕССТРАСТНЫЕ ЛЕТОПИСЦЫ»

«Славянский мир» («Le Monde Slave») — неофициальный орган французского правительства до революции представлявший собою важное орудие французского влияния на славянский Восток; теперь это, кроме того, парижский центр русских эмигрантов, бело-гвардейщины, стоящей по своим политическим убеждениям не левее Милюкова. Профессора иконографии, византологии, бывшие адвокаты (вроде Миркина-Гецевича), генералы, выброшенные революцией за борт своего «отечества», вплоть до жандармов и агентов международных охранок, обычно скрывающихся под тремя звездочками, — вот основной круг авторов этого журнала, переместившего центр тяжести изучения славянских проблем на «русский вопрос».

«Le Monde Slave» — журнал исторический (вернее литературно-исторический), а поэтому в нем всегда все статьи, в особенности касающиеся России — а их три четверти, — трактуют вопросы, уходящие в «старые добрые времена» до Октябрьской революции. На страницах журнала мы встречаем имена таких авторов, которые в 1931 г. продолжают мечтать о Царьграде, о великом Стамбуле — духовной столице православной Российской империи. Но и эти исторические «экскурсии» имеют свои определенные политические цели.

Однако на ряду с ними мы видим на страницах журнала — перед нами три номера за сентябрь-октябрь-ноябрь 1930 г. — и актуальные проблемы: «Национальное украинское движение в XIX в.», «Немецкий отчет о русских делах в 1918 г.», «Дашинский или Пилсунский?» или, наконец, интересующая нас статья «Историческая наука в России», помещенная в трех номерах журнала.

Автор статьи (Востоков), цитируя большое количество исторической литературы и внимательно анализируя русскую историческую продукцию послереволюционного периода, приходит к ряду любопытных выводов, на которых мы и хотим здесь остановиться.

Во-первых, как узнаем мы из «анализа» послеоктябрьская историческая наука интересуется и разрабатывает, главным образом, вопросы политические, игнорируя в истории вопросы экономические и социальные. Изучение последних является, по мнению нашего критика, «чертой национальной» в России. Представители так называемой «русской школы» Лучицкий, Тарле, Ковалевский и др. — вот ученые, работавшие доподлинно над этими сторонами исторического процесса. Современные историки — Покровский, Лукин, Фридлянд и др. все свое внимание сосредоточили на изучении политических проблем и тем са-

мым изменили марксизму. Игнорируя экономику — базу всякого исторического явления, советские марксисты-историки чрезмерно много значения придают надстройке — политике субъективному фактору и т. п. Оставляя на ответственности нашего досужего критика этот просто несоответствующий действительности факт, поинтересуемся мотивами, которые заставили автора прибегнуть к такой «исторической» фальсификации. «Согласно марксизму рабочее движение и «диктатура пролетариата» не что иное, как внедрение руководящей идеи в аморфные массы».

Господин Востоков метит далеко. Он хочет сказать, что, в сущности, Октябрьская революция и все дальнейшее развитие ее — дело, навязанное «аморфному» русскому народу, не сумевшему оказать должного сопротивления кучке политиков... в том числе и нашим историкам, проповедующим доминирующее значение политического фактора; на самом деле Октябрьский переворот и все последующее за ним — незаконные с точки зрения исторического процесса явления. Вот куда «загибает» наш «объективный», чуждый политике и партийным интересам критик.

Но обратимся к другому тезису Востокова. Пространно цитируя работы старых славянофилов, знаменитых византологов, он приходит к заключению, что со смертью последнего из них, Ф. И. Успенского, и других из «могилок», принужденных эмигрировать из «варварской большевистской страны» за границу, эта важнейшая часть исторической науки погибла окончательно в России. Зато... зато ее место заняли вопросы изучения революции: Великой французской, Парижской Коммуны и др. Это, конечно, симптоматично. При этом наш критик расшифровывает свои затаенные политические опасения, когда намекает на то, что изучение революционных переворотов нужно современным русским историкам не только для проверки своего собственного революционного опыта, но и для будущего международного опыта.

Третий наиболее интересный тезис Востокова: русские историки уделяют в своих работах чрезмерно много места вопросу террора. В различных исторических эпохах — Французской революции, Парижской Коммуне и др. они ищут оправдания современному террору в России. «Русские марксисты, — пишет наш критик, — с особенным усердием стараются найти во французских исторических работах апологию террора. Они очень недовольны, если они не могут

найти этого. Мотивы такого поведения ясны: русская историческая наука пытается придать легальный характер терроризму советского правительства».

Вот в чем, оказывается, политический смысл современной русской исторической науки. Историческая наука в России — «покорная служанка политической партии» — слышим мы старые перепевы буржуазных историков и критиков. Где ей до высоких «объективных» задач, которыми руководствуется она в странах цивилизованной капиталистической Европы. Но напрасно господин Востоков прикидывается таким «беспристрастным летописцем». Он, как и сочувственно цитирующий его Матвеев, ссылками на «партийный» характер нашей исторической науки, хочет скрыть подлинный классовый характер исторической науки в буржуазной Европе. Было бы достаточно указать на один факт, что конгресс французских историков в 1930 г. собирался в Алжире в дату столетия оккупации Алжира Францией. Более яркой демонстрации угодничества перед империалистической олигархией трудно было придумать. Востоков пытается противопоставить «политикам-марксистам» подлинных историков «русской школы», добросовестно занимавшихся экономикой. Политическая деятельность Тарле на службе французского империализма, достаточно явственно пронизывавшая его историческую деятельность, служит достаточным ответом Востокову. Марксистская историческая наука не скрывает своей партийности, в противовес лицемерию буржуазных историков. Она служит интересам рабочего класса, и этот классовый ее характер и дает ей гарантию подлинной научности и подлинной объективности. Критики же, подобные Востокову, на самом деле защищают на страницах «Славянского мира» реакционную, контрреволюционную политику французского правительства, открыто наступающего на первое пролетарское государство. Это очень ясно, в особенности это становится до прозрачности ясным во времена такой острой классовой борьбы, какую переживает Советский Союз внутри и вовне в период своего бурного социалистического строительства.

Наступление против историков-марксистов Советского Союза, которое т. Востоков ведет во имя «беспристрастия исторической науки», есть звено идеологической подготовки интервенции.

А. Г.

ИСТОРИЯ В ИСКУССТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

И. С. РАБИНОВИЧ

ХУДОЖНИК-КОММУНАР ГУСТАВ КУРБЕ

Густав Курбе, один из крупнейших художников XIX в., был начинателем реалистического движения, охватившего всю Европу в начале 50-х годов.

Но Курбе вошел в историю не только как художник, сказавший новое слово в искусстве, но и как человек, теснейшим образом связавший свое имя с первой рабочей революцией — Парижской Коммуной. Если одни буржуазные искусствоведы, в своих писаниях о художнике умалчивают об этом столь важном факте его жизни, то другие пытаются представить этот факт как печальное недоразумение, как злополучную случайность. Еще так недавно один из наиболее авторитетных искусствоведов в Германии Меер-Греффе в статье о Курбе кратко характеризует участие художника в Коммуне: «К сожалению, в Курбе сказался политический заблуждающий: в 1871 г. он принял участие в Коммуне». Характеристика, сделанная Меер-Греффе, подказана лишь классово-ненавистью к художнику, впервые выступившему в искусстве сторонником пролетарской революции.

За первым выступлением Курбе в искусстве («Автопортрет» 1844 г.) следует его первое политическое выступление. В 1848 г. он оказывается вместе с рабочими парижских предместий на баррикадах и только случайно избегает расстрела. С этого момента вся деятельность Курбе представляет беспрерывно нарастающий и обостряющийся конфликт с современным ему буржуазным обществом.

В 1850 г. появляется картина Курбе «Похороны в Орнае», работа, признанная теперь замечательным произведением своего века. Окружающие гроб 45 крестьян, нарисанные в натуральную величину, исполнены беспощадной правды. Картина возбудила против себя «общественное мнение» своей «вульгарностью» и «прозаичностью». Вслед за «Похоронами», появляются «Фламандские крестьяне», опять неприкрашенная действительность, еще один удар художе-

ственной рутине — и новые взгляды, изумления и отвращения французских буржуа.

В 1851 г. Курбе заканчивает картину «Пожар в Париже»: вокруг горящего здания работают в дыму и огне рабочие в блузах, а поодаль группа раздетых мужчин и женщины смотрит на работающих. Правительство спешит наложить запрет на картину: свежая еще память о героической борьбе пролетариата в дни 23 и 24 июня 1848 г. заставила испуганное правительство увидеть в этой картине «подстрекательство к мятежу».

В работе Курбе «Каменотесы» 1865 года рабочий впервые вступает во французское искусство: две фигуры рабочих на фоне скал при свете вечерних сумерек дышат мощной жизнью. В этой вещи впервые в живописи выражена динамика труда, его профессиональная правда. Эти грязные люди в лохмотьях вывалили возмущение как «неслыханно вульгарный сюжет», и жюри всемирной выставки в Париже отдало работам Курбе какой-то отдаленный угол. Художник забирает свои холсты и выставляет их отдельно в специально воздвигнутом деревянном бараке, рядом с богатым сооружением всемирной выставки.

С этих пор двери парижского Салона для Курбе закрываются на долгие годы.

Но возмущение буржуазного общества достигает высшей меры, с появлением в 1866 г. работы Курбе «Возвращение аббата с приходской конференции»: сцена пьянства «святого» отца на большой дороге на виду у бедных крестьян и у подмокнула душа, на котором сделана икона. Картина была квалифицирована как оскорбление религии и не допущена на выставку. Пресса подняла вой, посыпались угрозы по адресу художника. Какой-то богобоязненный англичанин предательски приобрел картину, и она была сожжена в Генте.

Были и попытки власть имущих привлечь внимание художника, но эти попытки

Густав Курбе

Каменотесы

встретили с его стороны самый резкий отпор. Министр искусства Второй империи Ришар наградил Курбе орденом Почетного легиона. Но художник вернул орден с письмом, в котором пишет: «Мои гражданские убеждения противятся тому, чтобы я принял стилище, происходящим связанное с монархическим строем».

Курбе демонстративно отказывается продать свои картины Наполеону III, а также русскому министру иностранных дел Горчакову.

По мере возрастания политических событий растет и политическая активность Курбе. Когда после 4 сентября Франция стала республикой, Курбе обращается к правительству Национальной обороны с предложением сбросить Вандомскую колонну «как памятник, лишенный всякой художественной ценности и в то же время увековечивающий идеи войны и победы».

Вслед за этим Курбе обращается 29 ноября 1870 г. к немецким художникам с письмом: «Бросьте ваши пушки Круппа, мы их сплавим вместе с нашими. Последнее оружие, обращенное жерлом в воздух, украшенное фригийским колпаком, установим на пьедестал, утвержденный на ядрах, и этот колоссальный памятник поставим на Вандомской площади. Это будет нашей колонной, нашей и вашей, колонной двух народов, навеки федерированных».

С возникновением Коммуны Курбе сейчас же становится в ее ряды. Он делается деятелем, работником Коммуны далеко до того, как на дополнительных выборах 16 ап-

реля он был выбран в ее члены. Он выпускает «Манифест к художникам Парижа» в котором призывает их всеми силами содействовать восстановлению духовной жизни, оживлению искусства. «Революция тем более законна и справедлива, — говорится в Манифесте, — что она исходит от народа. Ее апостолы — рабочие». Манифест заканчивается: «Наша эра начинается... Прощай, старый мир!»

Результатом этого Манифеста была организация «Федерации художников Парижа», объединившей работников искусства всех родов художественного оружия.

Курбе весь уходит в работу, причем самую разнообразную. Он был президентом Федерации художников и уполномоченным Коммуны по делам пространственных искусств, а в то же время мы встречаем его фамилию рядом с подписью Варлена на приказе по жилищному вопросу.

В письме к отцу от 30 апреля Курбе пишет:

«Волею народа я целиком погрузился в политические дела: председатель федерации художников, член Коммуны, делегат в мери, делегат по народному образованию — вот важнейшие мои четыре должности. Я встаю, завтракаю, потом заседаю, председательствую 12 часов в день. Несмотря на крайнюю усталость, необходимо разбираться в делах для меня непривычных. Я в восторге. Париж стал истинным раем. Ни полиции, ни глупостей, никаких взысканий. Всегда бы ему остаться таким...

В передышку ходим драться с версальцами. Пусть они воюют с нами 10 лет — к нам им не войти! А когда мы их впустим — Париж станет их могилой... Чудовище — Тьер нас не победит... Мы восстанавливаем простую жизнь, восстанавливаем человечность. Если бы понадобилось за такое дело преждевременно умереть — это лучшая смерть, какую можно пожелать себе...»

С именем Курбе связано низвержение Вандомской колонны. Уничтожение колонны было давней мечтой Курбе. Ближайшее участие его в этом акте подтверждается также изумительным сходством стиля «Манифеста к художникам» со стилем декрета Коммуны, его заключительными словами: «С этого времени Вандомская площадь будет называться «Международной площадью»».

Можно также с достаточным основанием утверждать, что неслучайно 12 апреля, которым датирован декрет о свержении Вандомской колонны, датирует также и следующий декрет Коммуны: «Коммуна уполномочивает Густава Курбе, избранного на общем собрании художников председателем, восстановить в кратчайший срок в их нормальном состоянии музеи города Парижа, сделать галереи доступными для публики и возобновить в них обычную работу. Ком-

муна уполномочит для этой цели 46 делегатов, которых подлежит наметить на открытом заседании завтра, в четверг».

Есть также указание на то, что Курбе был 16 мая на Вандомской площади во главе революционной толпы, когда статуя Наполеона была низвергнута к ногам восставшего пролетариата.

26 мая версальцы заняли Париж, а уже через два дня, 28 того же месяца, парижская пресса, торжествуя, описывает казнь Курбе, «художника и величайшего мошенника, от которого общество, наконец-то избавилось». Но Курбе не было среди расстрелянных коммунаров, где я Версальские палачи сохранили ему жизнь, чтобы предать его долгим, мучительным пыткам. Он пишет в одном письме:

«Меня волокли по улицам Парижа и Версаля, подвергали всяким несправедливостям. Заставляли гнить в тюремных камерах, где я доходил до потери рассудка и физических сил. Я спал на полу в грязи. Вокруг нас умирали люди. Меня перевозили из одной тюрьмы в другую в повозках с ружьем или револьвером, приставленным ко лбу. Это длилось три месяца. Нет возможности описать всего, что происходило...»

Курбе предстал перед судом в числе пятнадцати захваченных членов Коммуны и был приговорен к шестимесячному тюремному заключению и 500 франкам штрафа.

Но несравненно более жестоким, чем официальный суд, оказался суд общественного мнения буржуазного общества. Во время заседания суда Дюма-сын опубликовал в «Руанском нувеллисте», а потом выпустил отдельной брошюрой полную звериной злобы статью против Курбе. Как же иначе можно характеризовать следующие строки «произведения» знаменитого писателя: «Скажите на милость: каким баснословным совокуплением павлина и улитки, из каких половых противоречий, могла народиться эта вещь, которую зовут Густавом Курбе? Под каким колоколом, с помощью какого навоза, из какой смеси вина, пива, едкой слизи и раздутых волдырей могла вырасти эта звонкая и мохнатая тыква, это воплощение бессмысленного и бессильного? Как не назвать это создание фарсом господ бога, если бы бог, которого это же существо хотело уничтожить, был способен на фарсы и вмешивался в такие вещи».

Злоба вокруг Курбе не умолкает и по выходе его из тюрьмы. Во время заседания жюри, перед открытием салона 1872 г., художник Мейсанье, восторженный певец Наполеона и участник усмирения восставших рабочих в 1848 г., провозгласил, что Курбе никогда больше не должен быть допущен на выставки, что на него надо смотреть как на мертвого. Это решение было фактически осуществлено. Картины Курбе были отклонены салоном. Курбе отправляется в свой родной город Орнан, но и здесь он наталкивается на дикую травлю,

Густав Курбе

Федераты в тюрьме

Шарж Шами

Наказание Курбе. Он назначен сторожем при восстановлении Вандомской колонны.

его статуя «Мальчик-рыбак», некогда подаренная городу и украшавшая колодец, уничтожена, дело доходит до сбора подписей о выселении художника.

Поход прессы против художника-коммунара продолжается, в результате чего возбуждается против него дело о взыскании издержек за разрушение Вандомской колонны. Суд приговаривает Курбе к уплате 323.000 франков, он был вынужден покинуть Францию. Курбе умер в 1877 г. в Швейцарии.

И смерть не примирила французскую буржуазию с художником-коммунаром. Еще в начале нашего века французское правительство дало директиву воздержаться от издания книг о Курбе. А совсем недавно, в 1927 г., была опубликована в французском журнале «Живое искусство» статья Жоржа Граппа, в которой мы читаем: «Хотят ли этого или нет, соглашаются ли это признать или отрицают очевидность, но автору «Каменотесов» еще не дано право пользоваться той законной славой, которую ему, несомненно, даст будущее. Конечно, никто не осмеливается отрицать его гениальность, каждый признает громадное место, занимаемое им в истории живописи. Но вместо того чтобы заняться его биографией, до сих пор с остервенением воспроизводят тысячи легендарных черт, преувеличенных или искаженных, которые благодаря злобе хроникеров или ненависти политических партий сгруппировались вокруг его имени... Бесконечное чувство недоверия продолжает окружать его славу».

Курбе до конца остался верен рабочему классу — в тюрьме и в изгнании он создал несколько десятков рисунков и одну картину на тему Парижской Коммуны. Эти работы почти все погибли, и об этом приходится жалеть. Среди множества графических работ, изображающих Коммуну рукою равнодушных свидетелей, а подчас и рукою врага, работы Курбе, сомнения нет, заняли бы исключительное место.

Участие Курбе в рабочей революции, было не случайно, как и не случайно то, что в его творчестве рабочий впервые вступил в искусство. Он шел от инстинктивной вражды к буржуазному обществу, от стихийного протеста против этого общества к более четким социалистическим воззрениям, которые выявились у него вместе с ростом классовой борьбы. В этом отношении его художественная и политическая деятельность едины, они определены двумя знаменательными датами: 1848 г. и 1871 г.

ПОЭТ КОММУНЫ — ЭЖЕН ПОТЬЕ

Эжен Потье, написавший текст «Интернационала», был участником двух революций (1848 г. и 1871 г.), их баррикадным бойцом и поэтом. Он пришел на баррикады из рабочего квартала, где он провел свое детство. Потье был сыном рабочего, с детства занимался, как и его отец, тяжелым трудом упаковщика; потом переменял эту профессию.

Потье — в подлинном смысле поэт революционного пролетариата. Подобно Бланки, он был убежден, что вооруженное восстание и революционная диктатура — единственный путь освобождения рабочего класса. Этих убеждений не сломали ни реакция после 2 декабря 1851 г. (когда Луи-Наполеон превратил республику в монархию), ни резня Галифе в мае 1871 г., ни бешеная реакция Буланже в 80 годах.

Потье, будучи активным деятелем Парижской Коммуны, (он работал над составлением декретов о военных обязанностях о квартирной плате, о ломбарде и над созданием Комитета общественного спасения), защищал ее с оружием в руках. Спасся он от майской расправы благодаря случайности, бежал в Англию, оттуда — в Соединенные Штаты и вернулся на родину только после амнистии в 1880 году. Несмотря на все эти испытания, он остался до конца таким же непримиримым революционером, как Бланки. На кладбище Пер-Лашез Потье проводили 10 000 парижских пролетариев. Эти же товарищи выпустили в 1887 г. его «Революционные песни». Памятник на могиле Потье представляет собой раскрытую мраморную книгу с надписью «Chants revolutionnaires» («Революционные песни»).

Л. Г.

ЖАН-БЕДНЯК

В лохмотьях, голоден, устал,
У стоков грязного квартала,
Как падаль, Жан-Бедняк лежал.
«Жизнь, — он взывал, — тебе все мало?»

Нет звездверху, и нет друзей,
Вот площадь черная, пустая.
Будь сухо, я б уснул на ней,
Но ливень, не переставая...

Что ж, умереть на мостовой?
Нет хлеба, рублища и крова.
Карман дырявый и пустой.
Я жить не захотел бы снова...

Свой век провел я в мастерских.
Теперь валяюсь по бульварам.
И слишком много дел таких
В проклятом мире, в мире старом.

Грязь и неумолимый труд.
Околевай или работай!
И с нами в стачку не войдут
Те, что в фуражке с позолотой.

Пример их нам глаза слепит.
Хранят семью и чистят дула:
На их войне мой сын убит,
Их роскошь дочь мою свихнула.

От веры воронам доход,
Сгребают золото сутаны.
Их бог нас за руки берет,
Пока нам вывернут карманы.

Но был и мой чулан объят
Зарей от края и до края.
Я взял ружье, как федерат,
Под красным знаменем шагая.

И после — кровь среди бела дня...
Был май, и воздух пел, как струны.
И я, лишь вывели меня,
Сказал: «Да здравствует Коммуна!»

Пусть палачи свершают пир!
Пусть! Пули встретим, не сгибаясь!
До тла прогнил весь этот мир,
Я с ним, как с каторгой, прощаюсь!»

И в морг на грязь холодных плит
Втолкнула смерть его ногою,
И новых жертв набрать спешит,
Изнеможенных нищетою.

НА СМЕРТЬ БЛАНКИ

К покойнику в квартиру на четвертом
По лестнице толпа печально шла.
Париж рабочих — блузы без числа,
Их жены, дети — в латанном, потертом.

Забыв насущный хлеб, несхожий с тор-
том,

Шли трое суток. Очередь была
На улице и — слезы у стола.
Я тоже ждал, чтобы проститься с мерт-
вым.

Равны, учил он, в мире люди все.
Земля, кружащая, как белка в колесе,
Себя измаяла ты, нас измаяв.

Услышала б хотя б теперь, как мы,
Бойца в гробу — как раньше из тюрьмы,
Он говорил: «Прочь бога, прочь хозяев!»

4 января 1881.

Переводы Александра ГАТОВА

КАК ЗАНИМАТЬСЯ ПО ИСТОРИИ

Р. АВЕРБУХ

ЧТО ЧИТАТЬ ПО ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

Настоящий обзор ставит задачей указать на самое ценное из всего написанного по Парижской Коммуне, подчеркнуть значение коммунистической литературы и ее достижений в области исследования Коммуны, а также указать книги буржуазных и мелкобуржуазных историков и политиков, извративших подлинный смысл Коммуны.

Первый опыт создания диктатуры пролетариата произошел при жизни Маркса и нашел достойную оценку в его работах. Работа «Гражданская война во Франции в 1871 г.» («Библиографический марксист», 1926 г.) дает определение сущности Коммуны, а также ее исторического значения. Парижская Коммуна была, по словам Маркса, «политической формой экономического освобождения труда». Величайший исторический смысл Коммуны в том, что она впервые в истории рабочего класса наметила конкретные пути его освобождения, попыталась реально осуществить диктатуру пролетариата. Коммуна предприняла ряд мер к тому, чтобы разбить бюрократическую военную машину старого государства, уничтожила полицию, провела отделение церкви от государства, установила сменяемость судей и всех чиновников и т. д.

Коммуна, будучи национальным правительством «в то же время являлась международной в полном смысле этого слова... Коммуна присоединила к Франции рабочих всего мира» (Маркс, «Гражданская война во Франции в 1871 г.»).

Маркс, отмечая ошибки и слабости Коммуны, вместе с тем подчеркивал то бессмертное в ней, что должно стать достоянием пролетариата на дальнейшем пути его классовой борьбы.

Теоретики и публицисты II Интернационала пытались объявить Парижскую Коммуну «своей», подтверждающей их учение, причем они извратили как понимание самой Коммуны, так и смысл уроков французской революции 1871 г., которые были вскрыты Марксом и Энгельсом. Маркс в своем анализе Парижской Коммуны дал ответ на конкретно-политический вопрос, надо ли разбить старую государственную машину и чем ее заменить. Э. Бернштейн в своих «Предпосылках Социализма» извратил положение Маркса о том, что рабочий класс должен разбить, сломать, взорвать всю государственную машину. У Бернштейна выходило так, будто бы Маркс предостерегал этими словами рабочий класс против чрезмерной революционности при захвате власти.

Достоинством преемником Э. Бернштейна в искажении Коммуны явился К. Каутский. В своей книге «К критике теории и практики марксизма» (рус. пер. ГИЗ, 1923) он ставит все позиции оппортунизму в понимании Коммуны.

Каутский в этой книге ни словом не оговорился, что нового дал 1871 г. по вопросу о ломке буржуазной демократии; в его изложении получалось так, что победивший пролетариат «осуществит демократическую программу» и только. Точно такой же позиции по вопросу о Коммуне держится Каутский в книге «Республика и социал-демократия во Франции» (ГИЗ, Петроград, 1920 г.). Здесь К. Каутский пишет, что «практические требования и попытки организации в Коммуне сводились к типу демократической республики, который уже выставила Великая революция». Венцом фальсификации в понимании Коммуны явилась его книга «Диктатура пролетариата» (вышла в Вене в 1918 г.), где противопоставлялась советской власти Парижская Коммуна, как «чистая демократия», построенная на прин-

ципах всеобщего голосования, «без лишения» буржуазии ее избирательных прав, «демократически».

К этого же рода литературе относится книга Дюбрейля, вышедшая в серии «Социалистической истории» Франции, редактируемой Ж. Жоресом, «Коммуна 1871 г.» (русск. перев., ГИЗ, Петербург, 1920 г.). В ней автор доказывает, что если бы Коммуна восторжествовала, то она могла бы демократизировать существующие политические учреждения, проложить рабочему классу его пути, но помимо этого Коммуна ничего бы не дала.

Решительный отпор всем оппортунистическим извращениям Парижской Коммуны, руководителям II Интернационала дал в своих работах т. Ленин.

Тов. Ленин неоднократно обращался к Коммуне, к тому движению, которое впервые поставило конкретно вопросы диктатуры пролетариата. В своей большой работе «Государство и революция», написанной в августе—сентябре 1917 г. (собр. соч., т. XIV и II), он дал яркую оценку Парижской Коммуне, как первому пролетарскому государству. Здесь Ленин развивал, расширял и дополнял основные положения Маркса о Коммуне. Ленин защищал подлинный смысл Коммуны от оппортунистических извращений Бернштейна, Каутского и компании. Парижская Коммуна была не «чистой демократией», а диктатурой, писал Ленин. «Разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией. На самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода».

Тов. Ленин в своих работах о Коммуне является не только учеником Маркса, но и гениальным его продолжателем, применяющим методы марксизма в новых условиях, творящий новое слово ленинизма. Уроки Парижской Коммуны, доказывал т. Ленин в другой брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (сб. соч., т. XV), дали тип государства, который привлекает эксплуатируемые массы к управлению, поэтому Парижская Коммуна есть приобщение к власти Советов, есть первый всемирный исторический этап в развитии диктатуры пролетариата.

С точки зрения тех проблем, которые были намечены Марксом и Лениным, сгруппирована нами в дальнейшем имеющаяся довольно обширная литература как русская, так и переводная, полезная для изучения первой пролетарской революции.

Одним из лучших исследований по истории Парижской Коммуны является работа Н. Лукина (Антонова)—«Парижская Коммуна» (вышла в 3-м издании в 1926 г. Изд-во Комкалемеи). Слевуя за Лениным, он изучает Коммуну как диктатуру пролетариата. В работе т. Лукина специальная глава посвящена социально-политической деятельности Коммуны, последняя включает вопросы рабочей политики, отношении Коммуны к крестьянству и т. д. Отдельная глава посвящена анализу борьбы партии: уделено внимание и военной истории Коммуны. Книга Лукина является важным пособием при изучении Парижской Коммуны.

Хорошим марксистским пособием является книга Степанова—«Парижская Коммуна 1871 г.» (Издание «Красный Пролетарий», 1929 г.). Автор изучает французскую революцию 1871 г. с точки зрения опыта пролетарской революции и значение этого опыта для Октября. Необходимо упомянуть известную книгу Лаврова «Парижская Коммуна» («Прибой», 1925 г.), которую следует отнести к классическим работам по Коммуне.

Однако, на книге лежит некоторая печать народнической концепции. Лавров недооценил силу сопротивления буржуазии в эпоху Парижской Коммуны, не дал полного обоснования причин поражения пролетариата.

Полезны две небольшие работы, ставящие задачу популяризации Парижской Коммуны: работы Молока и Слуцкого. Обе эти работы не имеют самостоятельного научного значения, но написаны с точки зрения последовательного марксизма. Молок в «Парижской Коммуне 1871 г.» («Прибой», Ленинград, 1927 г.) дает богатый фактический материал, в виде приложения к книге даются документы; тов. Слуцкий в «Парижской Коммуне» (Изд. Коммунист. универ. им. Свердлова, Москва, 1925 г.), не давая подробного изложения истории Коммуны, затронул ряд общих проблем. Специальные главы посвящены отношению революционного движения к I и II Интернационалам, в особой главе автор излагает оценку Коммуны Лениным.

Брошюра Молока «Парижская Коммуна и крестьянство» (ГИЗ, Л. М., 1925 г.) затрагивает чрезвычайно актуальную тему в истории «Парижской Коммуны», проблему смычки города с деревней. Автор использовал значительный материал прессы этой эпохи. Руководящая роль в Коммуне принадлежала бланкистам и якобинцам, плохо разбиравшихся в социальных вопросах и склонных преувеличивать свои силы. Поэтому так ничтожны были попытки идейно воздействовать на крестьянство и привлечь его на свою сторону. В очерках «Быта и культуры Парижской Коммуны», принадлежащих тому же автору (ГИЗ, 1924 г.), рисуется интеллигентная общественная жизнь Коммуны. Первый очерк посвящен вопросам борьбы за советскую школу, второй дает историю массового движения, рисует жизнь клубов, во время эпохи Коммуны, третий посвящен женскому движению.

Брошюра Мориса Домманже («Прибой», 1927 г.) посвящена деятельности одной из центральных фигур рабочего движения 60-70 годов, руководителю французской секции Международного товарищества рабочих, видному деятелю Коммуны — Эжену Варлену.

Антирелигиозной политике Коммуны в борьбе с церковной контрреволюцией посвящена популярная брошюра Шика «Парижская Коммуна и церковь» («Атеист», 1929 г.), подобраны в сборнике документы и материалы Молока «Парижская Коммуна в документах и материалах» («Прибой», 1925 г.).

Необходимо упомянуть об обширной мемуарной литературе, нередко очень ценной. Важно указать на книгу «Коммуна» (ГИЗ, 1926 г.) Луизы Мишель, активной участницы Коммуны. Книга вся пропитана острой ненавистью к врагам рабочего класса и непоколебимой верой в конечное его торжество. «История Коммуны 1871 г.» Лиссагаре (Петербург, «Знание», 1906 г.) — одна из лучших книг, написанных участниками Коммуны. Здесь дается яркая история революционного движения. Недостатками ее является некоторый субъективизм в оценке отдельных деятелей Коммуны и невнимание автора к вопросам идеологии и программы революции 18 марта. К числу ценной мемуарной литературы относится книга Густава Лефрансе — «Воспоминание коммунара» (Изд. «Прибой», 1925 г.) и книга Максима Вильома — «В дни Коммуны» («Прибой», Ленинград, 1925 г.).

К того же рода литературе относятся небольшие брошюры — «Бессмертная Коммуна» (Изд. ЦК МОПР, 1928 г.) с воспоминаниями ветеранов, участников Парижской Коммуны, Густава Инара, Антуана Ге и др., а также Арента «В дни Коммуны» (Изд. ЦК МОПР, Москва, 1929 г.).

На ряду с коммунистической литературой существует довольно обширная мелкобуржуазная, а также буржуазная, литература по Парижской Коммуне.

В книге современного французского историка Бурже на «История Коммуны» (на французском языке вышла в 1907 г., в 1926 г. переведена на русский язык. Изд. «Прибой», Ленинград) дано только изложение событий. Проблема движущих сил революции, роль мелкой буржуазии и крестьянства, роль партий, место Коммуны в истории борьбы пролетариата — все эти вопросы сознательно оставлены в стороне. Мелкобуржуазная концепция выявлена в книге Талеса — «Парижская Коммуна» (изд. «Прибой», 1925 г.). Книга дает увлекательное описание отдельных моментов революции 1871 г. Но никакого классового анализа в книге нет: пролетариат отодвинут на задний план, автор предпочитает освещать деятельность отдельных людей. Буржуазный историк Н. Кареев в книге «Парижская Коммуна 1871 г.» (Петроград, 1917 г.) доказывает, что пролетариат взялся за оружие в защиту оскорбленного патриотизма, но он не имел никакой политической идеи, которая его объединяла бы и никакой социальной программы. С большой осторожностью нужно отнестись к книге анархиста Сажиана (Армана Росс) «В дни Коммуны», где автор дает совершенно неправильное определение марксизму и деятельности Коммуны.

Читателя также необходимо предостеречь от использования многочисленных халтурных сборников о Коммуне, худшими из которых является ряд клубных сборников Малюченко — «Парижская Коммуна» (изд. «Буревестник», Ростов н/Д. 1925 г.).

СПИСОК КНИГ О КОММУНЕ¹

Монографии. Исследования. Общие труды

- * Н. Маркс. «Гражданская война во Франции в 1871». Библиотека марксиста. М. Л. 1926 г.
- * Н. Ленин. «Государство и революция». Собр. соч., т. XIV.
- * Н. Ленин. «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Собр. соч., т. XV.
- * Н. Ленин. «Парижская Коммуна». Сборник статей и отрывков. Изд-во «Пролетарий». 1925.
- * Н. Лукин (Н. Антонов). «Парижская Коммуна 1871». Изд. 3-е. Изд-во Коммунист. Акад. 1926.
- * Н. Свирцов-Степанов. «Парижская Коммуна 1871 и вопросы тактики в пролетарской революции». Изд. 3-е. ГИЗ. Изд-во «Красный Пролетарий». 1929.
- ** П. Лавров. «Парижская Коммуна 18 марта 1871 г.». Рабочее изд-во «Прибой». Ленинград, 1925.
- * Л. Слуцкий. «Парижская Коммуна». Изд. Ком ун-та им. Свердлова. Москва, 1925.
- Н. Талес. «Парижская Коммуна. 1871 г.» Рабочее изд-во «Прибой». Л. 1925.
- А. Молок. «Парижская Коммуна 1871 г.» Изд-во «Прибой». Л. 1927.
- * А. Молок. «Парижская Коммуна и крестьянство». ГИЗ. Л. М. 1925.
- Его же. «Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 г.» ГИЗ. Л. 1924.
- Балабанов. «Россия и европейские революции в прошлом». Парижская Коммуна». ГИЗ. Украина. 1925.
- Морис Домманже. «Коммунар Варлен». Изд-во «Прибой». Л. 1927.

Книги, написанные участниками и свидетелями Коммуны

- ** Луиза Мишель. «Коммуна». ГИЗ. 1926.
- Арну. «Мертвецы Коммуны». ГИЗ. 1925.
- Арну. «Народная история Парижской Коммуны».
- ** Лиссагаре. «История Коммуны 1871 г.». Петербург. Изд-во «Знание». 1906.
- ** Густав Лефрансе. «Воспоминания коммунара». Изд-во «Прибой». Л. 1925.
- ** Максим Вильом. «В дни Коммуны». Изд-во «Прибой». Л. 1925.
- В. Арент. «Дни Коммуны». Изд. ЦК МОПР. Москва. 1929.
- ** «Бессмертная Коммуна». Воспоминания ветеранов, участников Парижской Коммуны. Изд. ЦК МОПР. Москва. 1928.

¹ Этот указатель дает перечень только главнейших работ по Парижской Коммуне. Одной звездочкой отмечены основные марксистские пособия, двумя — необходимые как минимум.

«БОРЬБА КЛАССОВ» будет помогать своим читателям в изучении истории, давать ответы на все индивидуальные и коллективные запросы. В отделе «Как заниматься по истории» будут систематически печататься указания, что и как читать по наиболее важным, актуальным историческим вопросам.

Создавайте на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, на рабфаках и фабзавучах кружки читателей «Борьбы классов»!

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА

К седьмой годовщине смерти **Владимира Ильича Институт Ленина** были подготовлены и опубликованы работы: XV «Ленсборник», закончивший собой публикацию серии документов из эпохи раскола РСДРП 1903—1904 г., XVI «Ленсборник», посвященный 25-летию юбилею первой русской революции и содержащий исключительно документы до 1905 г. В конце ноября 1930 г. вышел III том «Избранных произведений» Ленина. В апреле намечен выход XXIV тома собрания сочинений (по обим изданиям). В марте выйдет в свет XVII «Ленсборник». В этом сборнике продолжена начатая XIV сборником публикация серии документов по международному рабочему движению эпохи мировой войны. Основным содержанием послужили чрезвычайно интересные материалы (тезисы, статьи, выписки Ленина), рисующие позицию швейцарской с.-д. во время империалистической войны 1914—1918 г., ее отношение к левым. В сборник войдут рефераты Ленина по национальному вопросу. Это ряд докладов, прочитанных им в период 1913—1916 г. в Швейцарии и Кракове, и запись прений по этим докладом. В них Ленин полемизирует с польскими и украинскими с.-д. по вопросу о самоопределении наций. Туда же войдет переписка Ленина с редакцией органа Троцкого «Наше слово» и ряд других документов того периода. Печатается также XVIII «Ленсборник». В него вошли документы по 1918 г.

Борьба на фронтах внешней и внутренней контрреволюции, борьба за хлеб — таковы острейшие вопросы, вставшие перед советской властью. Им посвящен ряд документов и материалов этого сборника. Таковы: «Тезисы по текущему моменту», где Ленин призывает рабочий класс и бедноту «пойти армией и завоевать хлеб»; обращение к рабочим с разъяснением о продовольственном положении; «Продовольственные тезисы», материалы о кулацком восстании в Пензенской губ., документы об истории переговоров с буржуазными кооператорами, ставшими на путь борьбы и саботажа продовольственной политики советской власти.

К седьмой годовщине смерти Ильича вышла в свет отдельной брошюрой работа В. Г. Со р и н а «В. И. Л е н и н. 1870—1924 г. Краткая биография». Первоначально она была напечатана в первом томе «Избранных произведений» Ленина, выходящих в издании Института Ленина. «Краткая биография», как указывает автор в предисловии, ставит целью дать лишь самое общее и первоначальное представление об основных фактах из биографии Владимира Ильича. Однако и в этой краткой биографии с исчерпывающей полнотой изложены основные факты из жизни и деятельности В. И., дана история развития ленинских идей, показана многогранная жизнь Ленина, как человека. Будучи написана живо и просто, она безусловно удовлетворит потребность самого широкого круга читателей знать жизнь величайшего вождя мирового пролетариата.

В ближайшее время выйдут в свет «Д а т ы ж и з н и и д е я т е л ь н о с т и Л е н и н а», представляющие сводку так называемых «Основных век жизни». Последние в виде приложения давались ко всем томам II и III издания сочинений Ленина.

В «Датах жизни и деятельности Ленина» прослежена вся жизнь Ильича, день за днем, все данные точно проверены, снабжены ссылками на обосновывающие их документы. Отмечены все выступления Ленина, время написания им книг, статей, работа на съездах и конференциях. В виде приложения «Даты жизни» снабжены указателем городов и стран, где жил или был проездом В. И. Ленин.

Сектором биографии Ленина ведется работа по подготовке сборников по отдельным периодам жизни и деятельности Ленина.

В содержание сборников по научной биографии Владимира Ильича войдут: документы о Ленине; все наиболее ценные мемуары партийных и общественных деятелей, соприкасавшихся с Вл. Ильичем по работе, критические обзоры этих воспоминаний (библиографические указатели их), даты жизни Ленина за соответствующий период; список и краткие биографии лиц, с кем был Ленин связан в это время, перечень статей и произведений Ленина за указанный период и произведений, над которыми работал Владимир Ильич.

Уже начата работа по трем периодам: самарскому, казанскому и сибирскому. Самарский сборник предполагается выпустить в свет в первой половине текущего года.

М. БОБРИКОВА

В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ КОМАКАДЕМИИ

В институте истории при Комакадемии организована в начале февраля секция истории народов СССР. Выделено бюро в составе т. т. Горина (председатель), Мамет и Кузнецова И. (секретарь). Бюро решило приступить сейчас же к созданию кабинета истории народов СССР, где будут собраны книги, журналы и газеты на всех языках, касающиеся истории народов Союза.

7 февраля под председательством М. Н. Покровского прошло первое собрание секции. Во вступительном слове М. Н. Покровский остановился, главным образом, на том, какое значение имеет реконструкция «Русской истории» в «Историю народов СССР». «Дело не только в том, — сказал он, — что мы, изменяя это название, подчеркиваем переход от насильственного объединения народов, некогда живших в пределах бывшей Российской империи, к свободному объединению тех же народов, а дело идет действительно о постановке настоящей истории этих народов.

Целый ряд народов не имеет еще пока своей истории, и пока они не имеют своей истории, говорить об «Истории народов СССР», как о чем-то реальном нет никакой возможности. Эту историю нужно создать, и это сейчас является нашей очередной задачей.

Первым был заслушан доклад т. Мамета «Революция 1905 г. и союз якутов» о национальном движении якутского крестьянства и интеллигенции в период первой российской революции.

В секции будут заслушаны еще несколько докладов, посвященных революционным движениям в 1905—07 г. (докл. т. Кузнецова — О крестьянском движении в Чувашии, т. Ясинского — О крестьянском движении в Польше). Кроме того, в феврале совместно с Институтом народов Востока состоялся доклад т. Шестакова — О восстании в Казакстане и Узбекистане в 1916 г.

Доклады о революции 1905 г. войдут в сборник, посвященный национальным движениям в период первой революции среди народов СССР, где будут помещены статьи об Украине, Белоруссии, Закавказье, Туркменистане, Татарии, Башкирии и др.

Секция готовит к изданию сборник «Против великодержавного шовинизма и местного национализма в историографии народов СССР». К концу года, т. е. к 2 Всесоюзной конференции историков-марксистов, предполагается выпуск сборника статей «Проблемы изучения народов СССР», в котором наряду с общими вопросами будут отдельные статьи, посвященные постановке проблем изучения более чем двадцати народов Советского Союза.

При Институте истории Коммунистической Академии организована специальная группа по изучению истории крестьянских движений, народов СССР. В состав группы входит ряд историков-марксистов, работающих над проблемами крестьянских движений: тт. Томсинский, Мороховец, Г. Меерсон, Аверьев, Балашов, Знаменский, Шестаков, Лебедев, Терехова и целый ряд молодых научных работников и аспирантов. В план работ группы входит организация ряда научных бригад по монографическому изучению отдельных губерний бывш. России. Бригады составляются из работников Москвы и мест, причем последним предоставляется самая широкая инициатива. Уже сформированы бригады по монографическому изучению Московской и Тамбовской губ. Комплектуется бригада по Тверской губ. Одновременно намечен к подготовке ряд сборников, документов и монографий на отдельные темы: 1) крестьянское движение в эпоху декабристов, 2) крестьянское движение в эпоху реформы 1861 г. и народничества, 3) аграрные программы политических партий в истории революционного движения XIX и XX в.

Секция промышленного капитализма Института истории Коммунистической Академии издает сборник в честь 60-летия Парижской Коммуны. Содержание сборника: Лукин — «31 октября 1870 г.»; Вайнштейн — «Социально-экономическая деятельность Коммуны»; его же — «Революционная организация Парижа в период первой осады»; его же — «Французский банк эпохи Парижской Коммуны»; Молок — «Бисмарк и Парижская Коммуна»; «Военная организация и делегат Россель»; Кан — «Пресса Парижской Коммуны»; Ясинский — «Дембровский».

В КОМИССИИ ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

В 1929 г. при ЦИК Союза ССР была образована Комиссия по изданию документов эпохи империализма. Комиссия эта руководит изданием материалов секретных архивов царского и временного правительств, выпускаемого под названием «Международные отношения в эпоху империализма». Председателем Комиссии и главным редактором является М. Н. Покровский.

Издание охватывает период с 1878 г. по 1917 г. и состоит из трех серий: I серия—1878—1904 гг., II серия—1905—1914 гг. и III серия 1914—1917 гг. Работа начата с наиболее актуального материала, т. е. с III серии.

О масштабе работы говорит тот факт, что период в семь месяцев 1914 г. представлен в пяти томах.

Право перевода подготовляемых к печати 12 томов первой серии на иностранные языки, с условием абсолютно точного воспроизведения советского текста, предоставлено германскому об-ву по изучению Восточной Европы. Интерес к нашим материалам такого рода за границей проявляется большой. Ряд буржуазных органов, располагая сведениями только еще о предположениях Комиссии, подробно освещает значение подготовляемой у нас многотомной работы, а «Berliner Monatshefte für internationale Aufklärung», проявляя особый интерес к этому делу, помещает в качестве передовой в ноябрьской книжке за 1930 г. вводную статью М. Н. Покровского к I тому большой советской публикации¹.

Документы печатаются в хронологическом порядке, соответственно разворачиванию освещаемых ими событий. Поэтому нельзя резко ограничить содержание одного тома от другого. Вскоре выходящий в свет том I под редакцией А. Л. Попова

¹ См. «Историк-марксист», кн. 17

(14/1 янв.—12 марта 1914 г.) развертывает картину проникновения русского империализма в Персию и его политики на Ближнем и Дальнем Востоке. Уже печатаются составленные под ред. А. С. Иерусалимского тома II и III (март—июнь 1914 г.), в которых отражено обострение англо-русских противоречий в Персии, борьба за влияние в Болгарии, свидание Николая с румынским королем в Констанце, греко-турецкий конфликт, албанский вопрос, деятельность сербской офицерской тайной организации «Черная рука». Вскоре появятся также редактируемый Э. Гриммом т. IV, начинающийся днем убийства австро-венгерского наследника и кончающийся вручением Сербии австрийского ультиматума (визит Пуанкаре в Петербург, заключение болгарского займа в Берлине и т. д.), и т. V, охватывающий период от предъявления ультиматума Сербии до вступления Англии в войну.

Подготавливаются издания томов VI, VII и VIII, охватывающих период от 5 августа 1914 г. до конца 1915 г. Эти тома будут сданы в печать в апреле с. г.

Из II серии, посвященной периоду, предшествовавшему войне, в первую очередь намечены к разработке материалы 1911—1914 гг. (займут 4 тома). Над подготовкой к печати этих томов уже ведется работа, которая будет закончена в течение текущего года.

БИБЛИОТЕКА „ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ“

На днях вышла в свет первая книга Библиотеки «Всемирная История», выпускаемой Обществом историков-марксистов при Коммунистической академии ЦИК СССР (изд. «Огонек»). Книга эта — работа немецкого коммуниста Иосифа Ленца «История II Интернационала» — вышла под редакцией и со вступительной статьей Карла Радека.

В настоящее время находятся в производстве и в ближайшее время выйдут в свет следующие книги: 1) «История пролетариата России», куда войдут работы: Нечкиной «Рабочий класс крепостной России», Невского «Рабочий класс в 60—70 гг.», Панкратовой «Рабочий класс эпохи капиталистической реакции», Панкратовой «Рабочий класс в революции 1905 г.», Граве «Рабочий класс между двумя революциями», Сидорова «Рабочий класс и Февральская революция» и Югова «Рабочий класс и Октябрьская революция»; 2) «Ранние буржуазные революции», куда войдут работы: Кунисского «Проблема ранних буржуазных революций», Семенова «Английская революция XVI в.» и Пакуля «Нидерландская революция XVI в.».

В ближайшие дни сдаются в производство книги: М. Н. Покровского «Очерки по истории революционного движения в России», Ю. К. Милонова «История техники», Д. О. Заславского «Соединенные Штаты в первую половину XIX в.».

НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ

В Социально-Экономическом отделе ОГИЗ выходят в ближайшее время следующие книги:

- А. Гукковский. «Антанта и Октябрьская революция».
- Эссен. «Три интернационала» (4-е изд.).
- А. Ни фонтов. «1848 г. в России».
- Н. Рубинштейн «К истории учредительного собрания в России».

